
РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ
ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ
НАУКАМ

Вестник Кувейтского
научный журнал

Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации

2 (101)
2022

МОСКВА
2022

УДК 008
ББК 71.0
В 38

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел культурологии

Редакция «Вестника»:

Гл. ред. *О.В. Кулешова* – кандидат филол. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Технический редактор и секретарь издания *Т.Н. Гончарова*,
ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия:

Г.Н. Андреева – кандидат юридических наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Т.В. Володина – доктор филол. наук, Центр изучения белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия
А. Главачек – доктор педаг. наук, Карлов университет, Прага, Чехия
А.В. Дроздова – доктор культурологии, Гуманитарный университет, Екатеринбург, РФ
И.А. Едошина – доктор культурологии, Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, Кострома, РФ
Д.Н. Замятин – доктор культурологии, Высшая школа урбанистики ВШЭ, Москва, РФ
А.В. Костина – доктор культурологии, доктор философии, Институт фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, Москва, РФ
Т.Н. Красавченко – доктор филол. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
С.Я. Левит – кандидат филос. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
И.В. Леонов – доктор культурологии, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, РФ
И.И. Лисович – доктор культурологии, кандидат филологических наук, РАНХиГС при Президенте РФ, Московский гуманитарный университет, Москва, РФ
Н.Т. Пахсарьян – доктор филол. наук, ИНИОН РАН, МГУ, Москва, РФ
И.И. Ремезова – кандидат филос. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Е.В. Сальникова – доктор культурологии, Государственный институт искусствознания, Москва, РФ
Л.В. Скворцов – доктор филос. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
У. Фрёшле – доктор филол. наук, Технический университет Дрездена, Дрезден, Германия
А.И. Шмаина-Великанова – доктор культурологии, Центр изучения религий РГГУ, Москва, РФ
В.Г. Щукин – доктор гуманитарных наук, Ягеллонский университет, Институт восточнославянской филологии, Краков, Польша

Вестник Культурологии включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки).

ISSN 2658-3291

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.00

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера: Трансформация культур в современном обществе

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Куцарова М.П.</i> Живая этика как философское основание пакта Рериха	9
---	---

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Душенко К.В.</i> 'Русофобия' и родственные понятия в Германии XIX в.	25
<i>Красавченко Т.Н.</i> От миража к трагедии. Британская лениниана: от Бертрانا Рассела и Уэллса, П. Траверс, У.Х. Одена до Р. Конквеста, Р. Сервиса, С. Себага-Монтефиоре, К. Мерридейл... ..	52
<i>Ташкенов С.П.</i> «Революционный субъект» в психиатрии и литературе	84

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Кузнецова Е.А.</i> «Фантазия в русской манере на английские темы» Сергея Эйзенштейна	96
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> Перекрестье культур и метаморфозы времени в романах Андрея Макина	111
<i>Силантьева В.И.</i> Трансфер и трансформер в межвидовом художественном пространстве (литература и живопись).....	127

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

<i>Старостина Н.Б.</i> Об опыте создания православной музыки в китайском традиционном стиле (на примере тропарного осмогласия и литургии).....	149
--	-----

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

<i>Андреева Г.Н.</i> Великая хартия вольностей как правовой акт, культурно-исторический артефакт и объект изобразительного искусства	163
--	-----

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

<i>Шипилов А.В.</i> [Пост]современная социальность: [до]исторические аналоги	195
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Лавренова О.А.</i> Философия холода. Международный семинар по циркумполярным социокультурным исследованиям	214
---	-----

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

<i>Юрченко Т.Г.</i> Рецензия на книгу: <i>Седакова О.А.</i> Сергей Сергеевич Аверинцев : Воспоминания. Размышления. Посвящения.	224
--	-----

ПЕРЕВОДЫ

Вацлав Кубацкий. Пластический и поэтический образ Медного Всадника (перевод с польского К.В. Душенко)	231
---	-----

IN MEMORIAM

Пьер Пеллегрини (1947–2022). Памяти друга и попутчика.....	234
--	-----

Russian
Academy of Sciences

Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Herald of Culturology

Scientific journal

N 2 (101)
2022

Published since 1992
4 Issues per year

Moscow
2022

УДК 008
ББК 71.0
В 38

Founders:

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences

The Department of Culturology

The editor of the Herald:

Chief editor *Olga Kuleshova* – PhD in Philology, INION RAS, Moscow, Russia
Technical editor and Secretary of the publication, INION RAS, Moscow, Russia
Tatyana Goncharova

Editorial board:

Galina Andreeva – PhD in Law, INION RAS, Moscow, Russia
Tatyana Volodina – Doctor of Sciences in Philology, Center for the Study of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Antonin Glavachek – Doctor of Sciences in Pedagogy, Charles University, Prague, Czech Republic
Alla Drozdova – Doctor of Sciences in Culturology, Humanities University, Yekaterinburg, Russia
Irina Edoshina – Doctor of Sciences in Culturology, Kostroma State University named after N.A. Nekrasov, Kostroma, Russian Federation
Dmitriy Zamyatin – Doctor of Sciences in Culturology, HSE Graduate School of Urban Studies, Moscow, Russia
Anna Kostina – Doctor of Sciences in Culturology, Doctor of Sciences in Philosophy, Institute of Fundamental and Applied Research, Moscow Humanitarian University, Moscow, Russian Federation
Tatyana Krasavchenko – Doctor of Sciences in Philology, INION RAS, Moscow, Russia
Svetlana Levit – PhD in Philosophy, INION RAS, Moscow, Russia
Ivan Leonov – Doctor of Sciences in Culturology, St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia
Inna Lisovich – Doctor of Sciences in Culturology, Candidate of Philological Sciences, RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia
Natalya Pakhsaryan – Doctor of Sciences in Philology, INION RAS, Moscow State University, Moscow, Russia
Irina Remezova – PhD in Philosophy, INION RAS, Moscow, Russia
Ekaterina Salnikova – Doctor of Sciences in Culturology, State Institute of Art Studies, Moscow, Russia
Lev Skvortsov – Doctor of Sciences in Philosophy, INION RAS, Moscow, Russia
Ulrich Freschle – Doctor of Sciences in Philology, Technical University of Dresden, Dresden, Germany
Anna Shmain-Velikanova – Doctor of Sciences in Culturology, Center for the Study of Religions, RSUH, Moscow, Russia
Vasiliy Shchukin – Doctor of Sciences in Humanities, Jagiellonian University, Institute of East Slavic Philology, Krakow, Poland
The Herald of Culturology is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:
5.10.1. Theory and history of culture, art (cultural studies),
5.10.1. Theory and history of culture, art (philosophical sciences)

ISSN 2658-3291

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.00

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, INION RAS», 2022

CONTENTS

Theme of the issue: Transformation of cultures in modern society

PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Koutsarova M.P.</i> The Living Ethics as the philosophic foundation of the Roerich Pact.....	9
---	---

CULTURAL HISTORY

<i>Dushenko K.V.</i> ‘Russophobia’ and related concepts in Germany in the 19 th century.....	25
<i>Krasavchenko T.N.</i> From mirage to tragedy. British Leniniana: from Bertran Russell and H. Wells, P. Travers, W.H. Auden to R. Conquest, R. Service, S. Sebag-Montefiore, C. Merridale... ..	52
<i>Tashkenov S.P.</i> The “Revolutionary subject” in psychiatry and literature .	84

THEORY AND HISTORY OF FORMS OF ARTISTIC CULTURE

<i>Kuznetsova E.A.</i> “A Fantasia in the Russian Manner on English Themes” by Sergei Eisenstein	96
<i>Pakhsarian N.T.</i> The Crossroads of Cultures and Metamorphoses of time in Andreï Makine 's novels	111
<i>Silant'eva V.I.</i> Transfer and transformer in the interdisciplinary artistic space (literature and pictorial art)	127

MUSICAL CULTURE

<i>Starostina N.B.</i> On the experience of creating Orthodox music in the Chinese traditional style (on the example of the troparion Octoechos and the Liturgy)	149
--	-----

LAW CULTURE

<i>Andreeva G.N.</i> The Magna Carta as a legal act, a cultural and historical artifact and an object of fine art	163
---	-----

CULTURE AND SOCIETY

<i>Shipilov A.V.</i> [Post] Modern Sociality: [Pre] Historical Analogues.....	195
---	-----

CONFERENCES

<i>Lavrenova O.A.</i> The Philosophy of the Cold. International Workshop on Circumpolar Sociocultural Issues	214
--	-----

BOOK REVIEWS

<i>Yurchenko T.G.</i> Book review: Sedakova O.A. Sergei Sergeevich Averintsev: Vospominaniya. Razmyshleniya. Posvyashcheniya [Memoires. Thoughts. Dedications]. – Moscow : Svyato-Filaretovskii Pravoslavno-Christiankii Institut Publ., 2020. – 328 p.....	224
---	-----

TRANSLATIONS

Vaclav Kubacki. Plastic and poetic image of the Bronze Horseman (translated from Polish by K.V. Dushenko)	231
---	-----

IN MEMORIAM

Pierre Pellegrino (1947–2022). In memory of a friend and fellow traveler	234
--	-----

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 17+341: Рерих

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.01

Куцарова М.П.*

ЖИВАЯ ЭТИКА КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПАКТА РЕРИХА[©]

Аннотация. В статье показана неразрывная связь первого договора о защите ценностей культуры в мирное время и во время вооруженных конфликтов, который был инициирован выдающимся русским мыслителем, художником, ученым и общественным деятелем Николаем Рерихом, и философской системой Живая Этика, созданной Е.И. Рерих и Н.К. Рерихом в сотрудничестве с духовными Учителями Востока и представляющей собой синтез Восточной философии и русского космизма.

Согласно Живой Этике, культура является двигателем эволюции человечества, основой прочного мира на планете. Концепция культуры Н.К. Рериха, базирующаяся на идеях Живой Этики, не только проводит четкое разграничение между культурой и цивилизацией, но и обосновывает необходимость приоритета культуры во взаимодействии с цивилизацией. Принцип приоритета культуры воплощен в Пакте Рериха: этот международный договор предусматривает безусловную

** Куцарова Марга – юрист-международник, председатель Национального общества Рерихов, София, Болгария, e-mail: m.koutsarova@gmail.com*

Koutsarova Marga – lawyer – specialist in international law (LLM Sofia University, Bulgaria, LLM University of Warwick, United Kingdom), Chair of the National Roerich Society in Bulgaria, Sofia, Bulgaria, e-mail: m.koutsarova@gmail.com

© Куцарова М., 2022

защиту ценностей культуры во время вооруженных конфликтов (приоритет культуры над военной необходимостью) и приоритет культуры (образования, науки, искусства, духовности) в мирное время при проведении внутренней политики стран, что означает, в частности, приоритетное финансирование объектов культуры, науки, образования.

Главной задачей Пакта Рериха является сохранение объектов культурного наследия. Согласно Живой Этике, сохранение материальных ценностей культуры – это сохранение энергетики самой культуры – основы эволюции человечества, ибо энергетика без материи не существует. Культурное наследие, аккумулировавшее в себе светлую творческую силу мысли своих великих создателей, имеет важнейшее значение для оздоровления общества, для преодоления тяжелейших кризисных процессов современности, главный среди которых – нравственный кризис. Уничтожение ценностей культуры и самого пространства культуры неизбежно приводит к доминированию псевдокультуры, резонирующей с низшими инстинктами человека, приводящей к разбуханию самости, массового потребления, агрессии. Истинная культура, истинное искусство, одухотворенная наука способствуют развитию внутренних духовных сил человека, раскрытию его творческих способностей, а следовательно, и продвижению человечества по лестнице космической эволюции.

Ключевые слова: Н.К. Рерих, Е.И. Рерих, Л.В. Шапошникова; Живая Этика; Пакт Рериха; Знамя Мира; концепция культуры Н.К. Рериха; культура; цивилизация; эволюция человечества; международное право в области сохранения ценностей культуры; Гаагская конвенция 1954 г. о защите ценностей культуры в случае вооруженного конфликта.

Получена: 10.01.2022

Принята к печати: 30.01.2022

Koutsarova M.P.

The Living Ethics as the philosophic foundation of the Roerich Pact

Abstract. The paper demonstrates the intrinsic connection between the Roerich Pact – the first international treaty on the protection of cultural property in peace-time and in time of armed conflicts, and the philosophic system of the Living Ethics. The Pact was initiated by the outstanding Rus-

sian thinker, artist, scholar and public figure Nicholas Roerich whereas the Living Ethics was created by Helena Roerich and Nicholas Roerich in co-operation with the spiritual Teachers of the East, and it represents a synthesis of the Eastern philosophy and the Russian cosmism.

According to the Living Ethics, culture is the foundation and the driving force of the evolution of humanity, it is also the basis for lasting peace in the world. Nicholas Roerich's concept of culture—which is based on the ideas of the Living Ethics—not only draws a clear line of distinction between culture and civilization, it also substantiates the necessity of according priority to culture in its interrelation with civilization. The principle of priority of culture is implemented in the Roerich Pact: this international treaty provides for unconditional protection of cultural property in times of armed conflict (priority of culture over military necessity), and in peacetime it accords priority to culture (education, science, arts and spirituality) in the internal policies of the countries, which means in particular priority of funding of the cultural, scientific and educational institutions.

The main objective of the Roerich Pact is the preservation of cultural property. According to the Living Ethics the preservation of the material objects of culture means the preservation of the energy of culture (the latter is the foundation for the evolution of mankind), for energy does not exist without matter. Cultural heritage which has accumulated in itself the creative luminiferous power of thought of its great creators is of paramount importance for improvement of society and for overcoming the deep-running contemporary crises and particularly the main one of them – the moral crisis. The destruction of cultural objects and consequently of the very space wherein culture exists inevitably brings about the domination of pseudo-culture which resonates with the low instincts of the human being and leads to the swelling of egotism, aggression and mass predatory consumption. True culture, true art, and science elevated by ethics contribute for the development of the inner spiritual strength of the human being, for the flowering of her/his creative potential and therefore for the advancement of humanity on the ladder of its cosmic evolution.

Keywords: Nicholas Roerich; Helena Roerich; Ludmila Shaposhnikova; the Living Ethics; the Roerich Pact; the Banner of Peace; the concept of culture of Nicholas Roerich; culture; civilization; evolution of humanity; international law in the field of cultural property protection, the

1954 Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict.

Received: 10.01.2022

Accepted: 30.01.2022

В начале XX в. была сформулирована и воплощена в жизнь одна из величайших идей нашего времени об охране сокровищ человеческого духа. Идея и ее реализация принадлежат выдающемуся русскому мыслителю, художнику, ученому и общественному деятелю Николаю Рериху. Впервые культура была определена как основа усовершенствования жизни на Земле, как двигатель эволюции человечества. Впервые она была утверждена и как основа прочного мира на планете, как источник лучшего решения сложнейших социальных проблем и преодоления глобальных кризисов. В истории мысли прошлого столетия и нынешнего времени этот огромный вклад Николая Рериха недостаточно оценен. Его концепция культуры не вполне осмыслена, но признание идей тоже имеет свои сроки. Е.И. Рерих писала: «Каждая Мысль, Идея и действие имеют свои волны подъема и ныряния» [Рерих Е.И., 2009, с. 414]. Приходит время нового всплеска идей, и лучшие творцы продолжают дело своих предшественников, выкристаллизовывая заложенные ими основы и развивая их. Впервые в пространстве науки концепция культуры Н.К. Рериха ясно и убедительно была раскрыта во всей ее глубине в работах известного рериховеда, историка и философа Л.В. Шапошниковой. Она показала, что именно эта концепция была воплощена русским мыслителем и художником в Пакте Рериха.

Все сотворенное человеком является результатом его творческого мышления. Великие произведения искусства, философии, науки, выдающиеся общественные достижения по сохранению и развитию культуры являются выражением мышления, которое знаменует мысль соответствующей эпохи. Человечество прошло через мифологический, религиозный и научный типы мышления. В конце XIX – начале XX в. Россия стала родиной нового космического мышления. К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.Н. Вернадский и другие мыслители положили начало русскому космизму. Н.К. Рерих и Е.И. Рерих принадлежат к блистательной плеяде русских космистов и являются

одними из создателей космического мышления, в котором они объединили русскую и восточную духовную традиции. Рерихами, в сотрудничестве с духовными Учителями Востока, Махатмами (или Великими Душами (санскр.)), была создана философия космической реальности – Живая Этика, которая стала основой нового мышления. И если над текстами Живой Этики работала преимущественно Елена Ивановна Рерих, то Николай Константинович воплощал эволюционные идеи этой философской системы в своих несравненных живописных полотнах. Параллельно с созданием Живой Этики в текстах и образах Николай Константинович вел работу над Пактом и Знаменем Мира.

Н.К. Рерих стал инициатором и автором первого международного договора по сохранению объектов культуры в мирное время и во время вооруженных конфликтов. Таким образом, Пакт Рериха, воплотивший в себе мысли и идеи Николая Константиновича, творчески отображает новое космическое мышление в «социальной материи». По определению Л.В. Шапошниковой, Пакт Рериха является эволюционным действием, поскольку этот международный договор – результат творчества старших Рерихов в созвучии с сокровенной духовной традицией Востока и полностью основан на идеях философского учения Живой Этики.

Следует сказать несколько слов о Пакте как о международном договоре (Пакт Рериха на английском языке, который является аутентичным для этого договора, можно найти в базе данных Международного комитета Красного Креста по международному гуманитарному праву [Treaty on the Protection ...]). Пакт Рериха или Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, подписанный в 1935 г. в Вашингтоне, – **действующий** международный договор. Он предоставляет чрезвычайно высокий уровень защиты культурных ценностей. Пакт Рериха защищает ценности культуры в любое время – во время вооруженных конфликтов международного и не международного характера и в мирное время (что включает в себя с юридической точки зрения собственно мир, а также революции и восстания). Чрезвычайно важно то, что Пакт Рериха предусматривает **безусловную защиту** исторических памятников, музеев, художественных, научных, образовательных и

культурных учреждений, т.е. всех объектов культуры и их персонала, как во время вооруженных конфликтов, так и в мирное время, иными словами, Пакт воплотил принцип приоритета культуры в общественной жизни. Для сравнения, Гагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта предоставляет лишь условную защиту ценностей культуры, что дает возможность военным **по их усмотрению** снять юридическую защиту памятника культуры во время ведения военных действий. Это привело к значительной неэффективности Гагской конвенции 1954 г. [Boylan, 2005, с. 2]. Кроме того, Гагская конвенция 1954 г. защищает ценности культуры только во время вооруженных конфликтов и не предусматривает защиты научных и образовательных учреждений и значительной части культурных и художественных миссий. Защиту персонала культурных объектов предусматривает только Пакт Рериха. Важно отметить, что Гагская конвенция 1954 г. ссылается в своей преамбуле на принципы Пакта Рериха, поскольку она основывается на его достижениях. Формат статьи не позволяет здесь рассматривать вопрос, почему Гагская конвенция 1954 г. и ее два Протокола 1954 г. и 1999 г. предоставляют ценностям культуры такой невысокий уровень защиты по сравнению с Пактом Рериха.

В 1935 г. президент США Ф.Д. Рузвельт призвал все народы мира присоединиться к Пакту Рериха [Знамя Мира ..., 2005, с. 192]. Накануне Второй мировой войны ни одна европейская страна, в том числе и СССР, не присоединилась к Пакту, подписанному 21 страной Северной и Южной Америки, и как следствие – европейскими странами была заплачена страшная цена – произошло немыслимое по своим масштабам разрушение объектов культуры во время Второй мировой войны. После 1945 г. призыв о присоединении к Пакту Рериха больше не прозвучал. В результате Пакт остался региональным договором, охватывающим обе Америки, а универсальным договором в области охраны культурных ценностей в случае вооруженного конфликта стала Гагская конвенция 1954 г.

В конце Второй мировой войны Дрезден подвергся бомбардировке союзными войсками, были сброшены атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, в последующие годы вспыхнули региональные войны во Вьетнаме и Корее. На рубеже тысячелетий были разрушены

памятники шумерской культуры в Ираке. Методы проведения этих бомбардировок и войн по сути несовместимы с юридическими принципами, заложенными в Пакте Рериха, но Пакт формально не имел юридического действия на территории стран, где происходили эти трагические события. Опыт второй половины XX в. и современное состояние мира указывают на необходимость продвижения Пакта Рериха в качестве действующего международного договора в масштабах всего человечества, а также прогрессивного развития международного права в области сохранения культурных ценностей на основе принципов Пакта.

Пакт Рериха как международный договор имеет огромное значение не только в международном праве и международных отношениях¹. Пакт требует во внутренней политике каждой страны особого внимания законодательным мерам и приоритетному финансированию культуры, науки, образования, искусства. Иными словами, Пакт Рериха проводит последовательно принцип приоритета культуры и в мирное время.

Связь Пакта Рериха и его философской основы – учения Живой Этики – глубока и многогранна. Разрабатывая концепцию культуры, в особенности в аспекте взаимоотношения культуры и цивилизации, между которыми он проводил четкое разграничение, Н.К. Рерих, несомненно, опирался на философию и методологию познания Живой Этики. Мы уверены, что каждое будущее поколение будет открывать новые грани и новые глубинные связи Пакта Рериха и Живой Этики. Но также есть уверенность в том, что работы Л.В. Шапошниковой, крупного мыслителя и ученого, внесшего огромный вклад в возрождение процессов формирования в России нового космического мышления на рубеже XX и XXI вв., будут служить основой всех новых исканий.

Согласно концепции культуры Н.К. Рериха и идеям Живой Этики именно культуре отводится определяющая роль в процессе ду-

¹О Пакте Рериха с точки зрения международного права написано немало в международно-правовой литературе, см.: [Boylan, 1993, p. 56–57]; [Toman, 1996, p. 18]; [Nahlik, 1988, p. 203–209]; [Campbell, 2009, p. 431]; [Elbinger, 1992]; [Александров, 1978]; [Богуславский, 1990, с. 15 и сл.]; [Баренбойм, Захаров, 2010]; [Куцарова, 2013, с. 29–36]; [Куцарова, 2014].

ховной эволюции человечества. Культура – это форма существования духа или самоорганизующаяся система духа, по определению Л.В. Шапошниковой. Динамичный дух как высокая энергетическая структура стремится к утончению материи, ее восхождению, иначе говоря, к усовершенствованию всех форм жизни. В этом Н.К. Рерих видел дуализм и взаимное дополнение культуры и цивилизации. Культура есть дух творческой деятельности человека, выраженный в материальных ценностях и в нематериальном культурном наследии (эпос, легенды, фольклор). Цивилизация же является обустройством жизни во всех ее материальных и гражданских аспектах. Н.К. Рерих писал: «...Культура есть двигатель. Культура есть сердце» [Рерих Н.К., 1991, с. 63]. Потому во взаимодействии с цивилизацией приоритет должен принадлежать именно культуре, что и отражено в Пакте Рериха.

Красота – не отвлеченное понятие, и не условность, а проявление гармонии духа ее творцов. Уточняя формулу Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир», Н.К. Рерих сделал важное добавление – *осознание* Красоты спасет мир. В этом заключен смысл космической эволюции, которая идет от хаоса к порядку, от простого к сложному, от элементарной системы к красоте, от неосознанности – к осознанию и принятию ответственности. Творчество – это сокровенная энергия, благодаря которой самоорганизующаяся система духа продвигается от хаоса к космосу красоты. Сердечность и любовь как высокие качества духа, так же как и все нравственные ценности, есть неотъемлемая часть культуры. Они самым тесным образом связаны с понятием высшего идеала. Е.И. Рерих отмечала: «Все чаще произносят слово Культура, но Культура есть стремление к утончению, к Красоте, к совершенствованию; и сам процесс совершенствования не есть ли стремление к Идеалу» [Рерих Е.И., 2007, с. 330]. Без ведущих идеалов красоты, без ведущего Знамени невозможно продвижение. Потому «отрицающие Иерархию тем самым отрицают эволюцию» [Рерих Е.И., 2007, с. 253], – подчеркивала Е.И. Рерих. «Культура не может существовать без естественной связи с Высшим. Ее самоорганизующаяся система формируется под непосредственным влиянием контактов с мирами более высокого состояния материи, более высоких измерений» [Шапошникова, 2005].

Почему в концепции культуры Н.К. Рериха важнейшее значение имеет охранение объектов культурного наследия? Почему это является главной задачей Пакта Рериха? В одной из последних книг Живой Этики – «Надземное» сказано: «...происходящий Армагеддон имеет задачу разложить все энергии человечества. Так надеются темные, но Мы знаем, что противопоставить им» [Учение Живой Этики, 1996, ч. 2: Надземное, § 122]. Н.К. Рерих утверждал: «Культура есть спасение» [Рерих Н.К., 1991, с. 63], спасение от деструктивных стремлений человечества. Мы сейчас являемся свидетелями и участниками одного из тяжелейших кризисов, который может стать последним. Это прежде всего глубочайший нравственный кризис. Он проявляется не только как кризис идеологий, в ведении войн и организации террористических актов, но и в торговле людьми, коррупции и многих других духовных язвах, которые поражают все уровни общества на планете. Этот процесс происходит в каждом отдельном человеке, в его микрокосме, что ведет к разложению человечества в целом, наступлению хаоса в макрокосме. Как культура может противостоять разложению всех энергий человечества? В работе «Метаисторический смысл Пакта Рериха» Л.В. Шапошникова дает ответ на этот вопрос, подчеркивая, что памятники культуры и их сохранение связаны непосредственно с эволюцией. Она писала: *«Памятники культуры есть энергетика самой культуры. Известно, что энергетика без материи не существует. Ее нет в свободном состоянии... Огромные ее запасы находятся в памятниках истинного искусства»* [Шапошникова, 2011, с. 85].

Энергетика микрокосма человека связана с энергетикой макрокосма или с энергетическим пространством планеты. В Живой Этике об этом говорится в контексте извечной борьбы Света и тьмы. В книге «Надземное» сказано: «Силы тьмы стремятся или уничтожить предметы искусства, или, по крайней мере, отвратить от них внимание человечества. Нужно помнить, что отвергнутое, лишенное внимания произведение не может излучать свою благотворную энергию. Не будет живой связи между холодным зрителем или слушателем и замкнутым творением. Смысл претворения мысли в произведение очень глубок, иначе говоря, он является притягательным магнитом и собирает энергию. Так, каждое произведение живет и способствует обмену и

накоплению энергии» [Учение Живой Этики, 1997, Надземное, § 122]. Там же сказано: «Не мало Мы спасали произведений искусства. Мы видели, как изощрялись темные, чтобы затруднить такие целебные условия. Но Мы знаем из самых Высших Сфер, когда нужно помочь человечеству. В Тонком Мире уже давно известно это предназначение» [там же].

Н.К. Рерих, проведя полжизни в Гималаях, писал об этих высочайших горах планеты, которые он знал, любил и так поэтически изобразил на своих сверкающих полотнах: «В этих местах, где была выкристаллизована великая мудрость Риг-Вед, где прошли сами Махатмы, здесь, в пещерах и на вершинах аккумулировалась сила человеческой мысли!» [Рерих Н.К., 2000, с. 129]. Принцип аккумуляции мощной и светлой человеческой мысли приложим не только к Гималаям, хотя Гималаи – особое место на земле. Но также он применим ко всем музеям, историческим памятникам, объектам культурного наследия, где хранятся произведения истинного искусства, произведения великих творцов, явленных в истории человечества, отражения высшей красоты.

Отец Павел Флоренский писал об одухотворении материи духом. Полстолетия спустя одним из последователей философии Живой Этики Б.Д. Абрамовым был создан текст, который представляет собой развернутый комментарий ко многим положениям первоисточника и впоследствии получил название «Грани Агни Йоги». Здесь можно встретить подобные разъяснения: «Считают, что стены притона разврата и стены пещеры Риши не отличаются друг от друга, так как химический их анализ не обнаружит различия. Но уже знаете, что материальные предметы запечатлевают на себе эманации окружающие. Незримая фотография. При известных условиях отпечатки можно проявить (эти мысли). Точно так же звук запечатлевается в хорошо обыгранной скрипке, увеличивая ее ценность. Глубина материи неисчерпаема. Конца нет. И где-то, на какой-то ступени этого углубления в строение материи, можно будет даже при помощи аппаратов будущего уловить эти отпечатки и доказать, что они как бы входят в состав материи данного предмета и изменяют его. Потому предметы священные, памятные, и предметы обихода, и предметы, насыщенные низкими или убийственными излучениями, имеют различные материальные

свойства, еще не уловимые аппаратами современной науки, но уловимые, и чувствуемые, и ощущаемые утонченным сознанием человека. Кольца, ожерелья, старинные вещи несут на себе наслоения многих веков. Бывают счастливые и несчастливые вещи. Бывают предметы, приносящие несчастье, бывают предметы благословения» [Грани Агни Йоги..., 2004, § 362]. Памятники культуры и есть те самые предметы благословения. Во всех этих параграфах – и Живой Этики и «Граней Агни Йоги» – говорится о взаимодействии энергетики памятников культуры и энергетики человека, взаимодействии макрокосма и микрокосма.

Живая Этика, во многом наследуя онтологию ведической и буддийской философии, говорит о трех мирах: мире плотной материи, тонкой материи и огненной высшей материи, высшем мире. Эти три мира представлены и в микрокосме, т.е. самом человеке, его телах: плотном теле, тонком теле и огненном теле. Воздействие истинной красоты на высшие нервные энергетические центры человека, которые связаны с его высшим духовным Я, имеет огромное значение и способствует эволюции души. Для этого, конечно, нужны и собственные усилия человека, но культура оказывает огромную помощь на этом пути и в любом случае имеет огромное значение. Истинная культура, истинное искусство, одухотворенная наука, философия способствуют развитию этих внутренних духовных сил в человеке. Взаимодействие с истинным искусством, одухотворенной наукой, философией способствует утончению и раскрытию высших проявлений духа в человеке, высшего Я, творческих способностей, способствует продвижению человека по лестнице космической эволюции.

Увы, но существуют и такие проявления человеческой деятельности, которые Д.С. Лихачев назвал псевдокультурой. Псевдокультура, или массовая культура, воздействует на самое низкое в человеке и поэтому является антиподом культуры. Она резонирует с низшими энергетическими центрами человека, и когда это воздействие часто или постоянно, приводит к разбуханию самости, желаний, потребления. Если не будет взаимодействия с истинной культурой, что сейчас мы наблюдаем у абсолютного большинства населения Земли, – то это практически означает отсутствие высших духовных взлетов и утрату искры Божественного огня, который вдохновляет истин-

ное творчество, прекращение развития высшего в человеке. Из этого следует духовная инволюция человека и, говоря словами из книги «Надземное», приводит к началу разложения энергий. И Пакт Рериха, охраняя культуру, охраняет и энергетику, которая обеспечивает движение человечества к новым высотам.

Взаимодействие культуры и псевдокультуры, конечно, всегда не так однозначно. Многие элементы истинной культуры присутствуют в массовой культуре. Иногда очень трудно различить их, и это совершенно сознательно используется теми, кто создает массовую культуру. Призвание современных «служителей Муз», людей культуры, сотрудников музеев, художественных, научных учреждений – помочь другим людям разобраться и найти пути к истинной культуре. Потому Пакт Рериха, в отличие, например, от более поздней Гаагской конвенции 1954 г., берет под свою защиту не только артефакты и памятники, но и носителей культуры, сотрудников культурных миссий.

В заключение хотелось бы вспомнить, что именно в России, на Родине инициатора Пакта Рериха, Международным центром Рерихов (МЦР) был создан уникальный общественный Музей имени Н.К. Рериха. В нем, по мысли младшего сына Н.К. Рериха, художника и общественного деятеля Святослава Николаевича Рериха, передавшего на Родину наследие своих родителей, и благодаря творческой энергии Л.В. Шапошниковой, была воплощена культурная институция, практически осуществлявшая в общественной жизни все задачи Пакта Рериха. В этом отношении Международный центр Рерихов явился первопроходцем. Он восстановил из руин усадьбу Лопухиных в центре Москвы – воссоздал памятник культуры XVII–XIX вв., в котором и был размещен общественный Музей имени Н.К. Рериха. В музее работали энтузиасты и высокие профессионалы в области философии, науки, искусства, музейного дела, что способствовало развитию истинной культуры. Пример такого музея, Музейона, Дома Муз, о котором мечтал Н.К. Рерих, – культурной организации, восстанавливающей памятники культуры и синтетично работающей по всем вышеперечисленным направлениям, – чрезвычайно важен не только для России, но и для всего мира. Культурная деятельность МЦР и его общественного Музея имени Н.К. Рериха явилась мощным импульсом в международном продвижении идей Пакта Рериха в конце XX –

начале XXI в. Создание очага истинной культуры в Москве и утверждение в международном сообществе принципов и идей Пакта Рериха и его Знамени Мира, которое продолжается несмотря на тяжелейшие условия противостояния с госчиновниками от Минкульта, имеют огромное значение для будущего.

Список литературы

Александров Э. Международно-правовая защита культурных ценностей и объектов. – София : София-Пресс, 1978. – 142 с.

Баренбойм П., Захаров А. Пакт Рериха в XXI веке. – Москва : Летний сад, 2010. – 159 с.

Богуславский М.М. Пакт Рериха // Мир через культуру. – Москва : Советский писатель, 1990. – С. 10–16.

Грани Агни Йоги. 1959. – Новосибирск : Алгим, 2004. – 362 с.

Знамя Мира : сборник. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Междунар. Центр Рерихов, 2005. – 644 с.

Куцарова М. Пакт Рериха – основа международно-правовой системы защиты ценностей культуры и ее будущее // Пакт Рериха. История и современность (каталог выставки о Пакте в Отделении ООН в Женеве). – Москва : Международный Центр Рерихов, 2013. – С. 29–36 ; см. также : *Куцарова М.* Пакт Рериха – основа международно-правовой системы защиты ценностей культуры и ее будущее // Культура и время. – 2005. – № 4. – С. 66–77.

Куцарова М. Пакт Рериха: прошлое, настоящее, будущее. 2014 г. [лекция, представленная в мае 2014 года в Дворце Мира в Гааге, в рамках выставки МЦР о Пакте Рериха] // Сайт Международного Центра Рерихов. – URL: <https://icr.su/rus/news/kutsarova.php>

Рерих Е.И. Письма. [В 9 т.]. – Москва : МЦР, 2009. – Т. 9 : 1951–1955. – 608 с.

Рерих Е.И. Письма. [В 9 т.]. – Москва : МЦР, 2007. – Т. 8 : 1940–1947. – 472 с.

Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. – Рига : Виеда, 1991. – 269 с.

Рерих Н.К. Урусвати // *Рерих Н.К.* Шамбала. – Москва : МЦР, 2000. – 206 с.

Учение Живой Этики : в 3 кн. Ч. 2. Надземное. – Москва : МЦР, Мастер-Банк, 1996. – 414 с.

Учение Живой Этики. Надземное (Окончание). – Москва : МЦР, Мастер-Банк, 1997. – 144 с.

Шапошникова Л.В. Актуальность Пакта Рериха в современном мире // Культура и время. – 2005. – № 4(18). – С. 40–51.

Шапошникова Л.В. Метаисторический смысл Пакта Рериха // 75 лет Пакту Рериха. Материалы Междунар. науч.-обществ. конф. 2010. – Москва : МЦР, 2011. – 395 с.

Boylan P. Review of the Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (The Hague Convention of 1993). – Paris : UNESCO, 1993. – 248 p.

Boylan P. The Significance of the 1954 Hague Convention and its 1999 Second Protocol in Relation to the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. // Cultural Policy, Criticism and Management. – London : City University, 2005. – Issue 1. – P. 1–8. – ISSN 1746–7845.

Campbell C. Arts and Arms: an examination of the looting of the National Museum of Iraq // Boston College International and Comparative Law Review. – 2009. – Vol. 32. – P. 423–438.

Elbinger L.K. The Neutrality of Art. The Roerich Pact's quest to protect art from the ignorance of man // Foreign Service Journal. – 1992. – April. – P. 16–20.

Nahlik Stan.-Edw. Protection of Cultural Property // International Dimensions of Humanitarian Law. – Geneva : Henry Dunant Institute ; Paris : UNESCO ; Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1988. – P. 203–215.

Toman J. The Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. – Dartmouth : UNESCO Publishing, 1996. – 525 p.

Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments (Roerich Pact) // Сайт Международного комитета Красного Креста в Женеве: База данных по международному гуманитарному праву МККК (на английском языке): icrc.org, раздел: War and Law, подраздел: Treaties, States Parties and Commentaries. – Washington, 1935. – 15 April. – URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=EE57F295093E44A4C12563CD002D6A3F&action=openDocument>

References

Aleksandrov, E. (1978). *Mezhdunarodno-pravovaya zashchita kul'turnyh cennostej i ob"ektov* [International legal protection of cultural values and objects]. Sofia : Sofiya-Press. (In Russ.)

Barenbojm, P., Zaharov, A. (2010). *Pakt Reriha v XXI veke* [The Roerich Pact in the XXI century]. Moscow : Letnij sad. (In Russ.)

Boguslavskij, M.M. (1990). Pakt Reriha [The Roerich Pact]/ In *Mir cherez kul'turu* [Peace through culture], (pp. 10–16). Moscow : Sovetskij pisatel'. (In Russ.).

(Anonymous) (2004). *Grani Agni Jogi. 1959* [The facets of Agni Yoga. 1959]. Novosibirsk : Algim. (In Russ.)

(Anonymous) (2005). *Znamya Mira : sbornik. – 2-e izd., dop. i pererab.* [The Banner of Peace : collection. 2 nd ed., additional and reprint.]. Moscow : Mezhdunar. Centr Rerihov. (In Russ.)

Kucarova, Marga. (2013). Pakt Reriha – osnova mezhdunarodno-pravovoj sistemy zashchity cennostej kul'tury i ee budushchee [The Roerich Pact is the basis of the interna-

tional legal system for the protection of cultural values and its future]. In *Pakt Reriha. Istoriya i sovremennost' (katalog vystavki o Pakte v Otdelenii OON v Zheneve)* [The Roerich Pact. History and modernity (catalogue of the exhibition about the Pact at the UN Office in Geneva)], (pp. 29–36). Moscow : Mezhdunarodnyj Centr Rerihov ; sm. takzhe = see also: Kucarova, Marga. (2005). *Pakt Reriha – osnova mezhdunarodno-pravovoj sistemy zashchity cennostej kul'tury i ee budushchee* [The Roerich Pact is the basis of the international legal system for the protection of cultural values and its future]. In *Kul'tura i vremya* [Culture and time], (4), (pp. 66–77). (In Russ.)

Kucarova, Marga. *Pakt Reriha: proshloe, nastoyashchee, budushchee. 2014 g. (lekciya, predstavennaya v mae 2014 goda v Dvorce Mira v Gaage, v ramkah vystavki MCR o Pakte Reriha)* [The Roerich Pact: past, present, future. 2014 (lecture presented in May 2014 at the Peace Palace in The Hague, as part of the ICR exhibition on the Roerich Pact)]. Sajt = website Mezhdunarodnogo Centra Rerihov. URL: <https://icr.su/rus/news/kutsarova.php> (In Russ.)

(Anonymous) (1996, 1997). *Nadzemnoe* [Aboveground]. In *Uchenie Zhivoy Etiki : v 3 kn. Part 2* [The Teaching of Living Ethics in 3 books. Part 2]. ; Part 2. *Nadzemnoe* (Okonchanie) [Aboveground (The Ending)]. Moscow : MCR, Master-Bank. (In Russ.)

Rerih, E.I. (2009). *Pis'ma. [V 9 t.]. T. IX (1951–1955)* [Letters. [In 9 vols.]. Vol. IX (1951–1955)]. Moscow : MCR. (In Russ.)

Rerih, E.I. (2007). *Pis'ma. [V 9 t.]. T. VII (1940–1947)* [Letters. [In 9 vols.]. Vol. VII (1940–1947)]. Moscow : MCR. (In Russ.)

Rerih, N.K. (1991). *Tverdynya Plamennaya* [The Fiery Stronghold]. Riga : Vieda. (In Russ.)

Rerih, N.K. (2000). *Urusvati* [Urusvati]. In Roerich N.K. *Shambhala* [Shambala], (pp. 115–126). Moscow : MCR. (In Russ.)

Shaposhnikova, L.V. (2005). *Aktual'nost' Pakta Reriha v sovremennom mire* [The relevance of the Roerich Pact in the modern world]/ In *Kul'tura i vremya* [Culture and Time], (4 (18)), (pp. 40–51). (In Russ.)

Shaposhnikova, L.V. (2011). *Metaistoricheskiy smysl Pakta Reriha* [The metahistorical meaning of the Roerich Pact] In *75 let Paktu Reriha. Materialy Mezhdunar. nauch.-obshchestv. konf. 2010* [75 years of the Roerich Pact. Materials of International Scientific Societies. conf. 2010], (pp. 40–44). Moscow : MCR. (In Russ.)

Boylan, P. (1993). *Review of the Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (The Hague Convention of 1993)*. Paris : UNESCO.

Boylan, P. (2005). The Significance of the 1954 Hague Convention and its 1999 Second Protocol in Relation to the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. In *Cultural Policy, Criticism and Management. 2005, Issue 1*, (pp. 1–8). London : City University.

Campbell, C. (2009). Arts and Arms: an examination of the looting of the National Museum of Iraq. In *Boston College International and Comparative Law Review*, Vol. 32, (pp. 423–438).

Elbinger, L.K. (1990, April). The Neutrality of Art. The Roerich Pact's quest to protect art from the ignorance of man. In *Foreign Service Journal*, (pp. 16–20).

Nahlik, Stan.-Edw. (1988). Protection of Cultural Property. In *International Dimensions of Humanitarian Law*, (pp. 203–215). Geneva : Henry Dunant Institute ; Paris : UNESCO ; Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers.

Toman, Jiri. (1996). *The Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict*. Dartmouth : UNESCO Publishing.

(Anonymous). Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments (Roerich Pact). Washington, 15 April 1935. In *Sajt Mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kresta v Zheneve: Baza dannyh po mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu MKKK (na annglijskom yazyke): icrc.org, razdel: War and Law, podrazdel: Treaties, States Parties and Commentaries* [Website of the International Committee of the Red Cross in Geneva: The ICRC Database on International Humanitarian Law (in English): icrc.org, section: War and Law, subsection : Treaties, States Parties and Commentaries. URL: <https://ihldatabases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=EE57F295093E44A4C12563CD002D6A3F&action=openDocument>

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 81'27

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.02

*Душенко К.В.**

‘РУСОФОБИЯ’ И РОДСТВЕННЫЕ ПОНЯТИЯ В ГЕРМАНИИ XIX в.

Аннотация. Понятие ‘руссофобия’ ввели английские радикалы в 1836 г. В Германии 1830–1840-х годов споры о ‘руссофобии’ получили гораздо более отчетливую идеологическую окраску. Здесь водораздел проходил между демократами и национал-либералами, с одной стороны, и консерваторами – с другой; и образ России у тех и других отличался очень заметно. В качестве синонимов ‘руссофобии’ (Russophobie) использовались: Russenhaß (ненависть к русским), Russen-Scheu (русобоязнь), Russenfurcht (страх перед русскими), Russenfeindschaft (враждебность к русским), Russophagie (руссофагия), Russenfresserei (русоедство). Два первых слова появились во время Польского восстания 1830–1831 гг. и обычно использовались в связи с польским вопросом. В подавляющем большинстве случаев перечисленные выше обозначения встречались во внешнеполитическом контексте и относились не к русским как нации, а к русскому самодержавному государству. После Крымской войны тема ‘руссофобии’ в либеральной и

** Душенко Константин Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Москва, Россия, e-mail: kdushenko@nl.n.ru*

Dushenko Konstantin – PhD in Historical science, senior researcher of the Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: kdushenko@nl.n.ru

консервативной печати отходит на второй план. На первый план выдвигается французская угроза, а ‘русоедами / русофобами’ именуются демократы-республиканцы, многие из которых оказались в эмиграции. Со времени Восточного кризиса конца 1870-х годов основная часть упоминаний о ‘русофобии’ в немецкой печати связана с англо-русскими отношениями, а слово ‘русоедство’ практически выходит из обихода.

Ключевые слова: политический язык; национальные фобии; русско-германские отношения; Генрих Карл Гофман; Г. Гейне; Г. Герверг; Ю. Фрёбель; С.Л. Боркгейм.

Поступила: 11.01.2022

Принята к печати: 26.01.2022

Dushenko K.V.

‘Russophobia’ and related concepts in Germany in the 19 th century

Abstract: The concept of ‘Russophobia’ was introduced by British radicals in 1836. In Germany 1830–1840 s, the ‘Russophobia’ debate took on a much clearer ideological connotation than it was in England. The dividing line was between democrats and national liberals, on the one hand, and conservatives, on the other; and the image of Russia was very different for both. The following words were used as synonyms for ‘Russophobia’: Russenhaß (hatred of Russians), Russen-Scheu and Russenfurcht (fear of Russians), Russenfeindschaft (hostility towards Russians), Russophagie (Russophagy), Russenfresserei (Russian-eating). First two words appeared during the Polish uprising of 1830–1831 and were usually used in connection with the Polish question. In the overwhelming majority of cases, the above designations were encountered in a foreign policy context and referred not to Russians as a nation, but to the Russian autocratic state. After the Crimean War, the topic of ‘Russophobia’ in the liberal and conservative press fades into the background. The French threat is highlighted; “Russian-eaters / Russophobes” are now called Democrats-Republicans, many of whom ended up in exile. Since the Eastern Crisis in the late 1870 s, the bulk of references to ‘Russophobia’ in the German press have been associated with Anglo-Russian relations, and the word ‘Russian-eating’ is practically out of use.

Keywords: Political language; national phobias; Russian-German relations; Heinrich Karl Hoffmann; H. Heine; G. Herweg; J. Froebel; S.L. Borkheim.

Received: 11.01.2022

Accepted: 26.01.2022

Понятие ‘русофобия’ ввели английские радикалы в 1836 г. в полемических целях, как обозначение фантомного либо преувеличенного страха перед угрозой со стороны России¹. В то время виднейшие представители антироссийского алармизма, равно как и критики ‘русофобии’, принадлежали к различным течениям британского либерализма. Спор между ними шел не столько о том или ином образе России, сколько о реальности русской угрозы британским интересам. Критика ‘русофобии’ вполне могла сочетаться с негативным образом Российской империи; в свою очередь, антироссийский алармизм не обязательно предполагал неприязнь к России и русским.

В Германии споры о ‘русофобии’ получили гораздо более отчетливую идеологическую окраску: здесь водораздел проходил между демократами и национал-либералами, с одной стороны, и консерваторами – с другой, и образ России у тех и других отличался очень заметно. В 1830–1840-е годы либеральная – т.е. преобладающая – часть общественного мнения Западной Европы видела в России страну абсолютистскую и феодальную, а ее политику в Польше осуждала как варварскую. В немецких землях Россия (наряду с Францией) воспринималась как препятствие к объединению Германии, а кроме того, ассоциировалась с угрозой панславизма [Осповат, 1999, с. 233]. Поэтому здесь круг значений, связывавшихся со словом ‘русофобия’ и родственными ему словами, был, вообще говоря, шире, чем в Англии.

Для Германии XIX в. характерно множество способов обозначения национально-политических фобий – при помощи не только латинских и греческих, но также собственно немецких корней [см.: Норре, 2018]. Аналогами понятия ‘русофобия’ (Russophobia, 1836 г.)

¹ Этой теме посвящена наша статья [Душенко, 2021].

служили следующие наименования (в скобках приведена дата наиболее раннего известного нам упоминания):

Russen-Scheu (русобоязнь) (1831),
Russenhaß (ненависть к русским) (1831),
Russenfurcht (страх перед русскими) (1839),
Russenfeindschaft (враждебность к русским) (1844),
Russophagie (русофагия) (1844),
Russenfresserei (русоедство) (1845).

Последний аналог был наиболее употребителен, остальные встречались редко, преимущественно в 1830–1840-е годы.

Два первых обозначения из этого ряда появились во время Польского восстания 1830–1831 гг. и обычно использовались в связи с польским вопросом. Слово ‘Russen-Scheu’ принадлежало гессенскому либеральному политику Генриху Карлу Гофману (1795–1845). Так называлась статья, опубликованная летом 1831 г. в журнале Гофмана «Материалы к обсуждению отечественных дел». На заседании Баденского ландтага 24 марта 1831 г. одного из депутатов прервали, едва он начал говорить в пользу Польши и против России; комиссар правительства указал ему на опасность, грозящую Бадену, если Россия сочтет себя оскорбленной. Гофман так комментирует этот инцидент:

«...Поляки <...> доказали, что даже сегодня <...> нет ничего более неодолимого, чем твердая воля одушевленных людей, и с тех пор голова Медузы русского всевластия утратила свою парализующую силу. Страх (Angst) ушел; отвращение (Abscheu) осталось. Я говорю “отвращение” не потому, что я – или же мой народ, склонный оценивать другие народы более чем справедливо, – слеп к здоровой силе полудикого народа России, а равно к стремлению его правителей формировать и обрабатывать эту сырую массу. Напротив, друг человечества будет крайне обрадован, приглядевшись ближе к тому и другому. Но мракобесы и холопские души в Западной Европе в течение многих лет использовали силу России в качестве пугала, чтобы при помощи страха погрузить народы в сон, – уж точно не из уважения к колоссальному государству, которое так прочно и тесно объединяет столь разные народы, и которое, едва явившись глазам образованного

мира, словно юный Геракл, убило дракона, напавшего на него в колыбели. Если Россия освободила Европу от тирании Наполеона, смирила варваров в двух частях света, освободила Грецию, – то во всем этом партия тьмы и корыстолюбия видит лишь свидетельство физической силы, страх перед которой должен сдерживать прогресс цивилизации в остальной Европе». «Пусть Россия справедливостью и умеренностью по отношению к Польше разоружит ненависть, устыдит презрение. <...> Россия уже ничего не достигнет в Европе угрозами; ей следует завоевать уважение и доверие; именно поэтому Франция, Англия и Северная Америка царят во всех сердцах <...>» [Hofmann, 1831, S. 59–60].

В контексте статьи ‘*Russen-Scheu*’ можно перевести также как ‘запугивание Россией’. Созданное Гофманом слово не утвердилось в языке. Нам известны лишь два позднейших примера его употребления, оба раза по поводу Англии, как перевод английского ‘*russophobia*’: «“*Courier*”, гордый орган вигов, 4 октября проповедовал против мании русофобии (*die Manie der Russen-scheu*)» [Mahmud und ..., 1838, S. 1]; «...Бессмысленно и глупо пытаться привить нации “руссофобию” (“*Russenscheu (Russophobia)*”), которая может без надобности вовлечь ее в войну» [Großbritannien, 1838].

Слово ‘*Russenhaß*’ также появилось в 1831 г. «Ненависть к русским была написана у него на лбу», – говорилось об одном из польских офицеров в книге Харро Харринга (1831)¹ [Harring, 1831, S. 20].

Наиболее значимый случай употребления этого слова мы находим в книге Генриха Гейне «О Людвиге Бёрне» (1840): «...Если Германия когда-либо снова встряхнется, а это рано или поздно случится, то едва ли уцелеет самое имя поляков – они полностью сольются с русскими. <...> Единственное приобретение, которым мы обязаны им, – ненависть к русским, которую они сеют среди нас и которая, постепенно возрастая в немецком сознании, объединит нас, когда пробьет великий час и нам придется защищаться от страшного великана, который покуда спит <...>, грезя о новой мировой империи. Однажды

¹ Харро Поль Харринг (1798–1870), немецко-датский революционер и поэт; в 1828–1830 гг. служил юнкером в гвардейском уланском полку в Варшаве.

Германии придется сразиться с этим гигантом, а потому хорошо, что мы рано научились ненавидеть русских, и что эта ненависть умножилась в нас, и что все другие народы также ее разделят, – вот служба, которую сослужили нам поляки, вечно кочующие по свету как живая пропаганда ненависти к русским. Ох уж, несчастные эти поляки! когда-нибудь они окажутся следующими жертвами нашего слепого гнева; <...> они составят русский авангард и вкусят горькие плоды ненависти, которую сами же и посеяли» [Heine, 1840, S. 198].

‘Русские’ здесь – синоним русского самодержавного государства. «Русские, – писал Гейне в 1831 г., – славный народ, и я рад бы уважать и любить их; но после падения Варшавы, последней преграды меж ими и нами, они подошли к нам до ужаса близко» («Французские художники. Деларош») [Heine, 1855, S. 46].

В разгар революции 1848 г. одна из баварских газет писала по поводу призывов к войне за восстановление Польши: «Те, кто проповедует ненависть к русским, не ведают, что творят. В нашем веке ненависть к народам – варварство. Ненавидеть следует не людей, но систему, а ненависть к русским лишь упрочает систему. Через несколько лет Россия тоже пополнит ряды новых государств <...>» (т.е., надо понимать, реформированных в либеральном духе) [Frankfurt, 24. Juli, S. 830].

Слово ‘руссофобия’ (Russophobie) в немецкой печати появилось как перевод английского ‘Russophobia’. В сентябре 1836 г. в литературном прибавлении к газете *Allgemeine Literatur-Zeitung* была помещена рецензия на т. 6 «Всеобщей истории новейшего времени» Й. Мюнха. Раздел о Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. был написан главным образом по материалам английской печати. «Возможно, – замечает рецензент, – и он [автор] не совсем чужд той *руссофобии*, которой охвачены многие наши современники <...>» [Leipzig u. Stuttgart ..., 1836, S. 657].

В июне 1837 г. *Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung* назвала «продуктом руссофобии» предостережение *Morning Chronicle* перед угрозой высадки русского десанта в Британии [Russland's Heer ..., 1837, S. 2]. Позднее та же газета сообщала, что англичане в Индии

считают угрозу со стороны России реальной: «...В Калькутте, Мадрасе и Бомбее русофобия совершенно сбивает людей с толку» [Perspective ..., 1838, S. 1].

Вскоре появляется слово ‘Russenfresser’ (‘русоед’) – аналог английского ‘Russophobist’ (‘русофоб’):

«То, что Франция довольно скоро протянет руку России, не вызывает сомнений; даже бывший русоед по имени “*Courrier français*”¹ <...> говорит только, что ради приличия не следует сразу вступать в новый брак, не выдержав хотя бы несколько месяцев траура по старому предмету любви» [Was gibt’s ..., 1840, S. 202];

«...Известные враги России Дарем и Моген² <...> вернулись из Петербурга на родину с предубеждениями в пользу России <...>. ...Эти русоеды превратились в конфузливых друзей России» [Koch, 1842, S. 15].

Фридрих фон Шмитт³ в своей официозной истории Польского восстания 1830–1831 гг. (1848) использует слово ‘русоед’ в значении ‘истребитель русских’, по образцу более раннего ‘*Türkenfresser*’ (1825) – букв. ‘туркоед’, калька с *неолат.* ‘*turcophagus*’:

«...Пруссак, которые, поверив обману газетных писак, каждого польского солдата считали Сидом или Баярдом, увидели, как более 20 000 этих яростных “русоедов” гонят через границу без сопротивления, словно стадо ягнят» [Smitt, 1848, S. 522].

С 1837 г. слово ‘русофобия’ стало использоваться и во внутри-германском контексте, преимущественно в консервативной печати. В январе 1837 г. берлинский корреспондент *Nürnberger Zeitung* сообщал: «...Русский император стал гражданином Берлина, приобретя в собственность здание русского посольства на Унтер ден Линден; в подтверждение ему должны послать диплом гражданина в золотой оправе. <...> Для успокоения тревожных умов, которые в своей русофобии любой дружественный акт подобного рода готовы счесть усилением влияния России в нашем немецком отечестве, мы отмечаем, что наше Королевское Величество [т.е. прусский король Фридрих-

¹ Либеральная ежедневная газета.

² Лорд Дарем (Д.Д. Лэмбтон), в 1835–1837 гг. английский посол в России; Франсуа Моген, французский либеральный политик.

³ Ф. Шмитт (Смит) (1787–1865), русский историк немецкого происхождения.

Вильгельм III. – К. Д.] также является домовладельцем за границей, а именно в Париже; тем не менее до сих пор ни одному французу не пришло в голову усмотреть тут рост влияния Пруссии во Франции» [Politische Nachrichten, 1837, S. 2].

В 1840 г. рецензент либерально-консервативного «Литературного листка» замечает по поводу путевых очерков о Петербурге немецкого географа И.Г. Коля: «Изредка автор также позволяет себе немного русофобии, скорее чтобы подразнить, словно бы желая поугатать политических недорослей в Германии просто ради шутки» [Neueste Schriften ..., 1841, S. 348]. «Листок» выходил под редакцией известного критика Вольфганга Менцеля (1798–1873), прозванного «французоедом» (Franzosenfresser) за обличение пагубного влияния французских идей.

В 1841 г. католический богослов Франц фон Баадер, один из идеологов консервативного романтизма и проповедник экуменизма, опубликовал трактат «Восточный и западный католицизм». Французские и немецкие журналисты, пишущие о России, говорит Баадер, «часто страдали от недоброжелательности, даже настоящей русофобии, отчасти из-за воображаемой угрозы вторжения, мало того: поглощения Германии этими, как вам представляется, совершенно необразованными и пребывающими в унижительном рабстве варварами». Кроме того, русским «вменяют в вину то, что они столь неумоимо продвигаются в своем национальном становлении и, чтобы не отказаться от русских начал в пользу немецких или французских <...>, тоже позволяют себе самоутверждаться» [Baader, 1841, S. 9].

В начале 1840-х годов слово ‘русофобия’ было в Германии уже настолько известно, что стало заглавием стихотворной сатиры Георга Гервега. Стихотворение «Русофобия» вошло в расширенное издание его сборника «Стихи живого человека» (1842), необычайно популярного в революционно-демократических кругах. Оно построено в виде диалога; первый собеседник обращается к «отошедшим от политики духовидцам, башкироманам»:

*Наша свобода будет [завоевана] здесь,
Никакой царь на своем Кавказе ее не выкует.*

Другой отвечает:

*Вы просто утратите ее слишком рано,
И ваши насмешки исчезнут сами собой,
Потому что все, все указывает на башикир.*

*Разве вы не бредите русскими стихами?
Не напрасно же Раупах уже сейчас
Выводит на сцену всю русскую историю!¹*
[Herwegh, 1842, S. 165]

Авторским комментарием к этим стихам может служить отзыв Гервега о публицистике графа Адама Гуровского²: «...Истинный Спаситель должен явиться к нам из России! От всей души желаем русскому народу процветания и изобилия; но можно ли услышать что-либо более безвкусное, несуразное, более самонадеянное, чем это бахвальство русской политикой прогресса, глубинами полуазиатской премудрости? Европа, ушедшая далеко вперед, должна пойти в школу страны, где еще не решена борьба между абсолютизмом, боярством и крепостными массами <...>» [Herwegh, 1844, S. 108].

Если в Англии дебаты о ‘русофобии’ (т.е. о русской угрозе) после 1841 г. и вплоть до Восточного кризиса 1850-х годов утратили прежнюю остроту, то в Германии дело обстояло иначе. «Россия, – замечает франкфуртская газета в 1843 г., – рассматривается всей Европой как общий враг, и при определенных обстоятельствах это верно (это утверждение <...> ни в коем случае не следует абсолютизировать, как делается у нас; русофобия в Европе сродни англофобии во Франции) <...>», т.е., по мысли автора статьи, обусловлена преходящими

¹Эрнст Раупах (1784–1852), автор трагедий «Княжна Хованская» (1820), «Крепостные, или Исидор и Ольга» (1826), а также драмы «Тимолеон Освободитель» (1814), где под именем Тимолеона выведен Александр I.

²Участник Польского восстания 1830–1831 гг., в эмиграции стал панславистом и апологетом русского самодержавия.

внешнеполитическими обстоятельствами [Orientalische Eventualitäten, 1843, S. 261].

В газете, которую издавал в Швейцарии леволиберальный публицист Х.Ф. Штётцнер (C.F. Stötzner), 'русофобия' связывается с национал-либеральной идеологией и ставится в один ряд с франкофобией: «Немецкость (Deutschthum) – это эпидемическая болезнь, которой мы страдаем уже 30 лет и симптомы которой крайне разнообразны: сначала non plus ultra¹ французоедство, поляколюбие (Polensympathie), русофобия и, наконец, конституционализм <...>» [Korrespondenznachrichten ..., 1843, col. 808].

Католический публицист Людвиг Вёльтер также осуждает 'русофагию' национал-либералов: подлинный, христианский патриотизм «столь же далек от галлофобии и русофагии, <...> как и от связанного с ними чрезмерного превозношения национальных добродетелей и преуменьшения национальных недугов <...>» («Об особенностях христианского воспитания, 1846) [Völter, 1846, S. 51].

Юморист Генрих Гофман² иронизирует: «С малым запасом философии и большим – русофобии, нынче доберешься куда угодно» [Hoffmann, 1847, S. 6].

В предисловии к немецкому переводу французской книги о России (1844) 'русофобия' (т.е. русская угроза) признается «в высшей степени смехотворной»; знаменательно, что этот вывод делается на основании крайне негативной оценки российского государства и общества: «Столь дурно организованное целое, удерживаемое только кнутом и апатией, проистекающей от невежества, не может развить сколько-нибудь значительных сил вовне» [Marmier, 1844, S. VII].

Эдуард Кольбе³, неодобрительно высказываясь о «пароксизме французо- и русоедства», в то же время цитирует «Завещание Петра Великого» – вымышленный план установления господства России в Европе [Kolbe, 1847, S. 73, 266]. В Германии, несмотря на усилия кон-

¹ Самое крайнее (лат.).

² Г. Гофман (1809–1894), писатель, публицист, автор популярной детской книжки «Степка-растрепка» (Struwelpeter, 1845), сторонник конституционной Прусской монархии.

³ Кольбе, проживший в России 33 года, в 1847 г. анонимно издал трехтомный труд «Внутренняя жизнь России».

серваторов-‘русофилов’ (Philorussen), полагает Кольбе, «признается, что русизм (Russenthum) – возмутитель спокойствия в Европе, тюремщик мысли, дракон, препятствующий развитию немецкого национального самосознания, противник всякого движения в пользу свободы <...>». Преобладающая часть населения России – частные и государственные рабы, а остальные – «так называемые свободные» [Kolbe, 1847, S. 266, 267].

Согласно консервативной баварской газете, «русоненавистничество и поляколюбие» (Russenhafß und Polenliebe) столь же пагубны для Германии, как космополитические идеи для Франции конца XVIII в. [Des Freiherrn ..., 1851, S. 1294]. Прусский чиновник Август фон Гакстгаузен, автор капитальных трудов о России, замечает: «Конечно, мы хорошо понимаем, что русоед (Russenfresser) издавна доминировал в западной литературе, поэтому едва ли можно надеяться, что <...> высказанные нами истины <...> получат всеобщее признание в настоящее время» [Haxthausen, 1852, S. 370]. Здесь ‘русоедство’ понимается более широко – как негативный образ России и русских.

Консервативная печать, отвергая реальность русской угрозы, на первый план выдвигала угрозу со стороны Франции. Обзоратель ультраконсервативного еженедельника *Berliner politisches Wochenblatt* видит в ‘русофобии’ «искусственный продукт, созданный с особыми целями; тем очевиднее опасность, угрожающая с запада» – т.е. со стороны Франции, не оставляющей мысли о возвращении себе рейнских провинций Пруссии [Preussens Stellung, 1841].

Консервативно-католическая *Augsburger Postzeitung* также считает русскую угрозу призраком: «С тех пор как появился пентархист со своей системой¹, <...> сильнейшая русофобия охватила нас, немцев, более чем когда-либо; куда мы ни взглянем, мы видим лишь казаков да кнут, и вторжение с востока, подобное второму переселению народов через Центральную Европу на запад». «Страху мерещатся призраки, и ощущение *слабости* заставляет вечно слышать на западе кукареканье галльского петуха, а на востоке – пощелкивание

¹ В анонимно опубликованной книге «Европейская пентархия» (1839) предлагалось разделить Европу на пять сфер влияния, по числу великих держав; сферой влияния России должен был стать Германский союз. Автором книги был К.Э. фон Гольдман, цензор при канцелярии графа И.Ф. Паскевича в Варшаве.

кнута». Но если второстепенные германские государства «не желают бросаться в объятия Франции, какую державу следует им признать в качестве покровительницы, если не Россию?» [Rußland und Deutschland, 1843, S. 581, 582].

В самом начале революции 1848 г. в Мюнхене было опубликовано письмо к издателю «Аугсбургской газеты» с пометой: «Париж, 11 марта 1848». «Аугсбургская газета» обвинялась здесь в пропаганде «воскрешения Польши и ненависти к России» [Lettres à Monsieur ..., 1848, p. I]. «...Когда французы господствуют на реке По, мы очень близки к тому, чтобы подвергнуться нападению на Рейне. <...> ...Не будем слишком потакать нашей русофобии. Русские оказали нам очень хорошие услуги, и, возможно, нам потребуются еще большие. Впрочем, если мы окажемся достаточно сильны, чтобы противостоять Франции в одиночку, мы также будем достаточно сильны, чтобы избавиться от наших вспомогательных войск с севера, как только они станут нам не нужны» [ibid., p. 9].

Allgemeine Zeitung считает вполне вероятной войну революционной Германии с Россией для восстановления Польши. «Поменьше декламации, поменьше русоедства на словах и побольше деятельной подготовки к почти неизбежной схватке с противником <...>» [Deutschland, 1848, S. 1665].

С противоположных позиций выступает консервативная баварская газета. Тезис об извечной враждебности славян к немцам соседствует здесь с осуждением 'русофобии' либеральной печати: «...Всем славянским племенам присуща глубокая, неистребимая ненависть к немцам. Эта ненависть имеет самые глубокие и непреходящие корни в сердцах упрямого польского народа. <...> Я утверждаю это не для того, чтобы присоединиться к невежественному крику пернатых русофагов (русоедов), которых так много во всех частях Германии; <...> глупы те, кто верит, будто Польша может когда-либо стать защитной стеной между нами и Россией. Старинный спор, разделяющий поляков и русских¹, – лишь крошечная трещина в сравнении с пропастью, зияющей между поляками и немцами» [Deutschland und ...,

¹ «Старинный спор» здесь – оборот из пушкинского стихотворения «Клеветникам России», которое цитируется в статье.

1848, S. 17]. Берлинский еженедельник *Grenzboten* также осуждает «бессмысленную русофобию» «наших радикалов и филистеров» [Vom Reich, 1848, S. 91].

Будущее России – «великая загадка нашего времени», замечает автор статьи, опубликованной в охваченной революцией Вене. «...Отклоняя обвинения в русофобии, мы должны признать, что пока Российская империя остается такой, какова она есть, мы не можем отрицать ее угрожающего значения в качестве компактного и могущественного государства по сравнению с Австрией и ее провинциями <...>» [Oesterreichs ..., 1848, S. 449].

В базе немецкоязычной печати *digitale-sammlungen.de* период Крымской войны (1854–1856) отмечен всплеском упоминаний о ‘русофобии / русоедстве’, а затем наступает заметный спад. Эти упоминания связаны главным образом с Англией и английской прессой. Немецкие авторы (обычно консерваторы либо умеренные либералы) упоминают о ‘русофобии’ чаще всего критически.

Мюнхенский католический еженедельник в войне России против Турции видит «борьбу с Антихристом». «Отрицать это могут только партийные писаки и те, кто страдает русофобией. Несомненно, что Россия начинает войну с сильным религиозным чувством, а Англия и Франция – без него, единственно из соображений политической пользы» [Kirchliche Nachrichten, 1854, S. 144].

Либеральная венская газета *Der Humorist*¹ пародирует лозунги ‘русоеда’: «Царь должен отречься от престола, и на его место приходит префект полиции с наполеоновской кухни. <...> ...Бессарабия терпит поражение в Иерусалиме и становится империей Ротшильдов» и т.д. [цит. по: Vermischte ..., 1854].

Allgemeine Zeitung возмущается стихотворением «Война на Востоке» некоего Л. Женена из Марселя, который «в своем фанатичном русоедстве называет императора [Николая I] “наемным убийцей”» [Frankreich. Paris ..., 1854, S. 1578].

¹ Выходила под редакцией известного писателя-юмориста Морица Готлиба Саффира.

Умеренный социальный реформатор Виктор Эме Хубер в путевых заметках лета 1854 г. отмечает предрасположенность германского общественного мнения к Турции, выражаемую чаще не напрямую, а косвенно. Причиной тому «национальное тщеславие вкупе с революционной, квазиреволюционной и либеральной русофобией и русофагией» [Huber, 1855, S. 311].

В марте 1854 г. *Pfälzer Zeitung*, пользовавшаяся поддержкой баварского правительства, писала: «Сегодня русоедство стоит на повестке дня. <...> Нельзя допустить дальнейших посягательств России в Европе, особенно <...> если царь решит присвоить территорию нижнего Дуная, <...> этой, в сущности, немецкой реки <...>» [Vom Rhein, 1854]. Однако в феврале следующего года та же газета порицает «либералов и демократов, раздувающих русоедство» и призывающих к войне с Россией вопреки воле основной массы баварцев [Ludwigshafen, 1855, S. 1].

Действие рассказа Г.А. Лютера «Крестьянин» (1857) происходит в баварской деревне летом 1855 г. «“Во вчерашней деревенской газете пишут, что у русских дела плохи”, – начал фермер. “Газета, газета, – пренебрежительно сказал пастор, – вечно она со своим русоедством. А я вам ручаюсь, что через год, когда русские проучат французов, эта газетенка запоеет по-другому”» [Luther, 1857, S. 107]. Но тут приносят номер газеты с известием о падении Севастополя – ко всеобщей радости жителей, кроме одного пастора.

В кукольном фарсе Альберта Хопфа «Шалопай в Крыму, или Разрушение Севастополя» (Берлин, 1855¹) высмеиваются все участники конфликта – французы, турки, русские и случайно оказавшиеся в Севастополе шалопай-берлинцы:

«– Скажи прямо, ты друг русских или русоед (ein Russenfreund oder ein Russenfresser)?

– Русоед? Тыфу, черт подери, они, должно быть, на вкус отдают чесноком! Я им не друг и не враг!» [Hopf, 1855, S. 12].

Осенью 1855 г. нюрнбергская газета опубликовала статью об итогах Крымской войны под заглавием «Благотворное унижение». Статья была написана немцем, ранее жившим в России. «Мы не ру-

¹ Фарс имел немалый успех и выдержал 137 представлений.

соеды и не испытываем ни малейшего удовольствия от того, что пол-миллиона несчастных русских стали жертвами этой войны. <...> В наших глазах это печальное, но, к сожалению, необходимое зло; ибо, увы, нет других средств обезвредить политику России. Но <...> политика России коренится не в каких-либо национальных устремлениях русского народа; она главным образом дело рук русского правительства», «безусловного и неограниченного самодержавия». Представление о воинственных русских, жаждущих завоеваний, – «большая ложь, <...> распространяемая заядлыми русоедами под видом устрашающей истины». Русские ни в коей мере не противники западной цивилизации; всякий образованный русский стремится овладеть плодами европейской культуры. «А раз так, не смешно ли называть русский народ врагом Европы?» [Die heilsame ..., 1855].

«...Военные успехи в Крыму, – согласно национал-либеральной газете “Богемия” (Прага), – развенчали <...> страх перед непобедимостью России, а вместе с русофобией [в Австрийской империи] сильно приутихло выискивание русофилов и объявление ересью всего, что напоминает русизм <...>» [Local- und Provinzialchronik, 1857].

О русской угрозе как главном препятствии объединению Германии продолжали говорить «люди 1840-х годов» из круга демократов-республиканцев, многие из которых оказались в эмиграции. Эту позицию наиболее отчетливо выразил Генрих Бернгард Оппенгейм¹: «Если русофобия, если страх перед французской жадой завоеваний могут помочь немецкому стремлению к единству обрести крылья, то да будут благословенны эти порожденные страхом образы!» [Oppenheim, 1857, S. 34–35].

Среди деятелей этого круга наименование ‘русифоб’ нередко применялось к Карлу Блинду², Юлиусу Фрёбелю³ и Сигизмунду Люд-

¹ Г.Б. Оппенгейм (1819–1880), в 1840-е годы радикальный демократ, затем национал-либерал.

² К. Блинд (1826–1907), журналист, революционер, после 1849 г. в эмиграции.

³ Ю. Фрёбель (1805–1893), геолог, в 1840-е годы революционер-демократ, по возвращении из эмиграции в 1857 г. – сторонник «великогерманского» пути объеди-

вигу Боркгейму (Боркхейму)¹. К. Маркс не без иронии именует Блинда «“страшным” русофобом и “республиканцем”» (письмо Ф. Энгельсу от 15 декабря 1854 г.) [Маркс, Энгельс, 1962, с. 352]. 24 октября 1868 г. Маркс писал Энгельсу: «Боркхейм, русофобия которого (я привил ее ему как самое невинное противоядие, чтобы дать выход его излишней жизненной энергии) принимает опасные размеры <...>» [Маркс, Энгельс, 1962, с. 152].

Сам Боркгейм был готов признать свои взгляды ‘русифобскими’, но в строго определенном, а именно внешнеполитическом контексте: «...Людам, обсуждающим подобные политические вопросы в моем духе, приписывают русифобию, и совсем недавно ректор шотландского университета, известный член английской палаты общин, <...> заявил, что эта болезнь время от времени поражает именно немцев. Действительно, русских не следует бояться, когда они остаются в одиночестве; но они становятся устрашающими благодаря союзам с европейскими правительствами или партиями. <...> ...То, что моя разновидность русифобии не беспочвенна, подтверждается ее [России] легким завоеванием шведских, турецких, татарских, персидских земель, изгнанием или подавлением народов Азиатского нагорья и особенно замышляемым ею уничтожением Польши». Европейские нации должны совместно противостоять «дальнейшим завоеваниям русских в Европе», в крайнем случае – «с применением вооруженной силы» [Borkheim, 1868, S. 18, 25].

В памфлете Карла Фогта² против *Allgemeine Zeitung* читаем: «Его [Фрёбеля] причуда, которую он проповедует с пугливостью манома, – русифобия. Тут он уподобляется Блинду: обоих лишают сна призрачные казаки с кнутами наперевес, представляющиеся их возбужденному воображению. Судьба будущих поколений, которые будто бы неизбежно падут под натиском русизма, страшит их больше, чем несчастья ныне живущих» [Vogt, 1859, S. 220–221].

нения Германии, после поражения Австрии в австро-прусской войне (1866) выбрал прусскую ориентацию.

¹ С.Л. Боркгейм (1826–1885), демократ, участник революции 1848–1849 гг., друг К. Маркса.

² К. Фогт (1817–1895), немецкий естествоиспытатель, философ, участник революции 1848 г.; в 1850-е годы склонялся к ориентации на бонапартистскую Францию.

Блинд считал нужным уточнить свою позицию: «Моя русофобия заключается в том, что я годами обличал уловки петербургской дипломатии и боролся с чванливыми или оплаченными рассуждениями о московской миссии омоложения мира как полным вздором». «Интриги русских в Венгрии», согласно Блинду, «пагубны для дела венгерской независимости и опасны для Европы», а потому Германии следует вооружиться [Blind, 1860].

Фрёбель рассуждал уже в иных категориях – в категориях, говоря позднейшим языком, «столкновения цивилизаций». Европе в равной мере противостоит «славяно-тюркский (slavisch-tatarische) мир» и Америка как молодые, экспансионистские государственно-культурные образования. «Славяно-тюркский мир» пока активно представлен только Россией. Цивилизационная молодость России объединяет ее с Америкой. При этом отныне опасность для Запада представляет не «европеизированный царизм», а «все еще темный славянский дух». Именно панславизм как новое учение и даже как новая религия – «заклятый враг западной цивилизации» [Fröbel, 1859, S. 50, 53, 59].

В либеральной и консервативной печати после Крымской войны тема ‘русофобии’ отходит на второй план, а на первый выдвигается французская угроза. «Французское преобладание гораздо реальнее и опаснее русского, – отмечает в 1860 г. консервативный штутгартский журнал. – <...>. Громада русской мощи <...> движется медленно. <...> Оказаться – не такое уж скорое дело, хотя мы никоим образом не можем согласиться с теми идеалистами, которые ныне пытаются выставить русофобию смехотворной с тем же пылом, с каким десять лет назад раздували ее во все горло» [Ueber Coalitionen, 1860, S. 35].

В год создания Германской империи фритредерский «Квартальник народного хозяйства...» констатировал: «В Европе имеются <...> русофилы и русофобы. Те и другие в упадке, но время от времени все еще слышны. Русофилы <...> из них глупее, <...>, а русофобы шумнее». «...Мы не видим в настроениях русского народа причин для русофобии». «...Продвижение России в Азии, как нам кажется, лишь отвечает интересам культуры и прежде всего интересам Германии. <...> ...Русские – европейский культурный народ, а не азиатские полукочевники» [Parteien und Politik ..., 1871, S. 155, 157]. В военном

отношении Россия «просто карлик» в сравнении с Британией, если та решит использовать всю свою силу. «Все действительные угрозы в Европе, как и всегда, коренятся в отношениях между Германией и Францией <...>» [Parteien und Politik ..., 1871, S. 158].

Пять лет спустя в консервативной *Leipziger Zeitung* читаем: «Тот самый ходячий либерализм, который двадцать лет назад отличался самым ожесточенным русоедством, ныне видит надежнейшую и прочнейшую гарантию достижений недавнего прошлого [т.е. объединения Германии. – К. Д.] в союзе трех императоров и в теснейшей близости с Россией, “единственным совершенно надежным другом Германии!”» [Der wahre Sachverhalt ..., 1875, S. 397].

‘Русофобия’ нередко сближается с ‘пруссофобией’ (Borusso-phobie): «Русофобия (родная сестра пруссофобии)», – говорилось в памфлете, подписанном «Австрийский немец» [Zur Orientalischen ..., 1876, S. 9].

Либеральная *Neue Wiener Presse* пишет: «О новой, прусской Германии всегда говорят как о могущественной военной державе» (т.е. державе милитаристской, угрожающей европейскому равновесию). «Эта пруссофобия походит на русофобию двадцатых годов, о которой сегодня никто не говорит; и пугало пруссофобии точно так же <...> мало-помалу сойдет на нет» [Wien, 1875, S. 1].

Резко враждебное отношение к России и Пруссии как оплотам европейской реакции неизменно проявляла социал-демократия. Франц Меринг, будущий идеолог левых социал-демократов, а в 1870-е годы национал-либерал, замечает: «Либкнехт – министр иностранных дел немецкой социал-демократии; правда, единственная мерка, с которой он подходит к международной политике, – это пруссоненавистничество и русофобия (Preußenhaß und Russophobie)» [Mehring, 1878, S. 32].

Осенью 1877 г. «Прусский ежегодник» (орган национал-либералов, выходивший под редакцией Г. фон Трейчке) так оценивал предварительные итоги Русско-турецкой войны: «В 1850 году, когда <...> Пруссии пришлось отказаться от идеи [германского] союза под диктатом царя, роль последнего в Германии сравнивали с ролью Филиппа Македонского по отношению к грекам». Это сравнение стало совершенно бессмысленным после создания Германской империи. Нынешняя война показала недостаточность наступательной военной мощи России. «Никто уже не поверит в то, что она может запросто

положить Европу себе в карман. Русофобия утратила смысл» [Politische Correspondenz, 1877, S. 465].

Со времени Восточного кризиса конца 1870-х годов основная часть упоминаний о ‘русофобии’ в немецкой печати связана с англо-русскими отношениями. Слово ‘русоедство’ практически выходит из обихода. Действие романа Ганса Гофмана «Слава!..» происходит в Померании. «...В этих краях, – замечает повествователь, – не слыхали о какой-то особой русофобии, напротив, очень любили российские ценные бумаги» [Hoffmann, 1891, S. 4].

Это, разумеется, не значит, что негативный образ России утратил всякое значение в немецком обществе, но его роль в качестве фактора консолидации общественно-политических групп резко упала¹. Положение стало меняться лишь накануне и особенно – в годы Первой мировой войны.

Список литературы

Душенко К.В. Первые дебаты о ‘русофобии’ (Англия, 1836–1841) // Историческая экспертиза. – Москва, 2021. – № 4. – С. 225–242.

Заиченко О.В. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века : дис. на соиск. степени канд. ист. наук. – Москва : Ин-т всеобщей истории РАН, 2004. – 317 с.

Заиченко О.В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. – Москва : Наука-М, 2001. – Вып. 2. – С. 92–109.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1962. – Т. 28. – 767 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1964. – Т. 32. – 804 с.

Осват А.Л. Элементы политической мифологии Тютчева (комментарий к статье 1844 г.) // Тютчевский сборник II. – Тарту : Кафедра рус. лит. Тартуского ун-та, Ин-т славянских языков Стокгольмского ун-та, 1999. – С. 227–263.

Baader F. von. Der Morgenländische und Abendländische Katholicismus. – Stuttgart : Köhler, 1841. – 168 S.

¹Схожие выводы, преимущественно на другом материале, формулирует О.В. Заиченко [Заиченко, 2001; Заиченко, 2004]. К сожалению, в ее содержательном исследовании понятие ‘русофобия’ используется в неотрефлексированном виде, в весьма различных значениях.

Blind K. Gegen Karl Vogt // Allgemeine Zeitung. – Stuttgart ; Augsburg, 1860. – 13. Februar. – S. 722.

[*Borkheim S.L.*] Meine Perle vor dem Genfer Congress. Von einem proletarischen Diplomaten. – Zürich : Verlags-Magazin, 1868. – X, 25 S.

Der wahre Sachverhalt der Mission des Fürsten Menschikow nach Konstantinopel vor Ausbruch des Krimkriegs // Leipziger Zeitung. Wissenschaftliche Beilage. – Leipzig, 1875. – N 65, 15 August. – S. 393–397.

Des Freiherrn von Haxthausen Studien über Rußland // Neue Münchener Zeitung. – München, 1851. – 10 Juli. – S. 1294–1295.

Deutschland // Allgemeine Zeitung. – 1848. – 13.04. – S. 1665–1666.

¹Deutschland und das Slaventhum // Würzburger Conversationsblatt. – Würzburg, 1848. – 18 Mai. [Anhalt:] Der deutsche Volksfreund, N 5. – S. 17–18.

Die heilsame Demüthigung // Fränkischer Kurier. – Nürnberg, 1855. – 2 November. – S. 1.

Frankfurt, 24 Juli // Bayreuther Zeitung. – Bayreuth, 1848. – 28 Juli. – S. 829–830.

Frankreich. Paris, 6 April // Allgemeine Zeitung. – Stuttgart ; Augsburg, 1854. – 9 April. – S. 1578–1579.

Fröbel J. Amerika, Europa und die politischen Gesichtspunkte der Gegenwart. – Berlin : Springer, 1859. – 213 S.

[*Goldmann K.E. von*]. Die europäische Pentarchie. – Leipzig : Wigand, 1839. – VI, 442 S.

Großbritannien. London, 6. November // Bayreuther Zeitung. – Bayreuth, 1838. – N 272, 16 November. – S. 1087.

Harring H.P. Erinnerungen aus Warschau: Nachträge zu den Memoiren über Polen. – Nürnberg : C. Mosig, 1831. – 279 S.

Haxthausen A. von. Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands. – Hannover ; Berlin : Hahn, Behr, 1852. – 3 Theil. – VIII, 640 S.

Heine H. Sämmtliche Werke. – Amsterdam : Binger & Söhne, 1855. – Bd. 6 : Der Salon. 1 Theil. – XVI, 215 S.

Heine H. Über Ludwig Börne. – Hamburg : Hoffman und Kampe, 1840. – 378 S.

[*Herwegh G.*] Gedichte eines Lebendigen. – 4. Aufl. – Zürich ; Winterthur : Verlag des literarischen Comptoirs, 1842. – 202 S.

[*Herwegh G.*] Polen's Zukunft und der Graf Gurowski. (Von R. Nauwerk.) [Rezension] // Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz / [Hrsg. von Georg Herwegh]. – Glarus : F. Schmid, 1844. – Bd. 1. – S. 99–110.

Hoffmann, Hans. Ruhm!: Novelle. – Berlin : Paetel, 1891. – 197 S.

Hoffmann, Heinrich. Eine Kartoffelkomödie // Hoffmann H. Humoristische Studien. – Frankfurt am Main : Literarische Anst., 1847. – S. 1–98.

¹ В этом и ряде других случаев сохранена библиография автора статьи.

Hofmann H.K. Russen-Scheu // Beiträge zur Erörterung vaterländischer Angelegenheiten. Gesammelt und herausgegeben von Heinrich Karl Hofmann. – Darmstadt : Leske, 1831. – Bd. 1, Lieferung 1. – S. 57–60.

Hopf A. Die Bummler in der Krimm oder: Die Zerstörung Sebastopols, orientalisches Puppenspiel mit Gesang und Tanz : in 2 Akten. – Berlin : A. Hopf, 1855. – 16 S.

Hoppe G. Bezeichnungs- und Benennungstraditionen der griechischen Antike und ihre Bedeutung für die Entwicklung von Einheiten der Wortbildung lateinischer Sprachstufen und kontrastierender moderner europäischer Sprachen. – Mannheim : Eigenverlag des Instituts für Deutsche Sprache, 2018. – 550 S.

Huber V.A. Reisebriefe aus Belgien Frankreich u. England im Sommer 1854. – Hamburg : Rauhen, 1855. – Bd. 1. – 364 S.

Kirchliche Nachrichten. Deutschland // Der katholische Volksfreund. – München, 1854. – N 18, 29 April. – S. 143–144.

Koch K. Reise durch Rußland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. – Stuttgart, Tübingen : Cotta, 1842. – XII, 542 S.

Kolbe E. Russland und Deutschland. – Leipzig : Brockhaus, 1847. – Theil 1. – XIV, 272 S.

Korrespondenznachrichten und Miszellen. Frankfurt a. M., den 6. Dezbr. 1843 // Der Vorläufer. – *Schaffhausen*, 1843. – N 100, 16 December. – Col. 808–811. – Подпись: W.M.

Leipzig u. Stuttgart, h. Scheible: Allgemeine Geschichte der neuesten Zeit <...> durch Joseph Münch // Ergänzungsblätter zur Allgemeinen Literatur-Zeitung. – Halle ; Leipzig, 1836. – N 83, September. – S. 657–658.

Lettres à Monsieur le Dr. Gustave Kolb, Rédacteur de la Gazette Universelle d'Augsburg. – Munich : Franz, 1848. – II, 20 p.

Local- und Provinzialchronik // Bohemia. – Prag, 1857. – N 122, 23 Mai. – S. 746.

Ludwigshafen, 26. Febr. // Pfälzer Zeitung. – Ludwigshafen, 1855. – 28 Febr. – S. 1–2.

Luther G.A. Der Hofbauer // Luther G.A. Geschichten aus dem jetzigen Volksleben. – Leipzig : Kollmann, 1857. – Bd. 2. – S. 1–108.

Mahmud und Mehemed. (Zweiter Artikel) // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt, 1838. – N 280, 10 October. – S. 1–2.

Marmier X. Rußland, Finnland und Polen : Schilderungen über Adel, Leibeigenschaft, Polizei, Schul- und Unterrichtswesen, Literatur, Klöster u.s.w. – Regensburg : Manz, 1844. – Bd. 1. – XII, 298 S.

Mehring F. Sozialistische Chronik // Die Grenzboten. – Leipzig, 1878. – N 14, 28 März. – S. 26–33.

Neueste Schriften über Rußland. Petersburg in Bildern und Skizzen von J.G. Kohl. <...>. Dresden und Leipzig. Arnold, 1841 [Rezension] // Morgenblatt für gebildete Leser. Literaturblatt. – Stuttgart ; Tübingen, 1841. – N 87, 27 August. – S. 345–348.

Orientalische Eventualitäten // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt/a./M., 1843. – N 33, 2 Febr. – S. 261–262.

Oesterreichs Weltstellung // Der Oesterreichischen Zeitung. – Wien, 1848. – 2 April. – S. 449–450.

- Oppenheim H.B.* Deutschlands Noth und Ärzte. – Berlin : Huber, 1857. – 64 S.
- Parteien und Politik des modernen Russland. Ans dem Englischen von S.L. Borkheim. [Rezension] // Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft, Politik und Kulturgeschichte. – Berlin, 1871. – Bd. 36. – S. 155–158.
- Perspective des Whig cabinets // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt, 1838. – N 335, 5. Dezember. – [S. 1–2].
- Politische Correspondenz. Berlin, den 2. October 1877 // Preußische Jahrbücher. – Berlin, 1877. – Bd. 40, Heft 4. – S. 461–470.
- Politische Nachrichten // Nürnberger Zeitung. – Nürnberg, 1837. – N 21, 21 Januar. – S. 2–4.
- Preussens Stellung // Berliner politisches Wochenblatt. – Berlin, 1841. – N 2, 9 Januar. – S. 8.
- Rußland und Deutschland // Augsburger Postzeitung. – Augsburg, 1843. – N 313, 9 November. – S. 581–582. – Подпись : Auch ein Deutscher.
- Russland's Heer und Flotte // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt/a./M., 1837. – N 170, 21 Juni. – S. 1–2.
- Smitt F. von.* Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830 und 1831. – Berlin : Duncker und Humblot, 1848. – XX, 627 S.
- Ueber Coalitionen // Deutsche Vierteljahrs-Schrift. – Stuttgart ; Cotta, 1860. – 2 Heft. – S. 31–92. – Печенеч. в «Allgemeine Zeitung» от 29 мая 1860.
- Vermischte Nachrichten // Pfälzer Zeitung. – Ludwigshafen, 1854. – 22 Juli. – S. 3.
- Vogt C.* Mein Prozess gegen die Allgemeine Zeitung. – Genf : Selbst-Verl. des Verf., 1859. – VIII, 236, 42 S.
- Völter L.* Beiträge zu einer christlichen Pädagogik. – Heilbronn : Drechsler, 1846. – IV, 126 S.
- Vom Rhein, 15. April // Pfälzer Zeitung. – Ludwigshafen, 1854. – 16 April. – S. 1.
- Vom Reich // Die Grenzboten. – Berlin, 1848. – 2 Semester, Bd. 3. – S. 87–92.
- Was gibt's Neues? // Der Eilbote : Tageblatt. – Landau (Pfalz), 1840. – S. 201–203.
- Wien, 10. April [Leitartikel] // Neue Wiener Presse. – Wien, 1875. – N 3816, 11 April. – S. 1–2.
- Zur Orientalischen Frage. Ein Mahnruf an die öffentliche Meinung. Von einem Deutschen in Oesterreich. – 2. Aufl. – Berlin : Luckhardt, 1876. – 14 S.

References

- Dushenko, K.V. (2021). Pervye debaty o 'rusofobii' (Angliya, 1836—1841) [The first debate about 'Russophobia' (England, 1836-1841)]. In *Istoricheskaya ekspertiza*, (4), (pp. 225–242). Moscow. (In Russ.)
- Zaichenko, O.V. (2004). *Nemeckaya publicistika i formirovanie obraza Rossii v obshchestvennom mnenii Germanii v pervoj polovine XIX veka: Dis.* [German Journalism and the Formation of the Image of Russia in the Public Opinion of Germany in the First Half of the 19 th Century: Dissertation]. Moscow : In-t vseobshchej istorii RAN. (In Russ.)

Zaichenko, O.V. (2001). *Obraz Rossii v Germanii v pervoj polovine XIX veka* (na materiale liberal’noj publicistiki). [The Image of Russia in Germany in the First Half of the 19th Century (on the Material of Liberal Journalism)] In *Rossiya i Germaniya* [Russia and Germany], 92–109. Moscow : Nauka-M. (In Russ.)

Marks, K., Engel’s, F. (1962) *Sochineniya: v 30 t. Vol. 28.* [Works: In 30 vol. Vol. 28.]. Moscow : Politizdat. (In Russ.)

Marks, K., Engel’s, F. (1964) *Sochineniya: v 30 t. Vol. 32.* [Works: In 30 vol. Vol. 32.]. Moscow : Politizdat. (In Russ.)

Ospovat, A.L. (1999). *Elementy politicheskoy mifologii Tyutcheva* (kommentarij k stat’e 1844 g.) [Elements of Tyutchev’s Political Mythology (commentary on an 1844 article)]. In *Tyutchevskij sbornik II* [In the Tyutchev collection II], 227–263. Tartu : Kafedra rus. lit. Tartuskogo un-ta, In-t slavyanskij yazykov Stokgol’maskogo un-ta, (In Russ.)

Baader, F. von. (1841). *Der Morgenländische und Abendländische Katholicismus* [Oriental and Western Catholicism]. Stuttgart : Köhler. (In Germ.)

Blind, K. (1860). *Gegen Karl Vogt* [Against Karl Vogt]. In *Allgemeine Zeitung*. Stuttgart ; Augsburg. 13 Februar, (p. 722). (In Germ.)

[Borkheim, S.L.] (1868). *Meine Perle vor dem Genfer Congress. Von einem proletarischen Diplomaten.* [My Pearl before the Geneva Congress. By a Proletarian Diplomat]. Zürich : Verlags-Magazin. (X, 11–25 pp.). (In Germ.)

(Anonymous) (1875, 15 August). *Der wahre Sachverhalt der Mission des Fürsten Menschikow nach Konstantinopel vor Ausbruch des Krimkriegs* [The True Facts of Prince Menshikov’s Mission to Constantinople before the Outbreak of the Crimean War]. In *Leipziger Zeitung*. (65), (pp. 393–397). Leipzig. Wissenschaftliche Beilage. (In Germ.)

(Anonymous) (1851, 10 Juli). *Des Freiherrn von Haxthausen Studien über Rußland* [The Freiherr von Haxthausen Studies on Russia]. In *Neue Münchener Zeitung*, (pp. 1294–1295). München. (In Germ.)

(Anonymous) (1848, 13 April). *Deutschland* [Germany]. In *Allgemeine Zeitung*, (pp. 1665–1666). (In Germ.)

(Anonymous) (1848, 18 Mai). *Deutschland und das Slaventhum* [Germany and Slaventhum]. In *Würzburger Conversationsblatt*, (5), (pp. 17–18). Würzburg. [Anhalt:] Der deutsche Volksfreund, (In Germ.)

(Anonymous) (1855, 2 November). *Die heilsame Demüthigung* [The Salutary Humiliation]. In *Fränkischer Kurier*. (p. 1). Nürnberg. (In Germ.)

(Anonymous) (1848, 28 Juli). *Frankfurt*, 24. Juli [Frankfurt, July 24]. In *Bayreuther Zeitung*, (pp. 829–830). Bayreuth. (In Germ.)

(Anonymous) (1854, 9 April). *Frankreich. Paris*, 6 April [France. Paris, 6 April]. In *Allgemeine Zeitung*, (pp. 1578–1579). Stuttgart ; Augsburg. (In Germ.)

Fröbel, J. (1859). *Amerika, Europa und die politischen Gesichtspunkte der Gegenwart.* [America, Europe and the Political Viewpoints of the Present]. Berlin : Springer. (In Germ.)

[Goldmann, K.E. von]. (1839). *Die europäische Pentarchie.* [The European Pentarchy]. Leipzig : Wigand. (In Germ.)

(Anonymous) (1838, 16 November). Großbritannien. London, 6. November [Great Britain. London, November 6 th]. In *Bayreuther Zeitung*, (272), (pp. 108). Bayreuth. (In Germ.)

Harring, H.P. (1831). *Erinnerungen aus Warschau: Nachträge zu den Memoiren über Polen*. [Memoirs from Warsaw: Addendums to the Memoirs about Poland]. Nürnberg : C. Mosig. (In Germ.)

Haxthausen, A. von. (1852). *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*. [Studies on the internal conditions, the life of the people and especially the rural institutions of Russia]. Hannover ; Berlin : Hahn, Behr. 3. Theil. (In Germ.)

Heine, H. (1855). *Sämmtliche Werke. Vol. 6. Der Salon. 1. Part.* [Collected Works. Vol. 6. Der Salon. 1. Part]. Amsterdam : Binger & Söhne. (In Germ.)

Heine, H. (1840). *Über Ludwig Börne*. [About Ludwig Borne]. Hamburg : Hoffmann und Campe. (In Germ.)

[Herwegh, G.] (1842). *Gedichte eines Lebendigen* [Poems of a Living One]. Zürich ; Winterthur : Verlag des literarischen Comptoirs. (In Germ.)

[Herwegh, G.] (1844). Polen's Zukunft und der Graf Gurowski. (Von R. Nauwerk.) [Rezension] [Poland's Future and Count Gurowski. (By R. Nauwerk.) [Review]. In *Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz* [Twenty-one sheets from Switzerland] (Hrsg. von Georg Herwegh). Vol. 1, (pp. 99–110). Glarus : F. Schmid. (In Germ.)

Hoffmann, Hans. (1891). *Ruhm! : Novelle*. [Glory! : A Novel]. Berlin : Paetel. (In Germ.)

Hoffmann, Heinrich. (1847). Eine Kartoffelkomödie [A Potato Comedy]. In Hoffmann H. *Humoristische Studien* [Humorous studies], (pp. 1–98). Frankfurt am Main : Literarische Anst. (In Germ.)

Hofmann, H.K. (1831). Russen-Scheu [Fear of Russians]. In *Beiträge zur Erörterung vaterländischer Angelegenheiten. Gesammelt und herausgegeben von Heinrich Karl Hofmann* [Contributions to the discussion of patriotic affairs. Collected and edited by Heinrich Karl Hofmann], Vol. 1, 1 Issue, (pp. 57–60). Darmstadt : Leske. (In Germ.)

Hopf, A. (1855). *Die Bummel in der Krimm oder: Die Zerstörung Sebastopols, orientalisches Puppenspiel mit Gesang und Tanz in 2 Akten*. [The Loafers in the Crimea or: The Destruction of Sebastopol, Oriental Puppet Show with Song and Dance in 2 Acts]. Berlin : A. Hopf. (In Germ.)

Hoppe, G. (2018). *Bezeichnungs- und Benennungstraditionen der griechischen Antike und ihre Bedeutung für die Entwicklung von Einheiten der Wortbildung lateinischer Sprachstufen und kontrastierender moderner europäischer Sprachen*. [Designation and Naming Traditions of Greek Antiquity and their Importance for the Development of Word Formation Units of Latin Language Stages and Contrasting Modern European Languages]. Mannheim : Eigenverlag des Instituts für Deutsche Sprache. (In Germ.)

Huber, V.A. (1855). *Reisebriefe aus Belgien Frankreich u. England im Sommer 1854. Bd. 1*. [Travel Letters from Belgium, France and England in the Summer of 1854. Vol. 1.]. Hamburg : Rauhen. (In Germ.)

(Anonymous) (1854, 29 April). Kirchliche Nachrichten. Deutschland [Church News. Germany]. In *Der katholische Volksfreund*, (18), (pp. 143–144). München. (In Germ.)

Koch, K. (1842). *Reise durch Rußland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838*. [Journey through Russia to the Caucasian Isthmus in 1836, 1837 and 1838]. Stuttgart, Tübingen : Cotta. (In Germ.)

Kolbe, E. (1847). *Russland und Deutschland* [Russia and Germany]. Leipzig : Brockhaus. 1. Theil. (In Germ.)

(Anonymous) (1843, 16 December). Korrespondenznachrichten und Miszellen. Frankfurt a. M., den 6. Dezbr. 1843 [Correspondence Messages and Miscellaneous. Frankfurt a. M., 6 Dec. 1843]. In *Der Vorläufer*, (100), (Col. 808–811). Schaffhausen. Signature : W.M. (In Germ.)

(Anonymous) (1836, September). Leipzig u. Stuttgart, h. Scheible: Allgemeine Geschichte der neuesten Zeit <...> durch Joseph Münch. [Leipzig and Stuttgart, h. Scheible: General History of Modern Times <...> by Joseph Münch]. In *Ergänzungsblätter zur Allgemeinen Literatur-Zeitung*, (83), (pp. 657–658). Halle; Leipzig. (In Germ.)

(Anonymous) (1848). Lettres à Monsieur le Dr. Gustave Kolb, Rédacteur de la Gazette Universelle d’Augsburg. [Letters to Dr Gustave Kolb, Editor of the Universal Gazette of Augsburg]. Munich : Franz. (In French.)

(Anonymous) (1857, 23 Mai). Local- und Provinzialchronik [Local and Provincial Chronicles]. In *Bohemia*, (122), (pp. 746). Prag. (In Germ.)

(Anonymous) (1855, 28 Februar). Ludwigshafen, 26. Febr. [Ludwigshafen, February 26]. In *Pfälzer Zeitung*, (pp. 1–2). Ludwigshafen. (In Germ.)

Luther, G.A. (1857). Der Hofbauer [The Farmer]. In Luther G.A. *Geschichten aus dem jetzigen Volksleben*. Bd. 2 [Stories from the current folk life. Vol. 2], (pp. 1–108). Leipzig : Kollmann. (In Germ.)

(Anonymous) (1838, 10 October). Mahmud und Mehemed. (Zweiter Artikel) [Mahmoud and Mehemed. (Second Article)]. In *Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung*, (280), (pp. 1–2). Frankfurt. (In Germ.)

Marmier, X. (1844). *Rußland, Finnland und Polen: Schilderungen über Adel, Leibeigenschaft, Polizei, Schul- und Unterrichtswesen, Literatur, Klöster u.s.w.* Bd. 1 [Russia, Finland and Poland: Descriptions of Nobility, Serfdom, Police, Schools and Educational Systems, Literature, Monasteries, etc. Vol. 1.]. Regensburg : Manz. (In Germ.)

Mehring, F. (1878, 28 März). Sozialistische Chronik [Socialist Chronicle]. In *Die Grenzboten*, (14), (pp. 26–33). Leipzig. (In Germ.)

(Anonymous) (1841, 27 August). Neueste Schriften über Rußland. Petersburg in Bildern und Skizzen von J.G. Kohl. <...>. Dresden und Leipzig, Arnold, 1841 [Rezension] [Latest Writings about Russia. Petersburg in Pictures and Sketches by J.G. Kohl. <...>. Dresden and Leipzig, Arnold, 1841 [Review]. In *Morgenblatt für gebildete Leser. Literaturblatt* [Morning paper for educated readers. Literaturblatt], (87), (pp. 345–348). Stuttgart ; Tübingen. (In Germ.)

(Anonymous) (1843, 2 Februar). Orientalische Eventualitäten [Oriental Eventualities Frankfurtur Ober-Post-Amts-Zeitung]. In *Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung*, (33), (pp. 261–262). Frankfurt/a./M. (In Germ.)

(Anonymous) (1848, 2. April). Oesterreichs Weltstellung [Austria's Position in the World]. In *Der Oesterreichische Zeitung*, (pp. 449–450). Wien. (In Germ.)

Oppenheim, H.B. (1857). *Deutschlands Noth und Ärzte*. [Germany's Need and Doctors]. Berlin : Huber. (In Germ.)

(Anonymous) (1871). Parteien und Politik des modernen Russland. Ans dem Englischen von S.L. Borkheim. Bd. 36. (Rezension) [Parties and Politics of Modern Russia. Ans the English by S.L. Borkheim. Vol. 36] (Review). In *Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft, Politik und Kulturgeschichte* [Quarterly Journal of Economics, Politics and Cultural History], (pp. 155–158). Berlin. (In Germ.)

(Anonymous) (1838, 5. Dezember). Perspective des Whig cabinets. In *Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung*, (335), (pp. 1–2). Frankfurt. (In Germ.)

(Anonymous) (1877). Politische Correspondenz. Berlin, den 2. October 1877 [Political Correspondence. Berlin, October 2, 1877]. In *Preußische Jahrbücher* [Prussian Yearbooks] Vol. 40, Issue 4, (pp. 461–470). Berlin. (In Germ.)

(Anonymous) (1837, 21 Januar). Politische Nachrichten [Political News]. In *Nürnberger Zeitung*, (21), (pp. 2–4). Nürnberg. (In Germ.)

(Anonymous) (1841, 9 Januar). Preussens Stellung [Prussia's Position]. In *Berliner politisches Wochenblatt* [Berlin political weekly], (2), (pp. 8). Berlin. (In Germ.)

(Anonymous) (1843, 9 November). Rußland und Deutschland [Russia and Germany]. In *Augsburger Postzeitung*, (313), (pp. 581–582). Augsburg. Signature: Auch ein Deutscher. (In Germ.)

(Anonymous) (1837, 21. Juni). Russland's Heer und Flotte [Russia's Army and Navy]. In *Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung*, (170), (pp. 1–2). Frankfurt/a./M. (In Germ.)

Smitt, F. von. (1848). *Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830 und 1831* [History of the Polish Uprising and War in 1830 and 1831]. Berlin : Duncker und Humblot. (In Germ.)

(Anonymous) (1860). Ueber Coalitionen [About Coalitions]. In *Deutsche Vierteljahrs-Schrift* [German Quarterly Typeface], (pp. 31–92). Stuttgart; Cotta. 2. Heft. (In Germ.)

(Anonymous) (1854, 22. Juli). Vermischte Nachrichten [Miscellaneous News]. In *Pfälzer Zeitung*, (pp. 3). Ludwigshafen. (In Germ.)

Vogt, C. (1859). *Mein Prozess gegen die Allgemeine Zeitung* [My Trial against the Allgemeine Zeitung]. Genf : Selbst-Verl. des Verf. (In Germ.)

Völter, L. (1846). *Beiträge zu einer christlichen Pädagogik* [Contributions to a Christian Pedagogy]. Heilbronn : Drechsler. (In Germ.)

(Anonymous) (1854, 16 April). Vom Rhein, 15. April [From the Rhine, April 15 th]. In *Pfälzer Zeitung*, (pp. 1). Ludwigshafen. (In Germ.)

(Anonymous) (1848). Vom Reich [From the Kingdom]. In *Die Grenzboten*. 2. Semester, Vol. 3, (pp. 87–92). Berlin. (In Germ.)

(Anonymous) (1840). Was gibt's Neues? [What's New?]. In *Der Eilbote: Tageblatt*. Landau (Pfalz), (pp. 201–203). (In Germ.)

(Anonymous) (1875, 11 April). Wien, 10. April [Leitartikel] [Vienna, April 10 [Editorial]]. In *Neue Wiener Presse*, (3816), (pp. 1–2). Wien. (In Germ.)

(Anonymous) (1876). *Zur Orientalischen Frage. Ein Mahnruf an die öffentliche Meinung. Von einem Deutschen in Oesterreich* [On the Oriental Question. A Reminder to Public Opinion. By a German in Austria]. Berlin : Luckhardt. (In Germ.)

*Красавченко Т.Н.**

**ОТ МИРАЖА К ТРАГЕДИИ. БРИТАНСКАЯ ЛЕНИНИАНА:
ОТ БЕРТРАНА РАССЕЛА И УЭЛЛСА, П. ТРЭВЕРС,
У.Х. ОДЕНА ДО Р. КОНКВЕСТА, Р. СЕРВИСА,
С. СЕБАГА-МОНТЕФИОРЕ, К. МЕРРИДЕЙЛ...**

Аннотация. В интердисциплинарной статье исследуется литературная, журналистская и историографическая традиция восприятия в Великобритании личности В.И. Ленина – с 1920-х годов по настоящее время. Основная траектория этой традиции – движение от мифа, импрессионизма, иллюзий у Бертрана Рассела, Герберта Уэллса, Г. Джонса, поэтов У.Х. Одена, Хью Макдиармида к откровениям Памелы Трэверс, М. Маггериджа и далее – к современным историкам и писателям – Роберту Конквесту, Роберту Сервису, Орландо Файджесу, Хелен Раппапорт, Саймону Себагу-Монтефиоре, Кэтрин Мерридейл, которые, основываясь на архивных документах, исследуют амбивалентный феномен личности Ленина: его рационализм, холодность, безжалостность, цинизм, сосредоточенность на теории, отсутствие интереса к живой жизни, жажду власти и склонность к репрессиям. Британские ученые убедительно показывают, что этот незаурядный политик отрицательно повлиял на ход истории, причинил

* *Красавченко Татьяна Николаевна* – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия, e-mail: tatianakras@mail.ru

Krasavchenko Tatyana Nikolaevna – DSn in Philology, leading scientific employee of the Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: tatianakras@mail.ru

невероятное зло России, которую, как не без оснований они утверждают, он не любил. Его, как и всех диктаторов, ожидал трагический финал: порожденная им революция «поглотила» его – будучи больным, он был изолирован «своим преемником» Сталиным в подмосковной усадьбе Горки, а затем вопреки его воле, его не предали земле на Волковском кладбище, рядом с матерью, а обрекли на «вечное бессмертие», как вампира, и подвергают его останки мукам «регулярного мумифицирования».

Ключевые слова: британская лениниана; миф; демифологизация; культурно-цивилизационный подход.

Поступила: 03.01.2022

Принята к печати: 14.02.2022

Krasavchenko T.N.

From mirage to tragedy. British Leniniana: from Bertran Russell and H. Wells, P. Travers, W.H. Auden to R. Conquest, R. Service, S. Sebag-Montefiore, C. Merridale...

Abstract. The subject of this interdisciplinary article is a literary, journalistic and historiographic tradition of Lenin's perception in Great Britain since early 1920-s up to our time. The main trajectory of this tradition is seen as a movement from myth, impressions, illusions of B. Russell, H. Wells, Gareth Jones, poets W.H. Auden and Hugh MacDiarmid to the revelations of Pamela Travers, Malcolm Muggeridge and later – to contemporary historians and writers Robert Conquest, Robert Service, Orlando Figes, Helen Rappaport, Simon Sebag Montefiore, Catherine Merridale, who base their works on archival research and explore the ambivalent phenomenon of Lenin's personality: his rationalism, coldness, ruthlessness, cynicism, focus on theory, lack of interest in life, power hunger and propensity to repressions. British scholars convincingly show that this outstanding politician negatively influenced the course of history, he did incredible harm to Russia, which, in their opinion, he didn't like. And he ended tragically like the majority of dictators: the revolution he spawned consumed him – being ill, he was isolated by his "successor" Stalin in a country house Gorky near Moscow. And then, against his will, he was not interred in Volkovo cemetery, next to his mother, but was doomed, like a

vampire, to “eternal immortality” and the remains of his body are still tortured by regular mummification.

Keywords: British Lenin studies; myth; cultural-civilizational approach.

Received: 03.01.2022

Accepted: 14.02.2022

В октябре 1917 г. Ленина мало знали в Британии, хотя известие о захвате власти рабочими вызвало восторг у лейбористов и левых разных оттенков. Философ Бертран Рассел в 1918 г. откровенно восхищался большевиками [Russell, 1959, p. 75]. Постепенно о Ленине и созданном им государстве стала складываться легенда, чему немало способствовали британцы, приезжавшие в Советскую Россию.

На журналиста Артура Рэнсома (1884–1967), впоследствии известного детского писателя, с ноября 1915 г. представлявшего в России радикальную британскую газету *Daily News*, а затем левую «Манчестер Гардиан» (и заодно агента британской разведки МИ-5), Октябрьский переворот произвел глубокое впечатление, он познакомился с Лениным, К. Радеком, Троцким и, вернувшись в Англию, в очерке «Ленин в 1919» назвал его одним из величайших людей своего времени, «первым вождем», чуждым честолюбию, марксистом, верившим в народное движение, «счастливым человеком» [Ransome, 1919, p. 167–190].

Почти месяц – с 19 мая по 17 июня 1920 г. – в составе лейбористской делегации провел в Советской России Б. Рассел. В книге «Практика и теория большевизма» (1920) он описал Ленина довольно противоречиво: «доброжелателен, держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. <...> Мне никогда не приходилось встречать выдающуюся личность, столь лишенную чувства собственной значимости», но далее Рассел замечает: «У меня сложилось впечатление, что он презирает очень многих людей и в интеллектуальном отношении является аристократом» [Рассел, 1991, с. 19–20]. Затем звучит нота триллера: «Он много смеется, поначалу его смех кажется дружелюбным и веселым, но постепенно мне стало как-то не по себе» [там же]. «Ленин спокоен, властен, <...> он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории во-

шло в его плоть и кровь» [Рассел, 1991, с. 19–20], он не сомневается в необходимости мировой революции и уничтожении капитализма» и «произвел на меня впечатление крайне самоуверенного, нестигаемого ортодокса. Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере – религиозной вере в евангелие от Маркса. <...> Он мало любит свободу. <...> Возможно, любовь к свободе несовместима с искренней верой в существование панацеи от всех человеческих бед. <...> Я приехал в Россию коммунистом, но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения – не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания и нищету» [Рассел, 1991, с. 22–23]. Общее впечатление Рассела: большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия со своими догматами и священным писанием.

Писатель Герберт Уэллс, утопист, проповедник идеи «всемирного государства с плановой системой», которое должно было привести к обществу свободы и благоденствия, осенью 1920 г. провел в Советской России 15 дней, в основном в Петрограде, где жил у своего друга М. Горького; тот помог ему встретиться с Лениным в Москве – в Кремле 6 октября 1920 г. Ленин, как описал Уэллс эту встречу сначала в еженедельнике «Санди Экспресс», затем в книжке «Россия во мгле» (1921), «совсем не похож на догматика», у него «приятное, очень подвижное, смугловатое лицо, живая улыбка <...>, он говорил быстро, вникая в самую суть дела, безо всякой позы, рисовки или недомолвок, как умеют говорить лишь подлинные ученые [Уэллс, 1970, с. 100–101], «по его <...> сочинениям нельзя судить о его личности. Короткие, резкие брошюры и статьи <...>, в которых нередко высказываются ошибочные представления о психологии западных рабочих и упорно отстаивается нелепый тезис, что в России произошла та самая предсказанная Марксом социалистическая революция, не отражают <...> и крупницы его интеллекта. <...> они лишь повторяют готовые формулировки ортодоксального марксизма. <...> Левый коммунизм – это хребет нынешней России; к сожалению, хребет этот лишен гибкости» [Уэллс, 1970, с. 95–96]. Обсуждение Уэллсом и Лениным будущего больших городов при коммунизме производит на современного читателя впечатление разговора безумных авангардистов.

«“Города станут гораздо меньше, – согласился Ленин. – Они изменятся. Да, очень изменятся”. Я заметил, что это потребует огромной работы. Придется снести прежние города и построить новые, на другом месте. Церкви и величественные дворцы Петрограда уподобятся историческим памятникам Новгорода Великого или храмам Пестума. Значительная часть современного города перестанет существовать. Ленин охотно согласился со мной. <...> Предстоит коренная перестройка всей России, полное ее обновление» [Уэллс, 1970, с. 103]. Общеизвестно, что Ленин поразил Уэллса грандиозным планом электрификации страны, «населенной безграмотными крестьянами», но он почти заставил Уэллса, который назвал его «кремлевским мечтателем», поверить в свое предвиденье [Уэллс, 1970, с. 105]. В этой беседе просматривается, какую судьбу Ленин готовит русскому крестьянству, что, однако, не вызывает у урбаниста Уэллса никакого сочувствия. Ленин сказал ему, что правительство «взяло в свои руки большие земельные владения там, где условия этому благоприятствуют, и землю обрабатывают не крестьяне, а рабочие. Сначала такой порядок установится в одной губернии, потом в другой. Крестьяне остальных губерний, эгоистичные и неграмотные, ничего не узнают, пока не наступит их черед», и Уэллс комментирует: «Справиться сразу со всей массой крестьянства, пожалуй, нелегко; но порознь это можно сделать безо всякого труда <...> я понял, что коммунизм <...> таит в себе огромные созидательные возможности» [Уэллс, 1970, с. 105–107].

Несмотря на свои восторги Уэллс правдиво описал разруху в городах и отчужденность советской власти от народа. «Помню, – пишет он, – в 1914 г. доступ в Кремль был совершенно свободный, совсем как в Виндзорский замок. <...> Теперь же туда нелегко попасть. Еще у ворот начались хлопоты из-за разрешений и пропусков. Прежде чем попасть в кабинет Ленина, нам пришлось пройти, словно через фильтры, через пять или шесть комнат, где охрана и сотрудники проверяли наши документы. Быть может, этого требует безопасность Ленина, но тем самым он оказался в отрыве от России и, что особенно важно для осуществления действенной диктатуры, Россия – в отрыве от него. Если к нему все просачивается как бы через фильтры, то и все, исходящее от него, должно просачиваться через те же фильтры и может при этом претерпеть серьезные искажения» [Уэллс, 1970, с. 99–

100]. Уэллс пишет о своем коренном отличии от Ленина: он – сторонник длительного процесса реформирования капиталистической системы в мировую систему коллективизма; Ленин – сторонник революции, ибо считает капитализм неисправимым [Уэллс, 1970, с. 108], что не помешало Уэллсу считать Ленина великим человеком.

Книгу Уэллса прокомментировал один из главных британских врагов большевизма Уинстон Черчилль – в выступлении 4 ноября 1920 г. на обеде в лондонском клубе *United Wards*. Он заметил, что писатель достоверно представил крах цивилизации в России: города умирают, промышленность и торговля замерли, однако он винит в этом войну и империализм, хотя повинны в этом большевики – секта фанатиков – меньшинство, терроризирующее большинство и способное своими разрушительными теориями погубить не только Россию, но и любую страну. Но это не произойдет в Британии, ибо «у нас живая, активная политическая жизнь, общественное мнение, свободная Конституция» [Churchill, 1920].

К 1930 г. в СССР сложился своего рода благодетельный культ Ленина. Журналист Гарет Джонс, помощник по иностранным делам влиятельного британского политика, бывшего премьер-министра Великобритании (1916–1922) Дэвида Ллойд Джорджа, побывал в СССР в августе 1930 г., благодаря свободному знанию русского напрямую общался с жителями и обратил внимание, что многие заявляли: «Если бы Ленин был жив, все было бы хорошо»; Джонсу даже рассказали анекдот, предупредив, что за него могут обвинить в контрреволюции, – к Сталину во сне приходит Ленин и говорит: «Здравствуй, Сталин. Как Россия?» Сталин отвечает: «У нас все прекрасно. Достижения Пятилетнего плана чудесны». Ленин спрашивает: «А что будешь делать после выполнения Пятилетнего плана?». Сталин отвечает: «У нас будет второй Пятилетний план». И Ленин замечает: «К этому времени в России все вымрут, присоединятся ко мне, и ты будешь один выполнять свой второй Пятилетний план» [Jones, 1930]. Г. Джонс привел еще один шепотом рассказанный ему анекдот – о ссоре Сталина и Крупской, не выносивших друг друга; Сталин рассердился на нее и закричал: «Послушай, старуха, если будешь плохо себя вести, я назначу другую вдову Ленина». Г. Джонс заметил, что повсюду слышал в России восклицание: «Если бы Ленин был жив! <...> Ленин вызвал

любовь крестьян в 1921 г. <...> нэпом, восстановившим свободную торговлю и избавившим деревню от социализма. В городах миллионы обожествляют Ленина и хранят его портреты, как прежде хранили иконы [Jones, 1932].

Осенью 1932 г. в СССР в составе обычной интуристовской группы побывала Памела Трэверс, в недалеком будущем автор знаменитых книг о Мэри Поппинс. В 1910–1920-е годы – в период «русского бума» – британцы «сходили с ума» по сезонам Дягилева и русской литературе, в 1920–1930-е на них, как и на весь мир, магнетическое воздействие оказывал «великий советский эксперимент» – многовековая мечта о воплощении утопии в жизнь. Все это сказалось на образе России, сложившемся у Трэверс еще до поездки, к нему добавились и стереотипные представления о загадочной, манящей, «варварской» и «опасной» стране. Свои впечатления Трэверс описала в книге «Московская экскурсия» (1934).

В ее книге один из персонажей, как и Б. Рассел, называет происходящее в стране «новой религией», в основе которой повсюду внушаемое поклонение Ленину. На советском пароходе, плывущем из-за границы в Ленинград, его «изваяние красуется в красном углу в столовой для экипажа <...>. В трогательном окружении белых бесмертников Ленин» – бронзовое божество со злобещей улыбкой, «поблескивающее в свете раскачивающихся ламп» [Трэверс, 2017, с. 30]; все книги в судовом книжном магазине посвящены одной теме: «Я прочла уже три жизнеописания Ленина, два тома его речей, избранные статьи Сталина и совсем сникла, будто долго-долго слушала игру на тамтамах» [Трэверс, 2017, с. 32]. В Ленинграде британцев прежде всего привели в Смольный, где они осмотрели полуспальню-полугостиную, в которой жили Ленин с женой. На Трэверс комната произвела «странное впечатление. То ли из-за царившей там пустоты, то ли из-за двух узких одиноких кроватей, а возможно – из-за серого света, который, пробиваясь сквозь поникшие ветви берез, проникал через большое окно. Странно, что эмоций от вас ждут там, где все чувства намеренно подавлены рационализмом. В этой комнате царила пустота – и причиной ее было не только отсутствие хозяев. Может, и когда Ленин жил здесь, комнате все же чего-то недоставало – тепла, солнца? <...> Человек мысли – таким предстает Ленин на портретах и

фотографиях. Единственная человеческая черта, которую можно на них различить, – это самодовольство, на фоне столь же нечеловеческой мощи оно воспринимается с облегчением. Во всяком случае оно убеждает нас – хотя бы отчасти, – что Ленин был человеком, а не просто мозгом на двух ногах. Но стылость этого места, его обнаженный рационализм! Просто не верится, что именно здесь вырвалась на волю новая мировая сила! А если и верится, то лишь с ужасом. Неужели человечество стремится вот к этому? Зачем тогда вообще нужно человечество, если его цель – обесчеловечивание?» [Трэверс, 2017, с. 54–55]. И писательница приходит к выводу: «Советы озабочены не столько атеизмом, сколько тем, как бы, свергнув одного Бога, превознести другого – Человека – и утвердить идеальный Рай здесь и сейчас, Небеса на земле, Ленин как икона и хор ангелов Коммунистической партии. Нет народа более исконно религиозного, чем русские, – просто ныне они обратили свою веру в новом направлении» [там же, с. 58].

В период между войнами образованный класс и даже буржуазная элита симпатизировали Советской России. С благоговением говорил о Ленине медиамагнат, «легендарный миллионер» лорд Бивербрук [Gerhardie, 1990, p. 250]. И, разумеется, Ленин стал символическим воплощением борьбы за справедливость для тех, кто чувствовал себя в Великобритании обделенными, маргиналами – для рабочих, для представителей национальных меньшинств. Он был грандиозной мифологической фигурой для шотландского поэта Хью Макдиармида (1892–1978), националиста и коммуниста, одного из крупнейших деятелей Шотландского возрождения, ныне признанного классиком шотландской литературы. Макдиармид опубликовал «Первый гимн Ленину и другие стихи» (1931) и «Второй гимн Ленину» (1932). Свой коммунизм он называл «чисто платоническим», считал, что революция и поэзия совместимы, а в Ленине видел трансформацию «русской идеи» Достоевского и новоявленную ипостась Христа. Для Макдиармида смысл социалистической революции заключался не столько в установлении социального равенства и всеобщего благосостояния, сколько в устранении материального гнета, подавляющего человека и открывающего ему путь к совершенствованию, к появлению национального гения. Гимны Ленину (среди них и «Третий гимн Ленину», 1957; рус. пер. 1980) с их напряженной мыслью, свежими сквозными мета-

форами и раскованными интонациями отличались от политических на злобу дня стихотворений Макдиармида.

Ленин и события в СССР произвели впечатление на молодую университетскую молодежь, в частности на «Оксфордских поэтов» – С. Дэй-Льюиса, С. Спендера, Л. Макниса (с оговорками) и др. – группу выпускников университета, объединившихся в 1930-е годы вокруг У.Х. Одена. «Оксфордцы» в своей критике современной западной цивилизации следовали за модернистами 1920-х, принимая их ключевые метафоры – «бесплодная земля», «закат Европы», но отвергали их пессимизм, элитарность, индивидуализм. «Левая» направленность «оксфордцев» наиболее очевидна в антологии «Новая страна» (издательство «Хогарт пресс», 1933). Ее составитель – математик Уильям Эдвард Робертс (W.E. Roberts), во время учебы в Оксфорде поменявший свое имя на Михаил в честь Ломоносова, видел свою задачу в том, чтобы «проложить дорогу английскому» Ленину, в антологию вошли «Письмо к молодому революционеру» С. Дэй-Льюиса и статья «Поэзия и революция» С. Спендера.

В архивах Британского института киносценарист, историк кино Дэвид Коллард (Collard D.) обнаружил неопубликованные поэтические переводы анонимных советских песен, восхвалявших Ленина и его наследника Сталина. Кинорежиссер Айвор Монтегю (Montegu I.), с 1931 г. член компартии Великобритании, попросил У.Х. Одена сделать поэтический перевод этих песен для лондонской премьеры в октябре 1935 г. агитационного документального фильма «Три песни о Ленине» (производство Межрабпром, СССР, 1934), снятого с использованием в идеологических целях техники монтажа Дзигой Вертовым к 10-летию смерти вождя – о том, как советский народ любит Ленина. Строки в песне «Ни один отец не сделал для своих детей / То, что Ленин сделал для нас» (No father for his children did / What Lenin did for us) звучат, по мнению Колларда, как религиозный панегирик [Flood, 2009].

По мнению исследователей, Оден прославлял Ленина, видя в нем не политический, а личный образец – правдоискателя типа Кафки и Пруста; Россия не была, с точки зрения Одена, подходящим местом для воплощения социалистической утопии, ее феодальное общество не могло органично усвоить уроки европейской цивилизации; но Оден

ценил критику Марксом и Лениным идеологии среднего класса [Mendelson, 2017].

В 1933 г. появилась апологетическая биография Ленина Ральфа Фокса (1900–1936), историка, литературоведа, публициста, выпускника Оксфордского университета, члена компартии Великобритании (с 1920), в 1929–1932 гг. работавшего в Институте марксизма-ленинизма в Москве. Он погиб в интербригаде в Испании.

Последовательное, получившее общественный резонанс изучение истории СССР в Великобритании и США, т.е. в «англосфере», было ознаменовано работами известного британского поэта и историка Роберта Конквеста (1917–2015), в их числе политическая биография В.И. Ленина (1972) и, вероятно, самая известная его книга «Большой террор: сталинские чистки 30-х» (1968; перераб. изд. 1973; рус. пер. 1989–1990), опубликованная почти за пять лет до первого тома «Архипелага ГУЛага» (1973). В ту пору архивы в СССР были недоступны; но Конквест в своих книгах использовал доступные открытые источники, официальные протоколы московских процессов, материалы советских переписей населения, рассказы и книги эмигрантов, переребечиков, «фабрику слухов». Он оспорил близкое многим «левым» на Западе мнение Хрущева: Сталин и репрессии противоречили ленинским нормам. Для Конквеста сталинизм – закономерное продолжение ленинской системы. Любитель сатирико-юмористической поэзии, он выразил свою позицию в лимерике (пятистишии абсурдистского содержания):

Был великий марксист Ленин,
Он угробил два или три миллиона людей.
Много угробил.
Но там, где он угробил миллион,
Великий марксист Сталин угробил десять [Robert Conquest quotes].

Вскоре после выхода критических биографий Ленина в Великобритании и США известный британский драматург Роберт Болт (1924–1995), когда-то в 1942–1947 гг. на волне британско-советского союзничества состоявший в британской компартии, написал пьесу «Государство революции» (A State of Revolution, 1977), название которой перекликается с известной работой Ленина «Государство и ре-

волюция» (1917). Историю революции в России Болт представил как трагедию, причина которой – вожди, подчиняющие все интересам борьбы за власть. Выступление Луначарского (ок. 1930 г.) перед молодежью с воспоминаниями о Ленине и революции, обрамляющее действие, вносит в пьесу ноту драматической иронии.

Ленин стал персонажем пьесы «Травести, или Комедия с переодеваниями в двух действиях (Travesties, 1974; рус. пер. 2000) известного британского драматурга чешского происхождения Тома Стоппарда (р. 1937), основанной на историческом факте: в Цюрихе в период Первой мировой войны находились одновременно модернист Джеймс Джойс, глава дадаистов, «помесь Маринетти с Андре Бретоном» Тристан Тцара и В.И. Ленин, т.е. три революционера XX в.: два – в искусстве, один – в политике. Их воображаемая встреча в пьесе воспроизводится порой в ясных, порой в сбивчивых воспоминаниях второстепенного персонажа (сотрудника британского консульства Карра). Ленин и Крупская (в 1917 г. ему 47 лет, ей – 48) представлены в пьесе достоверно: почти все, что они говорят, взято из текстов собрания сочинений Ленина и «Воспоминаний о Ленине» Н. Крупской, приводимых в научных монографиях в основном американских историков: «Ленин» (1971) Майкла С. Моргана, «Жизнь и смерть Ленина» (1964) Роберта Пейна, «Ленин и большевики» (1969) Адама Б. Улама, «К Финляндскому вокзалу» (1940) Эдмунда Уилсона. Карр вспоминает в старости, что в присутствии Ленина «невозможно было не ощутить величия этой личности – излучавшей демонизм, магнетизм, но вряд ли <...> астигматизм, ибо ничто во взгляде его пронизательных карих глаз не указывало на то, что он страдал этим расстройством зрения» [Стоппард, Травести, с. 3]. Внезапное введение автором неуместного термина «астигматизм» не только вносит абсурдно-смеховой элемент в рассуждение Карра, но и невольно заставляет подумать, а не был ли действительно присущ Ленину своеобразный «астигматизм» – нарушение восприятия подлинной картины мира, имевшее роковые последствия. Ленин, по Карру, удивительно «простой в общении человек и в то же время – интеллектуал и теоретик», в его рукопожатии Карр ощутил «напор, в напоре вся сила», меня «часто спрашивают: “Каким он был, этот Ленин?”» <...> У тех из нас, кто знал Ленина, величие этого человека не вызывало сомнений... Но честно

говоря, никто не мог бы подумать, чтомышь, собравшаяся в угловой комнате по адресу Шпигельгассе, четырнадцать, родит гору...”» [Стоппард, Травести, с. 13]. Карр, судя по всему, неплохо знаком с марксистской теорией, ибо замечает, что в «любом случае диалектика истории привела бы к тому же результату с Лениным *или без него*», и не испытывает иллюзий по поводу революции, свойственных Тцара: «Случись революция, вы не будете знать, что делать и куда бежать. Вы – ничто. Меньше чем ничто – художник. Эти парни сделают реальностью ваши мечты о многоцветном мочеиспускании: вы будете мочиться кровью» [там же, с. 16]. И в конце концов трезво замечает: «За исключением политических взглядов, Ленин был совершенно нормален» [там же, с. 17]. Но едва ли это высказывание могло бы послужить эпиграфом для последовавших британских исследований биографии Ленина, создающих неожиданный и необычный его образ.

В советское время российские архивы были закрыты: государство скрывало, каким был Ленин в жизни. Лишь при М.С. Горбачеве были опубликованы воспоминания родных Ленина, его коллег по партии большевиков, документы революционного периода. Партийные архивы, доступ к личной переписке и воспоминаниям родственников Ленина открылись для ученых в 1991 г. Среди них был профессор Оксфордского университета Роберт Сервис, в 2000 г. в лондонском издательстве Macmillan издавший одну из первых биографий Ленина, основанных на документах.

Р. Сервис уделил значительное внимание этническим корням семьи Ульяновых. Он полагает, что дед Владимира с отцовской стороны – Николай Ульянов – был не русского, а чувашского или мордовского происхождения. Его жену – астраханскую бабушку Владимира (по разным источникам – Александру или Анну), называли калмычкой, иногда – киргизкой [Сервис, 2002, с. 35–36]. Сестра Владимира Мария считала, что среди ее астраханских предков были «татары». То есть отец Ленина не был русского происхождения [там же, с. 36]. Тем не менее Николай и Александра воспитывали своих детей в православной вере, и учились они в русских школах. Их сын Илья в 1854 г. окончил физико-математический факультет Казанского университета и стал преподавать. Он был православным, его жена – Мария Бланк – лютеранкой (хотя и не набожной). Как вспоминала сестра

Ленина, Анна Ильинична, она узнала о еврейском происхождении своего деда, доктора Бланка, в 1897 г. [Сервис, 2002, с. 41]. По мнению историка, русские националисты, связывающие созданную Лениным идеологию с его «нерусским» происхождением, забывают, что идеология не биологическое явление: она формируется и воспроизводится через язык, систему образования, социальные и экономические отношения. Ульяновы думали и говорили по-русски, поступали как русские. Ленин ценил одаренность евреев, к концу жизни гордился, что среди его предков был еврей, но считал себя прежде всего русским [там же, с. 41–42]. Его родители, Илья и Мария Ульяновы, были «особыми русскими», полностью ассимилированными в русскую среду, хотя у Марии сохранялись следы немецкой культуры из родительской семьи. Но среди русских волжан Ульяновы чувствовали себя словно эмигрантами в первом поколении и проявляли невероятное честолюбие и стремление к успеху [там же, с. 42–43]. Семья Ульяновых обрела материальную стабильность недавно, тогда как семья Бланк всегда была обеспеченной, но различие в социальном и этническом происхождении не имело для Ильи и Марии значения; важным было стремление к знаниям: Мария выучилась на школьную учительницу, но не стала работать в школе [там же, с. 36]. Илья с 1869 г. был инспектором, а с 1874 г. – директором народных школ Симбирской губернии [там же, с. 38–39], он сделал много для народного просвещения, занял видное положение среди жителей Симбирска и был «удостоен чина статского советника и титула потомственного дворянина» [там же, с. 40]. Ульяновы были лояльны Александру II, поддерживали его политику реформ после отмены крепостного права в 1861 г., верили в прогресс, просвещение, порядок, порядочность. Это была культурная, патриотическая семья. Им хотелось создать в своей стране просвещенное, европейское общество западного типа. Жила семья преуспевающе: имела повара, кухарку, няню, работников, убиравших дом, снег, коловших дрова [там же, с. 40].

В 1883 г. старший сын Ульяновых – Александр – стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. 10 января 1886 г. в возрасте 53-х лет внезапно умер Илья Николаевич Ульянов, но семья не обеднела: Мария Александровна получила пенсию за выслугу лет покойного мужа

(100 руб. в месяц) и еще по 25 руб. на несовершеннолетних детей, а чтобы пополнить бюджет, сдала полдома внаем [Сервис, 2002, с. 66]. Но вскоре случилась еще беда: арестовали Александра, ставшего членом нелегальной террористической организации Петра Шевырева и Ореста Говорухина; хорошо знавший химию, он готовил взрывчатку для покушения на Александра III 1 марта 1887 г. [там же, с. 70–71]. Мать не верила, что сын – царевубийца, и умоляла императора освободить его. Ей разрешили повидать сына в Петропавловской крепости; он просил мать простить его, но прошение о помиловании не написал. Император знал, что Ульянов взял на себя вину своих товарищей, но оставил смертный приговор в силе. На рассвете 8 мая 1887 г. Александра и др. повесили в Шлиссельбургской тюрьме. Как от прокаженных Симбирск отвернулся от семьи Ульяновых [там же, с. 73–74], и ее дети возненавидели династию Романовых, а также средний и высший классы российского общества – аристократию, помещиков, купцов [там же, с. 76]. Но политического давления на Симбирскую классическую гимназию не было, и в 1887 г. Владимир окончил ее с золотой медалью, а директор Федор Керенский выдал ему блестящую характеристику.

Мария Александровна продала дом в Симбирске, и семья переехала сначала в Кокушкино – большой дом покойного Бланка, находившийся в совместном владении его дочерей [там же, с. 77–78], а после поступления Владимира на юридический факультет Казанского университета перебралась в Казань. Денежных трудностей не было благодаря государственной пенсии за отца, оставленному им капиталу в банке, денег от продажи дома в Симбирске, доли доходов от имения в Кокушкино, денежного капитала, доставшегося дочерям от доктора Бланка, и наследства после смерти в 1878 г. старшего брата Ильи Николаевича – Василия. Кроме того, в 1889 г. Мария Александровна купила хутор в деревне Алакаевка Самарской губернии.

На первом же курсе в Казанском университете Владимир принял участие в студенческих волнениях; 4 декабря 1887 г. его исключили из университета и 7 декабря он отправился в свою первую «ссылку» в Кокушкино [Сервис, 2002, с. 85–86], но в сентябре 1888 г. ему разрешили вернуться в Казань. Там он стал членом нелегального марксистского кружка Н.Е. Федосеева [Сервис, 2002, с. 87].

В мае 1889 г. семья переехала в Алакаевку, где, как надеялась Мария Александровна, Володя займется хозяйством, что позволит ему разобраться в российской экономике – тут бы и познакомиться с алакаевскими крестьянами, но уже тогда – 19 лет от роду он был убежден: крестьянство не может быть основой революции; его интересовала не жизнь людей в России, а только революционная деятельность и связанные с ней книги [там же, с. 91–94].

5 сентября 1889 г. семья переехала в Самару, и Владимир быстро нашел кружок революционеров, жаждавших изменить мир, но даже не пытавшихся познакомиться с рабочими и крестьянами, их интересовала исключительно теория, ответы на вопросы они искали в книгах. К тому времени Ульянов уже пришел к выводу, что будущее России – за промышленностью, урбанизацией, моральные вопросы тут неуместны, и отрицал возможность совершения революции без классовой борьбы [там же, с. 94–95]. Но как революционера-марксиста его ничуть не смущало то, что управляющий Крушвиц собирал для него и его дворянской семьи, жившей в Самаре, арендную плату с крестьян-арендаторов. Видимо, Владимиру улучшение своего материального положения за счет прибыли от сдачи имения в аренду сельскому пролетариату казалось вполне нормальным в стране с капиталистической экономикой [там же, с. 98].

В 1891 г. он, сдав экстерном экзамены, получил диплом юриста первой степени Императорского Санкт-Петербургского университета, стал время от времени подрабатывать помощником присяжного поверенного и посещать марксистский кружок [там же, с. 102].

В 1891–1892 гг. в России начался голод, вызванный неблагоприятными погодными условиями и устаревшей технологией земледелия. Ульянов, единственный среди революционеров Самары, утверждал, что голод – «прогрессивный фактор», он – результат капиталистической индустриализации, а обнищание крестьян в процессе индустриализации неизбежно. От участия в помощи голодающим он отказался, хотя был не только свидетелем, но и участником трагедии. Семья получала доходы с аренды алакаевских земель, и, невзирая на обстоятельства, согласно договоренности он требовал от управляющего полных и регулярных выплат [Сервис, 2002, с. 103–104], не испытывая никакой жалости к крестьянам.

Сам он, зарабатывая лишь периодически и мало, жил за счет семьи, зная, что мать не потребует, чтобы он обеспечивал себя [там же, с. 106]. Своей работой он считал изучение экономических реалий и политических возможностей развития России. В 1893 г., переехав в Петербург, он снял там комнату, и в письме спрашивал мать, выслала ли его тетя (ее сестра) причитающуюся Ульяновым долю прибыли от аренды Кокушкина, выплачивает ли Крушвиц арендную плату регулярно: в процессе подготовки революции он хотел жить с комфортом и жил, как рантье [там же, с. 109, 114].

Некоторые историки (в том числе советские и зарубежные – Н. Хардинг и др.) полагают, что Ленин был «ортодоксальным» марксистом, но, по мнению Р. Сервиса, «марксизм вообще не сформировал учения, которое можно было бы с определенностью назвать “ортодоксальным”» [там же, с. 161–162]. Наследие Маркса не истолковывается однозначно. Ленин был одним из последователей Маркса, боровшихся за право называться аутентичным интерпретатором его учения. Приспосабливая марксизм к особым условиям Российской империи, Ленин использовал идеи и методы российского народничества, в частности труды П. Ткачева, верившего в совместимость конспиративных организаций, массового террора с марксизмом [там же, с. 160]. Ленину импонировала «политика «массового террора» Ткачева, способствующая нарастанию революционной ситуации в стране. Восхищался он и сторонником радикальных мер – Сергеем Нечаевым [там же, с. 116]. Ответ на вопрос, почему Владимир с таким энтузиазмом воспринял идеи террора и насилия, Р. Сервис находит в судьбе Александра Ульянова. Император не пощадил его брата, и Владимир, несмотря на неопровержимую причастность его к покушению на жизнь царя, возненавидел «дом Романовых» [там же, с. 198]. Со временем Ленин находил новые элементы революционной стратегии, но всегда пользовался традиционной марксистской терминологией [там же, с. 112]. По мнению Р. Сервиса, Ленин был теоретик, далекий от реальности и, пока не пришел к власти, считал Россию страной намного более развитой экономически и социально, чем на самом деле [там же, 2002, с. 262]. Он был уверен, что только его толкование марксизма истинно, хотя за годы политической карьеры и теория, и его практическая политика не раз менялись. Он верил, что «мировая история на

его стороне – или, скорее, он на стороне Истории» [Сервис, 2002, с. 270], колеблемо верил в преимущества урбанистической цивилизации, в неизбежное крушение капитализма, классовую борьбу, неотвратимость европейской социалистической революции и необходимость диктатуры [там же, с. 274].

Долгие годы, как считает Р. Сервис, в Ленине было слишком много от конспиратора-фракционера, и слишком мало от национального лидера [там же, с. 245–246]. В середине 1914 г. главную опасность для себя он «видел не столько в войне, сколько в том, что европейские левые объединятся на платформе борьбы за мир <...> а он вряд ли смог бы возглавить это движение: заслуженный Карл Каутский или, скажем, бельгиец Эмиль Вандервельде имели гораздо больше шансов занять это место. Когда война вступила во второе свое лето, антивоенное движение стало пополняться новыми сторонниками почти из всех социалистических партий. Чтобы предотвратить успех этого движения, представлявшийся Ленину катастрофой, он должен был вбить еще более надежный клин между проповедниками мира и своими сторонниками. На каждой встрече социалистов он не упускал случая подчеркнуть глубину разногласий (он хотел свержения власти и гражданской войны)» [Мерридейл, 2021, с. 100]. По сути, он действовал по принципу: разделяй и властвуй! В швейцарской деревушке Циммервальд (5–8 сентября 1915 г.) он добился того, что стал на международной арене вождем европейского движения радикальных социалистов (циммервальдских левых). Количество левых радикалов росло, и перед Лениным забрезжила надежда на победу. В 1903 г. он рассек партию российских социалистов на большевиков – меньшевиков, теперь он собирался то же проделать со швейцарской партией [там же, с. 102–103]. Ленин настаивал на отличиях большевиков от остальных группировок русской эмиграции, тогда как в России его сторонники шли на сближение с меньшевиками и другими социалистами, считая врагами не социалистов иного толка, а капиталистов-работодателей, полицию, царя. Идея общеевропейской гражданской войны, которую проповедовал Ленин, ужаснула бы их, если бы они вникли в нее более подробно [там же, с. 109–110]. В октябре 1913 г. в Питере был создан межрайонный комитет («межрайонцы») для объединения всех социалистов. Ленин был в ярости, но он был далеко.

Межрайонный комитет, обладавший «эффективной типографией», продолжал агитацию в рабочих районах [Мерридейл, 2021, с. 110]. Ленин всегда был далек от реальной российской жизни – войны, голода, обнищания народа. Только в 1917 г., по возвращении из эмиграции, бросившись в водоворот российской политической жизни он стал политиком высочайшего уровня [Сервис, 2002, с. 246].

В начале 1917 г. Ленин был в эмиграции в Цюрихе, что выразительно описал в своей пьесе Т. Стоппард. Как и многие социалисты, Ленин ожидал, что революция начнется где-то в Западной Европе, но она началась в России – в феврале; в начале марта царь отрекся от престола. «Лидер самой боевой революционной партии России», Ленин рвался домой, но оказался в ловушке. Ни Британия, ни Франция не собирались помогать ему как противнику войны [Мерридейл, 2021, с. 14], и у него был лишь один маршрут: на поезде через Германию, затем паромом в Швецию, дальше – до пограничного городка Хапаранда, оттуда – в Финляндию – в Торнио и – в Петроград. Идею транзитной германской визы Ленин сначала отверг – это влекло за собой обвинение в измене: «с 1914 г. солдаты Германии убили на Восточном фронте тысячи и тысячи русских» [там же]. Через агентов немцы предлагали Ленину оплатить его поездку, но он, как и другие эмигранты, боясь скомпрометировать себя перед соотечественниками, отказался [Мерридейл, 2021, с. 160–161]. Французская газета *Le Petit Parisien* опубликовала статью с заявлением министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова: всякий русский эмигрант, вернувшийся в Россию с помощью немцев, будет немедленно арестован на границе. Поколебавшись, Ленин поступил как настоящий макиавеллист: он выбрал предложенный ему германским командованием безопасный проезд через Германию, к тому же оно согласилось на его требование «считать его вагон экстерриториальным объектом, полностью изолированным от Германии», что могло в будущем отвести от большевиков обвинение в госизмене. Германские власти сразу оценили потенциал Ленина в организации поражения России. Было решено помочь ему и «германским золотом» [там же, с. 15].

Некоторые из британцев и французов, прознавших о замысле с поездом, «считали, что его нужно любой ценой остановить – например, где-нибудь в безлюдных шведских лесах. Однако <...> никто не

решился взять на себя ответственность и нажать курок» [Мерридейл, 2021, с. 15].

Конечно, союзники не желали появления Ленина в России. Однако у британских спецслужб было смутное представление о нем (в одной из служебных записок он назван через запятую с другими «иностранными мошенниками», хотя досье Ленина, составленное во время его довоенных визитов в Лондон, намекало на его «опасные таланты» [Rapport, 2009, p. 61].

К. Мерридейл приводит историю о роковом русско-британском «провале», позволившем Ленину приехать в Россию. Дело в том, что британский контрразведчик в Петрограде, майор Стивен Элли, в начале апреля передал полковнику Борису Никитину, главе контрразведки, организованной при Временном правительстве, список из 30 изменников во главе с Лениным, которые «через пять дней» должны были пересечь границу России. Никитин позвонил в Министерство иностранных дел – П.Н. Милюкова в городе не было, а замминистра (или управляющий министерством) Анатолий Нератов *отказался* подписать приказ об аресте. Тогда Элли связался со своим подчиненным в Торнио – Гарольдом Грунером. Тот сделал все возможное: тщательно обыскал Ленина, допросил его, перерыл его книги и бумаги, но около шести вечера вынужден был пропустить его. Он был всего лишь младшим офицером – иностранцем, а никаких полномочий «русская сторона» ему так и не предоставила. Всю жизнь он помнил, что «впустил Ленина в Россию» [Мерридейл, 2021, с. 232]. «Будь он японцем, – заметил писатель Уильям Джерхарди, – он бы совершил харакири» [Gerhardie, 1990, p. 130]. По словам У. Черчилля, германское командование «переправило Ленина в пломбированном вагоне из Швейцарии в Россию, как чумную бациллу» [Great destiny ..., 1965, p. 388–389].

Что было бы, если б Ленин не приехал? К его приезду «у большевиков была солидная база сторонников», но в их руководстве ни по одному вопросу не было единства [Мерридейл, 2021, с. 206]. С февраля 1917 г. все социалисты расценивали события как движение к демократии и либеральным реформам. Темп их по историческим стандартам Европы казался ускоренным. Большевистские лидеры Петрограда разделяли эту точку зрения (хотя немало членов партии

были с ними не согласны) и уже начали действовать скорее как легальная оппозиция, чем революционная сила. И тут слышали от Ленина, что их действия ошибочны – надо брать власть. Многим это показалось не просто плохим марксизмом, а приглашением к политическому самоубийству. После 4/17 апреля 1917 г. Ленин отстаивал свои идеи на заседаниях Русского бюро большевистского ЦК и Петербургского комитета большевиков, но его предложения были отвергнуты комитетом тринадцатью голосами против двух [Мерридейл, 2021, с. 252]. Но его это не остановило.

В апреле 1917 г. он разработал стратегию захвата государственной власти, изложенную в «Апрельских тезисах». 24 апреля 1917 г. на Всероссийской конференции большевиков в бывшем особняке Кшесинской Ленин потребовал установления социалистической диктатуры, способной дать землю крестьянам, хлеб и работу рабочим, национальное самоопределение нерусским народам, всем – мир. Его выступление произвело впечатление. Так, он выиграл битву за партию [Сервис, 2002, с. 306–307]. Теперь надо было завоевать простых граждан. По мнению Сервиса, он не был «блестящим оратором», но его коренастая фигура производила впечатление страстности, силы воли и, как никто иной, он умел излагать суть своей политики, заставляя людей поверить, что способен взять власть [там же, с. 310]. За два последующих месяца Ленин силой убеждения сумел объединить партию и привлечь новых сторонников. Он победил потому, что говорил то, что хотели слышать голодные рабочие и терявшие терпение солдаты, не понимавшие, зачем воевать дальше [Мерридейл, 2021, с. 257–258]. В октябре он настоял на захвате власти. По мнению британского историка Орландо Файджеса, мало какие исторические факты были так искаженно интерпретированы впоследствии, как события 25 октября 1917 г. Распространенное представление о большевистском восстании как героической борьбе масс обязано не истории, а пропагандистскому фильму «Октябрь» (1927) Сергея Эйзенштейна. Великая Октябрьская социалистическая революция была небольшим, маломасштабным переворотом, не замеченным большинством жителей Петрограда. Когда большевики захватили власть, театры, рестораны и трамваи работали, как обычно. Легендарный «штурм» Зимнего дворца, где остатки кабинета министров Керенского оказались в Малахитовом зале, напо-

минал домашний арест: большинство охранников ушли до начала штурма; сработал ленинский план – «упреждающий переворот» [Figes, 2014, p. 102–103].

В марте 1918 г., подписав сепаратный мирный договор в Брест-Литовске, Ленин предотвратил германское вторжение в Россию; в 1921 г. ввел нэп и не допустил народного восстания, что привело бы к крушению советского государства [Сервис, 2002, с. 22].

Но все, что обещал Ленин народу, как показывает Р. Сервис, оказалось ложью. Рабочий класс не стал управлять страной, ибо после октября 1917 г. государство превратилось в однопартийную диктатуру, силой подавлявшую забастовки и политические протесты рабочих [там же, с. 333]; Ленин отдал 150 миллионов человек «в лапы безжалостной политической элиты» [Мерридейл, 2021, с. 296]; он не собирався передавать землю крестьянам, его цель была национализация земли в стране [там же, с. 254]. В книге «Государство и революция» (1917) он разработал кампанию против гражданских свобод. Словам «свобода» и «демократия» он придавал уничижительный оттенок, смеялся над идеей парламентаризма и разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Социалистическое общество, по Ленину, – не место для многопартийности и культурного плюрализма; главное – диктатура пролетариата и классовая борьба, и в связи с этим гражданская война – не несчастье для народа, а естественный и желательный этап на пути продвижения к социализму [Сервис, 2002, с. 338–339, 355]. В его работах звучали темы террора, насилия и неуместности милосердия [там же, с. 400–401]. Ленин исповедовал прагматичный критерий полезности для революции любого действия: цель оправдывала средства. После 1917 г. в переписке он восторженно отзывался о Макиавелли [там же, с. 232].

В этом контексте Р. Сервису не кажется неожиданностью, что первый подписанный Лениным 27 октября 1917 г. документ нового правительства был «Декрет о печати», введивший цензуру: любой печатный орган, призывавший к сопротивлению Совнаркому, подлежал закрытию, как и «органы прессы, сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов» [Сервис, 2002, с. 360]. Принуждение возобладало над убеждением: Ленин рассылал инструкции, санкционировал акты террора, 7 декабря была создана ВЧК, по рекомендации

Ленина ее возглавил Дзержинский, которому предоставили огромную власть и независимость даже от Совнаркома в борьбе против «контр-революции и саботажа». Этот шаг стал роковым: Ленин не верил в силу законности, он создал политическую полицию с неограниченными возможностями [там же, с. 364–365].

По словам Р. Сервиса, теоретически власть была нужна Ленину не сама по себе, а для высшей цели (построения коммунизма), но на деле он наслаждался ею, стремился удержать власть над партией и партию у власти и не собирался ее никому передавать, о демократии и речи не было [там же, с. 374–375].

Р. Сервису представляется удивительным «абсолютное равнодушие Ленина к человеческим страданиям». Едва ли он не сознавал, что Первая мировая война – «самая разрушительная за всю недавнюю историю Европы. По дороге в Швейцарию он видел много раненых, переполнявших краковские госпитали, но, обходясь без ненужных сентиментальностей, не упоминал о них в своих работах. Говоря “война”, “борьба” и “конфликт”, как это ни поразительно, Ленин гораздо чаще имел в виду межфракционные внутрипартийные стычки, чем трагедию мирового масштаба. Даже в такой ситуации он оставался одержимым внутрипартийной борьбой. В <...> свое время его не тронул голод в Поволжье в 1891–1892 гг.; мало взволновало количество убитых и раненых в Русско-японской войне 1904–1905 годов. <...> теперь он оставался непроницаемым для потока сообщений о гибели людей на фронте и в тылу. За годы войны он стал еще бесчувственнее, чем раньше. Никаких “сентиментальностей” в политических суждениях! – таков был его девиз» [там же, с. 261]. На секретных заседаниях Политбюро и ЦК Ленин доказывал, что знает лучше других, как защитить революцию. Ранним утром 18 июля 1918 г. произошло одно из самых страшных убийств времен революции – расстреляли бывшего императора и членов его семьи – жену, четырех дочерей, маленького сына, нескольких слуг [там же, с. 411–412]. Ленин настоял на подавлении Красной армией кронштадтского мятежа в 1921 г., на физическом уничтожении зачинщиков и расселении остальных кронштадтских матросов в карательной колонии на Ухте на Крайнем Севере России. Он одобрил перевод комиссара В. Антонова-Овсеенко и красного командира М. Тухачевского в Тамбов с заданием выкорчевать в

месячный срок дух восстания 1920–1921 гг., а при необходимости применить отравляющий газ, сбросив химические бомбы с аэропланов [Сервис, 2002, с. 492–493]. Он санкционировал наказание всем, кто выступал против красных в Азербайджане, Армении и Грузии. Он дал ЧК «полную свободу действий в подавлении любых забастовок в промышленности» [там же, с. 492–493]. По мнению Р. Сервиса, «ни один другой большевик не мог бы толкнуть на это всю партию. Без Ленина не было бы Октябрьской революции 1917 г. Без Ленина Российская Компартия не протянула бы дольше конца 1921 г.» [там же]. Но террор продолжался и при нэпе. ЧК заменили ГПУ. Для социалистов-революционеров, меньшевиков и иерархов православной церкви Ленин требовал показательных судов с суровыми наказаниями [там же, 2002, с. 502]. Политбюро пошло ему навстречу – санкционировало смертную казнь для представителей православного духовенства. Просматривая списки жертв, он делал пометки, только ужесточая наказание [там же, с. 503]. Ленин наслаждался террором и не имел ни малейшего понятия, как можно от него отказаться. В записках, письмах и телеграммах он еще более безжалостен, чем в книгах. Значительная часть его корреспонденции была настолько циничной, что Сталин запретил ее публикацию [там же, с. 562].

Как относился Ленин к России? В своей революционной политике он придерживался принципа этнической иерархии. Для него немцы в культурном отношении были выше британцев и французов, а те в свою очередь – выше финнов, а уж до финнов, конечно, русским было далеко. Россия постоянно раздражала его как наименее пригодное для революции место [там же, с. 440].

Его внешняя скромность бывала очаровательной, но под ней таилось высокомерие человека, уверовавшего в свое «природное право быть верховным вождем» [там же, с. 512]. Вслед за М. Горьким, Р. Сервис полагает, что поступками Ленина двигало тщеславие [там же, с. 221].

Британские историки уделяют внимание одному из самых непростых эпизодов в истории большевизма – финансированию партии. Ленин бывал не слишком щепетилен в том, что касалось партийных денег. Р. Сервис приводит историю о том, как Ленин велел своим двум сторонникам – В.К. Таратуте и А.М. Андриканису вскры-

жить голову сестрам, унаследовавшим в 1907 г. состояние своего дяди Н.П. Шмита, племянника московского, промышленника Саввы Морозова, и жениться на них, тогда их приданое достанется их мужьям, а от них – партийной казне. Этически план был сомнительным, но Ленин считал: что во благо революции, то и хорошо. План удался – Таратута перечислил значительную сумму денег в партийную казну (а вот Андриканис деньги придержал) [Сервис, 2002, с. 218–219]. Так же Ленин относился и к вооруженным грабёжам банков для пополнения партийной казны. После «тифлисской экспроприации» Камо (Симон Тер-Петросян) передал Ленину в 1907 г. приблизительно 1,7 млн фунтов (3,4 млн долл.) в современном пересчете [Себаг-Монтефиоре, 2014, с. 234]. Будучи организатором теневой деятельности своих товарищей, Ленин защищал их от критики, как мог; главное – следовать политической линии большевистской фракции, остальное было для него неважным. Противники большевиков были в ужасе от такой моральной неразборчивости, но Ленин поднимал их на смех.

Существуют серьезные косвенные доказательства о тайном немецком финансировании большевиков, с помощью которого Ленин надеялся развязать «европейскую социалистическую революцию» [Сервис, 2002, с. 284]. Тут возникает вопрос о роли в этом процессе «таинственного посредника» Александра Гельфанда-Парвуса. В его мюнхенской квартире любой новый русский эмигрант мог адаптироваться к миру европейской политики. Почти все эмигранты рано или поздно оказывались в доме Парвуса, среди них и «Ленин, побывавший здесь впервые в 1899 г.» [Мерридейл, 2021, с. 71–72]. Прирожденный бизнесмен, Парвус знал толк и в издании газет: восемь выпусков подпольной революционной газеты «Искра» были изготовлены в особой, запиравшейся комнате его квартиры; редколлегия газеты собиралась у него до начала 1902 г. [там же, с. 73]. «Вопрос о том, как именно Гельфанд заработал свое состояние, – по замечанию его биографов, – навсегда останется в области предположений» [Zeman, Scharlau, 1965, р. 98–99]. Частично его богатства – это средства, украденные у товарищей по революционной деятельности (в частности, за переводы произведений русских писателей в Германии, особенно «На дне» Горького), потом Парвус обеднел, но к 1913 г. стал настоящим магнатом [Мерридейл, 2021, с. 74]. Многие (Керенский, Б. Никитин и др.)

были уверены, что Ленину, вернувшемуся в Россию с разрешения и желания немецкого правительства, оно оказывало мощную финансовую поддержку. Но ее уровень был неясен и не было ни одного доказательства [там же, с. 269–270]. Перехваченные Никитиным телеграммы свидетельствовали о контактах между большевиками, германским министерством иностранных дел и неким коммерческим банком в Швеции [там же, с. 276]. Керенский инициировал расследование. За несколько месяцев следственная группа собрала более 20 томов свидетельств и улики [там же, с. 283]. В августе 1917 г. генерал-прокурор и министр юстиции России заявил, что удовлетворен материалами следствия, а международное агентство новостей *Reuters* обнародовало их. Руководителей большевиков, включая Ленина и Зиновьева, признали виновными; британские газеты написали, что Ленин был немецким агентом и вернулся в Россию, чтобы действовать там в германских интересах. Но неопровержимых доказательств не было. Никто не смог отследить путь немецких денег на счета большевиков и доказать прямую связь между Лениным и Парвусом [Мерридейл, 2021, с. 284]. Следователи Керенского не опубликовали полностью перехваченные телеграммы и другие материалы, а после ленинского путча в октябре 1917 г. советское правительство надежно их спрятало.

Тем не менее К. Мерридейл приходит к выводу, что нет сомнений – «Германия направляла в Россию гигантские потоки денег. Только 3 апреля 1917 г. министерство иностранных дел выделило на пропагандистские цели 5 млн рейхсмарок. Большую часть суммы получил, по всей вероятности, Парвус (который крайне неохотно выдавал расписки)» [там же, с. 286–287]. Публично Ленин избегал контактов с Парвусом и клеймил его как предателя и пешку в руках немцев, но за кулисами поддерживал с ним связь: Ленину нужны были деньги на масштабную революционную деятельность, и Парвус знал, где эти средства добыть. Благодаря связям в германском Министерстве иностранных дел он, по словам его биографов, «мог оказать большевикам огромную поддержку в предстоящей борьбе за политическую власть в России. Радек же [близкий Ленину] был уполномочен принять предложение <...> такая сделка была заключена 13 апреля [1917] в Стокгольме» [Zeman, Scharlau, 1965, p. 217]. Но Ленин это упорно отрицал [Мерридейл, 2021, с. 305]. Известно, что после публикации Лениным

7 (20) апреля 1917 г. «Апрельских тезисов» в газете «Правда», 8 (21) апреля барон фон Грюнау, отвечающий за связи германского министерства иностранных дел с императорским двором, передал коллегам записку из офиса политического отдела Генштаба в Стокгольме, т.е. от людей, контролирующих шпионов: «Внедрение Ленина в Россию следует признать успешным. Он работает там именно так, как нам желательно» [Germany and the Revolution ..., 1958, p. 51].

Переправа Ленина в Россию была крайне рискованной игрой, а расходы (особенно с учетом appetites Парвуса) – из ряда вон выходящими. Но чиновники из германского МИДа считали, что они преуспели, о чем свидетельствовал удавшийся большевистский переворот; статс-секретарь (министр иностранных дел) Рихард фон Кюльман писал об этом в Генштаб и видел главную цель – в обеспечении дальнейшей поддержки Ленина и его людей в период подготовки сепаратного мира (Мерридейл приводит письмо Кюльмана, с. 289–290). Но по каким именно каналам немецкие деньги текли на Восток, до сих пор остается загадкой.

К. Мерридейл отмечает, что и Антанта тратила большие суммы на поддержку военной активности России и подкуп влиятельных лиц [Мерридейл, 2021, с. 288]. Но невзирая на реальную кризисную ситуацию, советы своих агентов, командование Франции и Британии неуклонно заставляло Россию сохранять свои обязательства перед Антантой. У Артура Рэнсома эта политика вызывала отвращение. В июле 1917 г., после июньского поражения русских войск, он написал матери, что Англия смотрит на Россию, «как человек на какой-нибудь износившийся инструмент» – с самоубийственным бессердечием: «Почему-то в Англии война не приносит каждому – мужчине, женщине или ребенку – постоянное неизбывное страдание, как людям в континентальных странах, особенно в России. У нас не видят на улицах вместо лошадей обтянутые кожей скелеты...» [там же, с. 293]. В сущности, как с горечью пишет К. Мерридейл, в 1917 г. планы всех иностранных участников русской трагедии провалились, при этом европейские державы умудрились уничтожить первый и последний шанс на создание и развитие свободной российской демократии [Мерридейл, 2021, с. 301].

А в России трагедия развивалась своим ходом. Как и любого диктатора (о чем свидетельствует история), не пощадила она и Ленина. По мнению историка Саймона Себага-Монтефиоре, Ленин всегда был в России чужестранцем, но когда он вернулся из Швейцарии, это был «не тот Ленин, что отправился в ссылку десять лет назад: он стал злее, безжалостнее, нетерпеливее. Если он и не был столь же злопамятен, как Сталин, он все равно походил на Сталина больше, чем благостный отеческий образ, рожденный позднее советской пропагандой. <...> Они происходили из разных миров – один имел манеры дворянина, другой – крестьянина, но одинаково мыслили и действовали одними методами» [Себаг-Монтефиоре, 2014, с. 376]. Ленин, с одной стороны, как и другие партийцы, недооценивал Сталина, но со временем, особенно с прогрессом болезни, у него росло не менее важное для него сомнение, смогут ли его товарищи продолжить его курс на поддержание масштабов внутренних репрессий [Сервис, 2002, с. 522]. Несмотря на свои наметившиеся расхождения со Сталиным, в апреле 1922 г. по настоянию Сталина он назначил его Генеральным секретарем партии. О. Файджес считает это, вероятно, самой большой ошибкой в истории революции. Хотя казалось, это формальная должность, тем не менее она позволила Сталину распространить свое влияние на регионы, где прежде его почти не знали. Оргбюро и Секретариат, руководимые Сталиным, назначили 10 тыс. провинциальных партчиновников, и они следовали не за «интеллектуалами – Троцким и Бухариным», а за Сталиным, его «практической мудростью» [Figes, 2014, p. 133]. Используя свое положение Генерального секретаря, Сталин контролировал докторов Ленина, ограничил доступ посетителей к нему в Горках, площадной бранью оскорблял Крупскую, пытавшуюся сопротивляться этому режиму, а больной Ленин ничего не мог сделать. Главные секретари Ленина – Надежда Аллилуева (жена Сталина) и Лидия Фотиева – обо всем докладывали Сталину. Ограниченному креслом Ленину позволили диктовать «от 5 до 10 минут в день» [ibid., p. 134]: он стал узником. Скончался Ленин 21 января 1924 г. в Горках. Официальный диагноз – удар, кровоизлияние в мозг – варьируется. По мнению Х. Раппапорт, причиной смерти был сифилис [Rappaport, 2009].

Срочная «мавзолеизация» объяснялась непрочностью положения Политбюро, Ленин был наиболее популярным его членом. Его Декрет о земле 1917 г. и нэп 1921 г. были восторженно восприняты большинством населения страны. Члены Политбюро стремились использовать для себя эту ауру всеобщего почитания. Кроме того, сохранение мощей святых вписывалось в русло национальных религиозных традиций [Сервис, 2002, с. 548]. Ленин хотел, чтобы его похоронили рядом с матерью на Волковском кладбище в Петрограде [там же, с. 549; Figes, 2014, p. 139]. Крупская отчаянно выступала против балзамирования и мавзолеизации. Но Сталин ее не слушал. В результате ее и сестер Ленина, Анну и Марию, объявили «верховными жрицами культа Ленина», а «верховным жрецом» – Сталина [Сервис, 2002, с. 550].

В августе 1924 г. на Красной площади для публики был открыт деревянный мавзолей, потом его заменили на гранитный. Памела Трэверс описала свое посещение «кремлевской гробницы» в 1932 г.: «Вместе с гидом мы пристроились в хвосте очереди; замотанные в платки люди держались необыкновенно тихо: не просто не разговаривали, а были исполнены какого-то внутреннего молчания. Постояв рядом с ними, вы начинаете понимать, какого мистического смысла исполнено для них это посещение, и почти готовы разделить их чувства. Вам тоже хочется испытать восхищенный трепет перед этим умершим, но живым божеством. От входа вниз ведут ступени, освещенные красноватым электрическим светом. <....> Здесь сделано все возможное для достижения максимального драматического эффекта. Толпа в молчании проходит мимо неподвижной маленькой фигурки, лежащей на красных подушках под стеклянным саркофагом. Жалкое зрелище вызывает сострадание: бречное тело, сохраняемое вопреки воле покойного и вопреки всем законам. Это не смерть, ведь смерть – быстрая и немедленная. Это – ничто. Безоговорочный материализм Советского государства достиг здесь своего абсолюта. Подобная пустота не способна вызвать никаких чувств – разве что гнев на тех, кто обманом лишил тело великого человека возможности быть преданным земле и превратил его в фетиш, на который глазят туристы и молятся крестьяне <...> в этой обители фальшивой героики и поддельной смерти» [Трэверс, 2017, с. 115–116].

Широко известный на Западе как журналист, писатель, литературовед, культуролог Малкольм Маггеридж (1903–1990), с юности увлекавшийся социалистическими идеями и работавший в Москве в течение восьми месяцев с сентября 1932 г. корреспондентом британской газеты «Манчестер Гардиан», в 1934 г. издал в Лондоне роман «Зима в Москве», где его автобиографический персонаж – Рейзби – прежде всего приходит в Мавзолей, надеясь найти в нем подлинную Россию. Голова вождя «внутри стеклянного футляра» выглядела «свежей и живой, как гриб, растущий в темноте <...> мягкий и ядовитый. <...> Из всех символов, когда-либо созданных, чтобы пугать и вдохновлять, этот маленький забальзамированный человек показался Рейзби самым отвратительным. Даже забальзамированные тела фараонов были запрятаны и смотреть на них считалось преступлением. <...> Живой Ленин был на самом деле мертвым Лениным, забальзамированным, причесанным и наманикюренным» [Muggeridge, 1934, p. 227–228].

Таким образом, забальзамированный Ленин на многих, тем более европейцев, производил негативное впечатление. Его, атеиста, православного по воспитанию, подвергли чуждому ему обряду забальзамирования. Более того, поступило негласное указание: биографию Ленина составлять в традициях церковно-житийной литературы и придать ему мифический статус всеведущего революционного святого, единственного великого наследника Маркса и Энгельса в первой четверти XX в. Возник квазирелигиозный миф [Сервис, 2002, с. 551–552]. «Кульٹ Ленина был неприкрытым обманом. <...> “Дедушка Ленин” послал на смерть десятки тысяч человек. Созданная им система была удушающей, жестокой и бесплодной; в этой мастерской ковалась тирания, которая продлится несколько десятилетий. <...> Его гробница была оскорблением для бесчисленных тел погибших по вине Ленина, и не было никакого оправдания почетному сохранению его останков, кроме, быть может, возможности продемонстрировать, что монстр <...> мертв» [Мерридейл, 2021, с. 316–317].

Позднее Сталин запустил в обращение миф о том, что он – это «Ленин наших дней» [Сервис, 2002, с. 553]. Низвергнув Сталина с пьедестала, Хрущев посчитал себя обязанным еще выше поднять знамя ленинизма [Сервис, 2002, с. 558]. Созданное Лениным в 1917–

1919 гг. государство – с монополизированной и централизованной политикой, с подчиненным партии аппаратом принуждения, национализированной контролируемой государством экономикой – просуществовало более 70 лет [там же, с. 559] – его уже вроде бы и нет. А балзамированный Ленин – «Ленин – Бог» [Figes, 2014, p. 139] – продолжает лежать на всеобщем обозрении в мавзолее. И тут невольно задумаешься о личной трагедии этого человека. Ведь уже более девяноста лет его тело насильственно подвергают «техническому обслуживанию»: «Обнаженный труп, тут и там покрытый восковыми пятнами, <...> погружается в серию химических ванн – и каждая последующая наполнена все более зловещим консервирующим коктейлем. Затем на труп натягивается новая резиновая оболочка, удерживающая балзамирующую жидкость. Теперь можно пригласить портных – пора снимать мерки» [Мерридейл, 2021, с. 321]. И любой человек, сохраняющий в себе ядро человечности, и тем более верующий в Бога, не может не подумать о том, что каким бы страшным ни был этот грешник, ему давно пора найти упокое, как всякому смертному и быть похороненным там, где он хотел. А когда-то много лет назад, в 1970-е годы, Ольга Седакова, замечательный российский поэт и не менее замечательный филолог, занимавшаяся изучением поверий древних восточных славян, сказала мне, что согласно этим повериям, пока незахороненный труп лежит в селении, в нем не будет покоя и благоденствия.

Список литературы

- Мерридейл К.* Ленин в поезде / пер. с англ. А. Турова. – Москва : АСТ : Corpus, 2021. – 384 с.
- Рассел Б.* Практика и теория большевизма / пер. с англ. И.Ю. Воробьевой [и др.]. – Москва : Наука, 1991. – 126 с. – URL: http://www.antimilitary.narod.ru/antology/russel/russel_bolshevism.htm
- Себаг-Монтефиоре С.* Молодой Сталин / пер. с англ. Оборина Л. – Москва : АСТ ; CORPUS, 2014. – 575 с.
- Сервис Р.* Ленин / пер. Г.И. Левитан. – Минск : Попурри, 2002. – 624 с.
- Стоппард Т.* Травести. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=113107>
- Трэверс П.Л.* Московская экскурсия / пер. с англ. О. Мязотс. – Санкт-Петербург : Лимбус пресс, 2017. – 287 с.

- Уэллс Г. Россия во мгле / пер. с англ. В. Хинкиса ; сост., автор предисл. Ю.А. Кагарлицкий. – Москва : Прогресс, 1970. – 234 с.
- Churchill W. Bolshevism and imperial sedition, 1920. – URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/bolshevism-and-imperial-sedition.html>
- Figes O. Revolutionary Russia, 1891–1991. – London : Pelican, 2014. – 496 p.
- Flood A. Unpublished Auden poems surface in film archive // The Guardian. – London, 2009. – 22 May. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2009/may/22/unpublished-auden-poems-film-archive>
- Gerhardie W. Memoirs of a polyglot. – London : Robin Clark, 1990. – 381 p.
- Germany and the Revolution of Russia 1915–1918 : Documents from the archive of the German Foreign Ministry / Ed. by Zeman Z.A.B. – London : Oxford Univ. press, 1958. – 180 p.
- Great destiny: Sixty years of the memorable events in the life of the man of the century recounted in his own incomparable words / Ed. by Heath F.W. – New York : G.P., 1965. – 720 p.
- Jones G. The Two Russias – Fanaticism and Disillusion // The Times. – London, 1930. – October 14. – URL: https://www.garethjones.org/soviet_articles/fanaticism_discontent.htm
- Jones G. Lenin's Widow Talks to a Welshman // The Western Mail. – Cardiff, 1932. – November 7th.
- Mendelson E. Early Auden, later Auden. – Princeton : Princeton Univ. press, 2017. – 912 p.
- Muggeridge M. Winter in Moscow. – London : Eyre and Spottiswoode, 1934. – 252 p.
- Ransome A. Lenin in 1919 // Williams A.R. Lenin. The Man and his work. – New York : Scott and Seltzer, 1919. – P. 167–190.
- Rappaport H. Conspirator: Lenin in exile. – London : Hutchinson, 2009. – 373 p.
- Robert Conquest. Quotes. – URL: <https://www.goodreads.com/quotes/265788-there-was-an-old-bastard-named-lenin-who-did-two>
- Russell B. Wisdom of the West. A Historical survey of Western philosophy in its social and political setting / Ed. by Foulkes. – London : Crescent books, 1959. – 319 p.
- Zeman Z.A.B, Scharlau W.B. The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867–1924. – London ; New York a.o. : Oxford Univ. press, 1965. – 306 p.

References

- Merridale, C. (2021). *Lenin v poezde* [Lenin on the train], Turov A. (transl. from English). Moscow : AST : Corpus. (In Russ.)
- Russell, B. (1991). *Praktika and teoriya bolshevisma* [Practice and theory of bolshevism]. Vorobiova I. Iu. a.o. (transl. from English). Moscow : Nauka. (In Russ.). URL: http://www.antimilitary.narod.ru/antology/russel/russel_bolshevism.htm
- Sebag-Montefiore, S. (2014). *Molodoy Stalin* [Young Stalin], Oborin L. (transl. from English). Moscow : AST : Corpus. (In Russ.)

- Service, R. (2002). *Lenin*. [Lenin], Levitan G.I. (transl. from English). Minsk : Popurri. (In Russ.)
- Stoppard, T. (1974). *Travesti* [Travesties]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=113107> (In Russ.).
- Travers, P.L. (2017). *Moskovskaya ekskursiya* [Moscow excursion], O. Myaeots (transl. from English). Saint Petersburg : Limbus press. (In Russ.)
- Wells, H. (1970). *Rossia vo mgle* [Russia in the shadows], Hinkis V. (transl. from English), Kagarlickij U.A. (author of the preface). Moscow : Progress. (In Russ.)
- Churchill, W. (1920). *Bolshevism and imperial sedition*. URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/bolshevism-and-imperial-sedition.html>
- Figes, O. (2014). *Revolutionary Russia, 1891–1991*. London : Pelican.
- Flood, A. (2009, 22 May). Unpublished Auden poems surface in film archive. In *The Guardian*. London. URL: <https://www.theguardian.com/books/2009/may/22/unpublished-auden-poems-film-archive>
- Gerhardie, W. (1990). *Memoirs of a polyglot*. London : Robin Clark.
- Zeman, Z.A.B. (ed.) (1958). *Germany and the Revolution of Russia 1915–1918: Documents of from the archive of the German Foreign Ministry*. London : Oxford Univ. press.
- Heath, F.W. (ed.) (1965). *Great destiny: Sixty years of the memorable events in the life of the man of the century recounted in his own incomparable words*. New York : G.P. Jones, G. (1930, October 14). The Two Russias – Fanaticism and Disillusion. In *The Times*, London. URL: https://www.garethjones.org/soviet_articles/fanaticism_discontent.htm.
- Jones, G. (1932. November 7th). Lenin's Widow Talks to a Welshman. In *The Western Mail*. Cardiff.
- Mendelson, E. (2017). *Early Auden, later Auden*. Princeton : Univ. press.
- Muggeridge, M. (1934). *Winter in Moscow*. London : Eyre and Spottiswoode.
- Ransome, A. (1919). Lenin in 1919. In Williams A.R. *Lenin. The Man and his work*, (pp. 167–190). New York : Scott and Seltzer.
- Rappaport, H. (2009). *Conspirator: Lenin in exile*. – London : Hutchinson.
- Robert Conquest quotes. URL: <https://www.goodreads.com/quotes/265788-there-was-an-old-bastard-named-lenin-who-did-two>]
- Russell, B. (1959). *Wisdom of the West. A Historical survey of Western philosophy in its social and political setting*. Foulkes (ed.). London : Crescent books.
- Zeman, Z.A.B, Scharlau, W.B. (1965). *The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867–1924*. London ; New York a.o : Oxford Univ. press.

УДК 168.522+821.112.2+616.89 DOI: 10.31249/hoc/2022.02.04

Ташикенов С.П.*

**«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СУБЪЕКТ» В ПСИХИАТРИИ
И ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации, происшедшие в психиатрии и литературе Германии 70-х годов XX в. С одной стороны, на примере гейдельбергского Социалистического колллектива пациентов во главе с доктором Вольфгангом Хубером прослеживается развитие антипсихиатрического «революционного субъекта». С другой стороны, в противовес маргинальности кружка Хубера анализируется несколько иной путь, которым пошел «революционный субъект-шизофреник» в литературе – на примере романа Хайнара Киппхарда «Мэрц». Обладая рядом сходств и отличий, оба явления по-разному трансформируют культурное пространство.

Ключевые слова: революция; антипсихиатрия; шизофрения; культурные трансформации.

Получена: 15.01.2022

Принята к печати: 05.02.2022

* **Ташикенов Сергей Петрович** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, Москва, Россия, e-mail: sergey.tashkenov@gmail.com

Tashkenov Sergey Petrovich – PhD in Philology, Senior Research, Department of Cultural Studies, INION RAS, Moscow, Russia, e-mail: sergey.tashkenov@gmail.com

Tashkenov S.P.

The “Revolutionary subject” in psychiatry and literature

Abstract. This article examines the transformations taking place in German psychiatry and literature in the 1970 s. On the one hand, it traces the development of an anti-psychiatric “revolutionary subject” through the example of the Heidelberg Patient Socialist Collective led by Dr. Wolfgang Huber. On the other hand, in contrast to the marginality of Huber's circle, we analyze the somewhat different path taken by the “revolutionary schizophrenic subject” in literature, using Heinar Kipphardt's novel März as an example. With a number of similarities and differences, both phenomena transform cultural space in different ways.

Keywords: revolution; anti-psychiatry; schizophrenia; cultural transformation.

Received: 15.01.2022

Accepted: 05.02.2022

Культура не может стоять на месте: она не только находится в постоянном становлении и развитии под влиянием внутренних факторов, но и поддается трансформациям извне. Одной из самых резких их форм можно назвать революцию. Классическая формула Карла Маркса «Революции есть локомотивы истории» [Маркс, 1956, с. 86] применима к самым разным сторонам культурной жизни на любой стадии ее развития. В настоящей статье попытаемся рассмотреть образ «революционного субъекта» психиатрии, возникший в Германии в начале 70-х годов XX в. практически одновременно в психиатрической и художественной практике. Заданный исторический момент сам по себе находится под знаком революционных (эмансипационных) движений. Смена парадигм в 1960-х годах не могла обойти стороной и психиатрию, довольно молодую участницу общественного дискурса: на базе экзистенциально-феноменологической психиатрии зародилась и начала бурно развиваться «антипсихиатрия», которую следует понимать не как отдельную науку с собственной медицинской научной базой, но как ряд общественных и философских движений, теорий и реформ, направленных на деинституционализацию современной психиатрии, ее гуманизацию и социализацию (см.: [Власова, 2014, с. 60–74]). При

этом, как справедливо отмечает О.А. Власова, революционность антипсихиатрии выражается «не только в радикальности идей и жесткости формулировок, но и в том, что на макроуровне антипсихиатрия совершила макрореволюцию», расшатав политику общества [там же, с. 387].

Врач и пациент: смещение субъекта

Развивавшаяся в США и Европе с начала 60-х годов XX в. антипсихиатрия является «мощным культурным и научным феноменом» [Власова, 2014, с. 371]. В ее основу легла гуманитарная проблематизация, превратившая «дискурс психической болезни» в «дискурс о человеке» [там же, с. 390]. Для классических направлений психиатрии того времени антипсихиатрическая теория представляла серьезную угрозу, поскольку она не только актуализировала социально ориентированную критику, но и подрывала изначальную, до сих пор сохранившуюся суть психиатрии как тюремной практики [ср.: Фуко, 2010, с. 59–97]. Как отмечает О.А. Власова, антипсихиатрия «выстроила социально-антропологическую перспективу психического заболевания, противостояла психиатрии как социальному институту власти и принуждения, критиковала тоталитарный характер психиатрических институций и развивала революционные практические проекты», что сделало ее «радикальным и революционным, маргинальным социальным проектом со своей социальной теорией и социальной практикой» [Власова, 2014, с. 408].

Если революция начинается с одного человека, то в контексте культурных трансформаций конкретно немецкой психиатрии таким человеком можно было бы назвать Вольфганга Хубера (р. 1935), психиатра университетской клиники Гейдельберга. Становление Хубера как психиатра антипсихиатрического толка приходится на эпоху реформирования институциональной психиатрии и ее гуманизации: снимаются решетки, открываются и расширяются новые отделения, вводятся терапевтические группы, а Гейдельбергская клиника становится первой, отказавшейся от деления на мужские и женские отсеки [Pross, 2016, S. 42]. Благодаря либерально настроенному начальству Гейдельбергская клиника была местом, в котором идеи могли свобод-

но выражаться и обсуждаться, в том числе идеи антипсихиатрического движения, защищавшего тезис, что шизофрения есть не болезнь, но реакция на невыносимые условия жизни и творческий протест против отчуждения пациента. Ведущие основатели и представители антипсихиатрического движения, такие как Роналд Лэнг и Дэвид Купер в Великобритании, Томас Сас, Ирвинг Гофман и Грегори Бейтсон в США, Франко Базалья в Италии [Власова, 2014; Кельнер, 1981; Штернберг, 1972], утверждали в связи с этим, что, к примеру, надо позволить шизофрении пройти путь свободного развития и естественного исцеления, свободного от принудительного медикаментозного вмешательства. Эти идеи лягут в основу хуберовской концепции болезни, хоть сам Хубер и будет отрицать влияние своих зарубежных предшественников и коллег. Идея революции появляется у Хубера еще в ранние профессиональные годы. Так, д-р Вист, у которого Хубер был ассистентом, вспоминает его слова из 1960-х годов как слова потенциального революционера: «Ты феодальный анархист, подобно Кропоткину. Феодалов мы обезглавим последними» [Pross, 2016, S. 45].

Хубер изначально нарочито демонстрировал свою «близость к народу», к пациентам: «В Социалистическом коллективе пациентов я, как и остальные, был пациентом среди пациентов» [ibid., S. 248]. Однако в описаниях самих пациентов преобладает образ Вольфганга Хубера как однозначного потенциального лидера: «У него была чуть ли не мессианская харизма» [ibid., S. 57]. Хубер умел находить понимание и симпатию у пациентов, так что вокруг него быстро сложился круг почитателей. Однако среди коллег он оказался аутсайдером и, увлекшись Гегелем и Марксом, резко критиковал современное обращение с пациентами. Не получая, как ему казалось, поддержки и понимания в академических кругах, Хубер замкнулся на собственных идеях и игнорировал любые попытки диалога. Именно в аутсайдерстве и непринятости в академических кругах историки видят один из мотивов, подтолкнувших Хубера на создание Социалистического коллектива пациентов [ibid., S. 54–65]. Так, один из пациентов вспоминает, что слова Хубера «Посмотрите, вы все такие же, вы все так же изолируете больных!» слышались как «Вы все так же изолируете интеллект, вы изолируете меня» [ibid., S. 65].

Терапевтическая группа, которая формировалась вокруг Хубера, прославившего «левым» и «прогрессивным» врачом, стала быстро обрывать активистами из студенческого движения, что привело к политизации самого Хубера и его круга. Вероятно, именно на сеансах групповой терапии он мог почувствовать определенную свободу от ненавистных ему коллегиальных отношений и развивать концепцию больного как революционного субъекта. Сеансы групповой терапии постепенно переходили в личные собрания у Хубера дома – «своего рода продолжение терапии в форме гегельянского рабочего кружка» [Pross, 2016, S. 72] во главе с Хубером как идеологом новой волны.

Обострившийся конфликт с руководством клиники привел к решению об увольнении Хубера, далее – к массовым протестам его приверженцев, и наконец – к захвату ректората клиники на Рорбахерштрассе 6 июля 1970 г. с перечнем требований, включающих предоставление помещений, финансирования, прав и административной свободы для образовавшегося Социалистического коллектива пациентов [далее – СКП], который просуществует около полутора лет. Коллектив активно пополнялся студентами и рабочими, поскольку позволял объединить политический протест с личностной свободой. Поскольку в СКП не было тематических табу, он оказался пристанищем для отверженных и спасением для непонятых.

20 июля 1970 г. СКП напечатал околонуточное обоснование своей концепции психического расстройства, которая сводилась к тому, что единственно возможное преодоление болезни заключается в ликвидации капиталистического общества, которое и делает человека больным: потребности человека определены капитализмом, социалистическая терапия заключается в том, чтобы освободить изначальные вытесненные желания, а укоренившуюся в человеке ненависть к себе направить против патогенных институций – таким образом, что в итоге не будет нужды в терапевтах, поскольку не будет и пациентов [ibid., S. 187]. В воспоминаниях одного из членов СКП угадывается предшествующее революциям состояние накопившегося угнетения и недовольства: «Мы понимали свою болезнь как протест и в то же время как его торможение, как оцепеневшее выражение невыносимости определенного образа жизни. Мы пытались заявить о протесте как о прогрессивной стороне заболевания, четко определяя социальные

взаимосвязи и пытаюсь преодолеть собственные страхи и сбросить с себя оковы» [Pross, 2016, S. 189]. Таким образом СКП трактовал болезнь как революционную производительную силу, а больного – как революционного субъекта, и пропагандировал центральную идею о том, что болезнь «есть не только судьба, не только пассивное страдание, но она также способна проявлять активность и оказывать сопротивление: объект может стать субъектом» [ibid., S. 189].

Несмотря на то что Вольфганг Хубер нащупал верные продуктивные подходы к динамике психического расстройств и к скрытым в симптоме продуктивным силам, идеологическая догматика все же преобладала над терапевтической эффективностью, а психоаналитическая техника замещалась совместным разбором пассажей из Гегеля и Маркса. Это естественным образом привело к тому, что терапия сменилась агитацией, а лечение приняло форму политической пропаганды и объявления войны: программное сочинение СКП носит название «Из болезни сделать оружие», равно как и в понимании самого Хубера «страдание больных становится мотором бунта» [ibid., S. 311]. В процессе агитации больной должен превратить свое страдание в действие, т.е. высвобожденное подавленное желание (протест) должно выразиться в форме политической активности, а само политическое выражение агрессии оказывать целительное воздействие.

Довольно скоро СКП обнаружил деструктивную и самодеструктивную динамику. С одной стороны, распространялся параноидальный образ врагов, как внешних, так и внутренних: «СКП считал, что весь мир против СКП, что все хотят уничтожить СКП» [ibid., S. 257], «кто не с нами, тот против нас» [ibid., S. 261]. С другой стороны, через язык, которым был наделен новый революционный субъект. Этот язык использовался как оружие, жесткая риторика позволяла проводить резкую грань между врагом и другом, демонизировать противника, громкогласно обвинять и в то же время снимать с себя ответственность. Так, 16 апреля 1971 г. была опубликована статья «Самомубийство = убийство» [ibid., S. 263]. Изначально риторика СКП, как и многие критические течения Германии 1960–1970-х годов, опиралась на идентификацию себя с жертвами нацистского режима и на сравнение господствующей системы с фашизмом, однако изначальная игра слов переросла в язык агрессии, грубые оскорбления, сексуальные и

фекальные метафоры. Так, одна из листовок СКП изобилует нападками следующего толка: «При выражениях “жополиз”, “дерьмо”, “фашистский” анальные чистюли вздрагивали от шока (господину председателю мы отдельно советуем крем “Золото” от геморроя). Обрезающий не только крайнюю плоть оттяпал, но и собственную колбаску» [Pross, 2016, S. 295].

После того как психотерапия окончательно подменилась классовой борьбой, а давление университета и прессы увеличилось, и без того радикальный язык обострился и раздались первые призывы взять в руки оружие, которые окончательно раскололи СКП: возникшие формулировки и призывы «нанести смертельный удар по капиталистической системе» заставили прессу тут же повесить на членов СКП ярлык «кровожадных людей, жаждущих смерти других, кровавой революции» [ibid., S. 297]. Этот страшный язык, навязанный революционному субъекту психиатрии, состоящий на одну половину из грубостей, на другую – из мешанины Маркса и Гегеля, лишил больного возможности продуктивного диалога с обществом и обрек на изоляцию. Поэтому неудивительно, что когда перед домом Хубера был ранен полицейский, а в помещениях СКП были обнаружены взрывчатые вещества, прошла череда арестов и скандалов, а пресса незамедлительно растиражировала мнимую связь СКП с террористической организацией RAF и стилизовала членов СКП под террористов. Газеты того времени пестрели такими заголовками, как «Душевнобольные берутся за оружие: в Гейдельберге политбезумцы замышляют революцию», «Когда психи становятся опасны для общества?», «Нервнобольные студенты призывают к перевороту» [цит. по: Pross, 2016, S. 387]. СКП начинают называть «коллективом невротиков и политфанатиков», «группой пограничных параноиков под предводительством вероятно столь же параноидального врача», «обученными политреволюционерами»; рисуются образы взорванных мостов, разрушенных ратуш и поверженной в хаос Германии; журнал «Квик» писал: «В Гейдельберге сумасшедшие пробовали устроить восстание. Андреас Баадер и Ульрике Майнхоф [известные немецкие террористы] – их примеры для подражания. Целый год около сотни душевнобольных готовили в Гейдельберге переворот» [ibid., S. 388].

Таким образом новый «революционный субъект» психиатрии подвергся той самой стигматизации, против которой боролся и он сам, и его идеолог Хубер [Pross, 2016, S. 389].

Шизофреник и поэт: смена субъектности

Мысль о том, что художественная литература взаимодействовала с психиатрией с момента зарождения последней в культурном пространстве, давно перестала вызывать удивление в гуманитарных науках [Wübben, 2012]. Однако роман Хайнара Киппхардта «Мэрц» (1976) занимает в этом поле напряженных взаимоотношений особое место и более многих тематически схожих текстов имеет право называться введенным Г. Ирле термином «психиатрического романа» [Irle, 1965], хотя если сопоставить содержание текста с историческим моментом, то было бы корректнее назвать роман «антипсихиатрическим».

Роман бывшего психиатра, прозаика и драматурга Хайнара Киппхардта рождается в том же антипсихиатрическом контексте, в котором гремел СКП. В качестве основы романа, написанного в технике коллажа и призванного соединить психиатрическую науку с художественным вымыслом, Киппхардт выбрал реальную ситуацию, в которой «революционный субъект» психиатрии реализует себя совершенно иным способом. В самом начале 1970-х годов Киппхардт знакомится с новаторскими идеями венского психиатра Лео Навратила, совершавшего в то время свою собственную «мягкую» революцию в лечении шизофрении. Будучи уверенным в продуктивном потенциале языка шизофреников и в терапевтическом эффекте художественных актов, Навратил способствовал развитию изобразительных и поэтических практик своих пациентов. Самым знаменитым из них стал Эрнст Хербек (более известный под псевдонимом Александр), жизнь и поэтическое творчество которого Хайнар Киппхардт положил в основу романа, чем, впрочем, спровоцировал скандальные обвинения в плагиате в свой адрес [Taškenov, 2017]. В постоянной смене перспективы между молодым психиатром нового поколения Кофлером и старым патриархальным директором фиктивной лечебницы Фойерштайном угадывается напряженная ситуация смены психиатрических мето-

дов, царившая и в Гейдельберге на рубеже 1960–1970-х годов: «Психоз также есть попытка излечения» [Kipphardt, 2011, S. 168]. Однако в сравнении с СКП Хубера «революционный субъект» Киппхардта обладает главной отличительной чертой: он – поэт.

Язык Мэрца (равно как и язык психиатра Кофлера) полон критических намеков в адрес актуального состояния психиатрических концепций больного и методов его лечения, но начисто лишен агрессии, свойственной СКП. В поэтичности и «загадочности» своих высказываний шизофреник и поэт Мэрц оживляет огромный художественный пласт представлений о безумии, начиная с идеи «избранности» и «открывшейся истины» романтизма. Если Хубер пытался добиться оправдания и общественного признания психически больных путем политизации, враждебной агитации и активизации их скрытой агрессии, то Киппхардт делает акцент на творческом потенциале шизофреника и на его «тайном» языке, развивающемся уже целых два столетия. Поэт и шизофреник Мэрц, отвергнутый обществом, оказывается ближе всех образу «нового человека»: неспроста в его рисунках и саморепрезентациях и самостилизациях, равно как и в его художественном акте самосожжения, возникает образ Иисуса Христа [ibid., S. 224].

В отличие от СКП, антипсихиатрические идеи высказываются в романе тихо, без крика. Так, например, Мэрц совершенно незаметно и молча пишет на доске перифразу антипсихиатрической мысли: «Аутизм: отказ от ролевых ожиданий» [ibid., S. 168].

Революция, субъектом которой Киппхардт делает шизофреника, затрагивает в первую очередь не общественный уклад (хотя его, безусловно, тоже), но в принципе сам поэтический язык: изменения, которые психическое расстройство вносит в язык в целом и в поэзию в частности, оказываются новым способом артикуляции новых экзистенциальных условий. И действительно, спустя полвека стиль Александра / Мэрца уже кажется удивительно похожим на манеру письма, скажем, Герты Мюллер: «Если я пробую на вкус марципан, то я поел от своей матери»; «Если я опираюсь на руку, обнажаются кости, обвитые нервными окончаниями как древесный лишайник. – Если я складываю руки, это руки моей склочной сестры» [ibid., S. 86]. Отчаянная, странная, деформированная речь Мэрца оказывается более эффективной, нежели прямые агрессии СКП, поскольку вводит в обиход новые

изобразительные образцы, лишённые агрессии: «Милые мои. Огурец убийца меня покидает хвалить ли винтовку заряженной газету? Немец и поляк, ах Парппе, я не тоскую по дому и все время думаю косуля-несуля борода долой вне игры мяч не в пример. Стреляю-целую Александр» [Kipphardt, 2011, S. 93].

Поэтический «язык безумца», опирающийся на двухвековую историю своего становления (отсчет здесь можно вести от писем душевнобольных в редакцию журнала Карла Филиппа Морица и от текстов Гёльдерлина), оказывается более продуктивным, чем попытки отвоевать свои прямые права в обществе путем тотального отрицания в случае Хубера. Будь то почти что детский наивный примитивизм Мэрца:

Снег белый
И мягкий снег
Под снегом хочу лежать
и глядеть.

[Ibid., S. 111]

Или его более развернутые формы:

Смерть.
Смерть такая большая.
Смерть большая.
Смерть есть крупа.
Есть крупу.
Смерть тоже есть.
Смерть тоже глупа.
Я могу войти в смерть.
Смерть в школе как дева.

[Ibid., S. 223]

Герой Киппхарда пусть и гибнет, но его язык оказал влияние, возможно, не меньшее, чем изначально идеалистические идеи Хубера, а на язык литературы 1970–1980-х – однозначно несоизмеримо большее (Р. Гэтц, В. Кофлер, Т. Бернхард и др.). Если психиатрия вынуждена отталкиваться от своей актуальной стадии развития, предлагая новые, «революционные» методы терапии и концепции, скажем, шизофрении, то литература имеет возможность обратиться ко всей истории «художественного» безумца от романтизма до наших дней, в то

же время переосмысляя достижения и ошибки общественных и, в частности, академических дискуссий. Поэтому в одной и той же исторической ситуации два дискурса, изначально тесно связанные между собой, совершенно по-разному реагируют на назревшие потребности в революции “безумия” в культуре. Как антипсихиатры, которых О. Власова называет борцами и революционерами, «говорили от имени больных, [...] рассказывали об их опыте и делали все для их освобождения» [Власова, 2014, с. 408], так и писатели и поэты способны наделять голосами и правами «больных» субъектов, исключаемых из поля литературы традиционными нормами и поэтиками. Шизофреник как революционный субъект литературы трансформирует не только образ своей инаковости в культуре и обществе, но и заставляет трансформироваться и развиваться художественный язык как таковой, формируя специфический и самобытный «психиатрический / патологический код письма» [Taškenov, 2014].

Список литературы

- Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.
- Кельнер М.С. Антипсихиатрия и социальная философия левого радикализма // Филоофские науки. – 1981. – № 2. – С. 56–63.
- Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 7. – Москва : Политиздат, 1956. – С. 5–110.
- Фуко С. История безумия в классическую эпоху. – Москва : АСТ, 2010. – 698 с.
- Штернберг. Э.Я. О некоторых крайних течениях в современной зарубежной социальной психиатрии (антипсихиатрические тенденции) // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1972. – Вып. 8. – С. 1241–1248.
- Irle G. Der psychiatrische Roman. – Stuttgart : Hippokrates-Verlag, 1965. – 160 S.
- Kipphardt H. März. Roman und Materialien. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 2011. – 310 S.
- Pross Ch. Wir wollten ins Verderben rennen. Die Geschichte des Sozialistischen Patientenkollektivs Heidelberg. – Köln : Psychiatrie Verlag, 2016. – 502 S.
- Taškenov S. Folie à deux : Psychiatrische Schreib- und Lesecodes der Moderne // Visionen der Zukunft um 1900. Deutschland, Österreich, Russland / Hrsg. v. S. Taškenov u. D. Kemper. – Paderborn : Wilhelm Fink, 2014. – S. 223–236.
- Taškenov S. Geisteskrankes Eigentum : Plagiatsvorwürfe gegen Heinar Kipphardts März // Productivity of plagiarism. – Berlin : LIT, 2017. – S. 49–61.

Wübben Y. Verrückte Sprache : Psychiater und Dichter in der Anstalt des 19. Jahrhunderts. – Konstanz : Konstanz University Press, 2012. – 334 S.

References

Vlasova, O.A. (2014). *Antipsichiatrija: social'naja teorija i social'naja praktika* [Antipsychiatry: Social Theory and Social Practice]. Moscow : Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Kel'ner, M.S. (1981). Antipsichiatrija i social'naja filosofija levogo radikalizma [Anti-psychiatry and the social philosophy of left-wing radicalism]. In *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], (2), (pp. 56–63). (In Russ.)

Marks, K. (1956). Klassovaja bor'ba vo francii s 1848 po 1850 g. [Class struggle in France from 1848 to 1850]. In Marks, K., Engel's F. *Sochinenija*. Tom 7. [Essays. Vol. 7], (pp. 5–110). Moscow : Politizdat. (In Russ.)

Fuko, M. (2010). *Istorija bezumija v klassicheskuju epohu* [A history of madness in the classical era]. Moscow : AST. (In Russ.)

Shternberg, E. Ja. (1972). O nekotoryh krajnih techenijah v sovremennoj zarubezhnoj social'noj psichiatrii (antipsichiatricheskie tendencii) [On some extreme currents in contemporary foreign social psychiatry (anti-psychiatric tendencies)]. In *Zhurnal nevropatologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova*. [Journal of Neuropathology and Psychiatry named after S.S. Korsakov], issue 8, (pp. 1241–1248). (In Russ.)

Irle, G. (1965). *Der psychiatrische Roman* [The psychiatric novel]. Stuttgart : Hippokrates-Verlag. (In Germ.)

Kipphardt, H. (2011). *März. Roman und Materialien* [March. Novels and materials]. Reinbek bei Hamburg : Rowohlt. (In Germ.)

Pross, Ch. (2016). *Wir wollten ins Verderben rennen. Die Geschichte des Sozialistischen Patientenkollektivs Heidelberg* [We wanted to run to ruin. The history of the Socialist Patient Collective Heidelberg]. Köln : Psychiatrie Verlag. (In Germ.)

Taškenov, S. (2014). Folie à deux: Psychiatrische Schreib- und Lesecodes der Moderne [Folie à deux : Psychiatric writing and reading codes of modernity]. In *Visionen der Zukunft um 1900. Deutschland, Österreich, Russland* [Visions of the future around 1900. in Germany, Austria, Russia], Hrsg. v. S. Taškenov u. D. Kemper [Ed. V.S. Taškenov and D. Kemper]. (pp. 223–236). Paderborn : Wilhelm Fink. (In Germ.)

Taškenov, S. (2017). Geisteskrankes Eigentum: Plagiatsvorwürfe gegen Heinar Kipphardts März. [Mentally ill property : Accusations of plagiarism against Heinar Kipphardt's March]. In *Productivity of plagiarism*, (pp. 49–61). Berlin : LIT. (In Germ.)

Wübben, Y. (2012). *Verrückte Sprache: Psychiater und Dichter in der Anstalt des 19. Jahrhunderts* [Crazy language : psychiatrist and poet in the institution of the 19th century]. Konstanz : Konstanz University Press. (In Germ.)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК: 792

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.05

Кузнецова Е.А.*

«ФАНТАЗИЯ В РУССКОЙ МАНЕРЕ НА АНГЛИЙСКИЕ ТЕМЫ» СЕРГЕЯ ЭЙЗЕНШТЕЙНА[©]

Аннотация. Статья приглашает читателя вернуться к страницам истории художественной культуры столетней давности, а именно к одной из первых работ Сергея Эйзенштейна в качестве театрального художника. Хотя планируемый в «Театре Актера» спектакль по пьесе Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» с подзаголовком «Фантазия в русской манере на английские темы» так и не был поставлен, сохранившиеся в архивах эскизы и «Пояснительная записка» заслуживают самого пристального внимания. Результаты их микроанализа свидетельствуют о том, что предложенные Эйзенштейном художественные формы и решения до сих пор используются русскими художниками и режиссерами.

** Кузнецова Евгения Александровна – магистр филологии, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета и Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». Москва, Россия, e-mail: evgeniya.kuznetsova90@gmail.com*

Kuznetsova Evgeniya Aleksandrovna – Master of Arts, Senior Lecturer of the Russian State University for the Humanities and the National University of Science and Technology “MISIS”. Moscow, Russian Federation, e-mail: evgeniya.kuznetsova90@gmail.com

© Кузнецова Е.А., 2022

Ключевые слова: Бернард Шоу; Сергей Эйзенштейн; «Дом, где разбиваются сердца»; циркизация театра; сценическая конструкция; актерская пластика; русская режиссура; зарубежная драма.

Kuznetsova E.A.

**“A Fantasia in the Russian Manner on English Themes”
by Sergei Eisenstein**

Abstract. The article invites its readers to travel back in time to open a century-old page in the world’s cultural history showing one of the first tries by Sergei Eisenstein as a theatre designer. Although Bernard Shaw’s play “Heartbreak House. A Fantasia in the Russian Manner on English Themes” was never staged at “The Actor’s Theatre”, the surviving sketches and notes do call our attention. A microanalysis of these sources demonstrates that the ideas put forward by Sergei Eisenstein are still used by Russian designers and directors.

Keywords: Bernard Shaw; Sergei Eisenstein; “Heartbreak House”; circus in theatre; stage sets; stage movement; Russian directors.

*Здоровая галлюцинация и есть как раз то,
что мы называем пьесой или драмой.*
Бернард Шоу

Зарубежная драма всегда вызывала интерес русских режиссеров и критиков. Не стало исключением и творчество британского драматурга Бернарда Шоу. Первый его сборник «Пьесы неприятные» (Plays Unpleasant) увидел свет в 1889 г. «Профессия миссис Уоррен» (Mrs. Warren’s Profession) – пожалуй, наиболее «скандальное» произведение сборника¹ – стала первой публикацией британского драматурга в дореволюционной России. Пьеса появилась на русском языке в 1907 г. сразу в двух изданиях. В Москве пьеса была выпущена отдель-

¹ В Британии пьеса была заклеяна как «безнравственная», а ее постановки на сцене были запрещены. Детальное изложение цензурной истории этого произведения можно найти в статье Леонарда Конолли “Mrs. Warren’s Profession and the Lord Chamberlain” [Conolly, 2004].

ной книгой «Профессия миссис Уорен» издательством театральной библиотеки Марии Соколовой в переводе Эмилия Маттерна и Ивана Марка, а в Санкт-Петербурге – в журнале «Театр и искусство» в переводе Михаила Вейконе под названием «Богатая мать (Профессия м-сс Варрен)». Затем один за другим стали выходить в свет переводы других пьес Шоу, а в 1910–1913 гг. Владимир Саблин в своем издательстве выпустил «Полное собрание сочинений» писателя – что примечательно, в серии «Классики современной мысли». Таким образом, к 1910-м годам, спустя 20 лет после дебюта, Бернард Шоу уже воспринимался в России как именитый драматург, как «классик», заслуживающий публикации не только отдельных сочинений, но и целого собрания.

Однако, несмотря на издательский успех и большое количество переводов, пьесы Бернарда Шоу не спешили заполнять афиши русских театров. Разумеется, были внешние причины: войны, революции – но не только. Позже Юрий Завадский так писал об этом: «Легенды о так называемой “несценичности” пьес английского сатирика принесли немало вреда. Они отпугивали театры и надолго затормозили широкое вхождение драматургии Шоу в репертуар театров разных стран, в том числе и в репертуар наших театров» [Завадский, 1966, с. 94]. Без сомнения, Завадский стремился своими спектаклями¹ опровергнуть сложившееся мнение, подходя к произведениям Шоу с известной степенью свободы: «На мой взгляд, Шоу не только допускает, но и требует озорного, дерзкого режиссерского обращения с ним...<...>...Драматургия Шоу диктует, прямо-таки требует раскованной и, разумеется, вполне самостоятельной фантазии, активного творчества художественных форм от деятелей театра. Для постановки пьес Шоу просто необходимы смелые режиссерские решения, способные выявить всю их остроту и создать идейно и художественно целостные спектакли» [там же].

Таким мог бы стать спектакль, который планировался в «Театре Актера» Всеволода Мейерхольда в 1921–1922 гг., но, к сожалению,

¹ В 1933 г. в Театре-студии под руководством Юрия Завадского была поставлена пьеса Бернарда Шоу «Ученик дьявола». В конце спектакля на сцене появлялся отсутствующий в авторском тексте персонаж – сам Бернард Шоу; его роль исполнил Ростислав Плятт.

так и не был поставлен. В архивах тем не менее сохранились эскизы костюмов и сценической конструкции, выполненные Сергеем Эйзенштейном к пьесе Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» с подзаголовком «Фантазия в русской манере на английские темы».

Над этой пьесой с оригинальным названием Heartbreak House. A Fantasia in the Russian Manner on English Themes Бернард Шоу работал с 1913 по 1917 г. В 1919 г. пьеса, которой автор предпослал развернутое предисловие, была издана в составе сборника Heartbreak House, Great Catherine, and Playlets of the War издательством Brentano's в Нью-Йорке и затем издательством Constable and Company в Лондоне. Впервые пьеса была поставлена также в Нью-Йорке – на сцене Garrick Theatre 10 ноября 1920 г. Британская премьера состоялась через год, 18 октября 1921 г. в театре Court Theatre в Лондоне [The Cambridge Companion ..., 2000, p. XXVII].

Возможно, именно «русская манера» и привлекла внимание русскоговорящей аудитории к пьесе. Автор второго перевода пьесы на русский язык Сергей Мятезный объяснил это так:

«Для нас сатира “Дом усталых сердец” имеет особое значение, так как Б. Шоу указывает в своем предисловии, что первым толчком к написанию этого произведения были гастролы нашего Художественного Театра в Лондоне в 1913 году, когда английское общество впервые увидело воплощение Чеховских типов “Дядю Ваню”, “Чайку”, “Вишневый сад”. И пожалуй самое пикантное в пьесе на наш взгляд то, что Шоу своих английских персонажей заставляет говорить порой языком Чеховских героев. Здесь органическая связь этой сатиры с нашим Художественным Театром. *Не даром автору угодно было назвать свою комедию “русской фантазией на английский лад”*» [Дом усталых сердец ..., 1928 (?), с. 3].

Очевидно, переводчик имел в виду следующий пассаж из авторского предисловия к «Дому, где разбиваются сердца»:

«У русского драматурга Чехова есть четыре прелестных этюда для театра о Доме, где разбиваются сердца, три из которых – “Вишневый сад”, “Дядя Ваня” и “Чайка” – ставились в Англии... <...>

¹ Курсивом выделена фраза, добавленная в машинописный текст чернилами от руки. Авторские орфография и пунктуация сохранены. – Е. К.

...В Англии, где театры являются просто обыкновенным коммерческим предприятием, пьесы Чехова, менее доходные, чем качели и карусели, выдержали всего несколько спектаклей в “Театральном обществе”. Мы таращили глаза и говорили: “Как это по-русски!” А мне они не показались только русскими... <...> ...события этих чрезвычайно русских пьес могли произойти во всяком европейском поместье, где музыкальные, художественные, литературные и театральные радости вытеснили охоту, стрельбу, рыбную ловлю, флирт, обеды и вино. Такие же милые люди, та же крайняя пустота» [Шоу, 1980, с. 463–464].

Редкий исследователь не отметит сходства между произведениями драматургов: упоминают и специфику хронотопа, и особенности наррации, и типажи героев, и эсхатологические мотивы, и многое другое¹. Как и произведения Чехова, пьесы Шоу часто называют «разговорными», а его драматургию – «интеллектуальной» [Аникст, 1974, с. 35; Образцова, 1992, с. 225], и «Дом, где разбиваются сердца» в этом смысле – не исключение. Динамику пьесе задают парадоксальные высказывания чудаковатого хозяина дома, капитана Шотовера, и несколько сцен: в первом акте – неудавшееся чаепитие Элли, разоблачение Гектора и намеренное неузнавание отцом своей дочери Ариадны, во втором акте – гипнотический сон Менгена, коллективная поимка «вора» Билли Дэна и ревнивая истерика Ренделла, в третьем – разоблачение Менгена и два взрыва. Но достаточно ли этого для пьесы, насчитывающей без малого тридцать пять тысяч слов?

Ответ Сергея Эйзенштейна на этот вопрос был отрицательный. С пьесой британского драматурга Эйзенштейн познакомился еще будучи студентом Государственных высших режиссерских мастерских, в 1921 г. Автором перевода выступил ректор мастерских, литературный критик, поэт и переводчик Иван Аксенов. В его переводе пьеса впервые зазвучала на русском языке: до нас дошел машинописный текст, озаглавленный «Дом, где разбивают сердца» (а не «разбивают-

¹ Лучшей работой на русском языке по данной теме остается монография А.Г. Образцовой «Бернард Шоу и русская художественная культура на рубеже XIX и XX веков» [Образцова, 1992]. На английском языке библиографию работ о творчестве Бернарда Шоу можно найти, в частности, в книге *The Cambridge Companion to George Bernard Shaw* под редакцией Кристофера Иннеса [The Cambridge Companion ..., 2000].

ся», как стало принято позднее), и датированный 25 февраля 1921 г. [Шоу, 1921 (?), с. 180]. С этой даты начинается история бытования этой пьесы Бернарда Шоу в переводах на русский язык.

«Комедию Шоу поручили оформлять Эйзенштейну» [Аксенов, 1991, с. 29], который параллельно с учебой в мастерских работал художником в «Театре Актера», образовавшемся при слиянии мастерских с труппой частного театра Константина Незлобина. Всеволод Мейерхольд, руководящий театром, уже приглашал ученика к сотрудничеству, и очередным поручением становится пьеса «Дом, где разбивают сердца». Ее же Эйзенштейн выбирает для своего зачетного проекта по окончании первого года обучения в мастерских.

Работа над пьесой стала для студента настоящим испытанием. Два первых проекта были категорически отвергнуты наставниками. Из воспоминаний Ивана Аксенова: «Как потом выяснилось, он просто принес из Пролеткульта свой эскиз площадки “Макбета”. Решение было объемно-плоскостное, т.е. отсталое, на что Л.С. Попова не преминула указать. Эйзенштейн признал себя виновным и через два дня принес второй эскиз компромиссного характера. Верх на нем был трехмерно-графический, а низ оставался объемно-плоскостным. Автор оправдывался тем, что ему приходится считаться с реальными возможностями актеров старой школы. Хуже такого аргумента для своего профессора он не мог бы придумать...» [там же, с. 30].

Наум Клейман назвал этот этап «переломной точкой» на творческом пути Сергея Эйзенштейна [Клейман, 1998, с. 47]. И действительно, готовя третий вариант оформления спектакля, Эйзенштейн, как кажется, переломил сам себя и полностью переосмыслил свое видение не только планируемого спектакля, но и сущности эскиза. Итоговый проект получился настолько новаторским, что заставил Любовь Попову «признать себя не только удовлетворенной, но и побежденной» [там же]. А Всеволод Мейерхольд оставил свой вердикт непосредственно на полях зачетного проекта своего ученика: «Эскиз и рисунки костюмов т. Эйзенштейна к пьесе, требующей эксцентрической трактовки, принимаются, как выполненные согласно заданию и превосходно» [Мейерхольд и художники ..., 1995, с. 293]. Доработка проекта, однако, была поручена Зинаиде Райх, «как получившей постоянное место в Театре актера для работы по составлению манти-

ровок» [Мейерхольд, 1976, с. 214], и в конечном итоге спектакль так и не был поставлен. Подоплека этого решения глубоко раскрыта в работах Н.И. Клеймана и В.В. Забродина [Клейман, 1998; Забродин, 2005], поэтому автор статьи предлагает вернуться к словам Мейерхольда и задаться вопросом: почему же пьеса Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» требует именно такой трактовки?

Сергей Эйзенштейн дал ответ на этот вопрос в «Пояснительной записке к проекту материального оформления спектакля “Дом, где разбивают сердца”»¹. Этот чрезвычайно подробный, снабженный большим количеством схем текст важен не только в сочетании с эскизами, но и сам по себе, так как он «по сути – манифест» [Клейман, 1998, с. 48]. Себя автор позиционирует как «художник-конструктор», причем вторая ипостась в данном случае явно оказалась более значима, чем первая. Если в основе первых двух проектов, не принятых наставниками, лежал рисунок, то итоговый вариант – это коллаж. В зачетном проекте Эйзенштейн довел идеи своих учителей «до крайности» [там же, с. 51]. По воспоминаниям Ивана Аксенова, «Попова в стремительности своего освобождения от эстетических канонов отрицала рисунок, над которым работала ожесточенно лет десять подряд... <...> ...На эскизах, принесенных Эйзенштейном, не было нарисовано ни линии, большинство из них были даже не начерчены рейсфедером, а вырезаны из цветной бумаги и наклеены» [Аксенов, 1991, с. 30].

Что же за конструкцию предложил одаренный ученик Любови Поповой и как собирался ее использовать? Несколько выдержек из «Пояснительной записки»:

«Задание: конструкция и костюмы к пьесе, требующей эксцентрической трактовки; первое с намеком на корабль (действие в доме полу-сумасшедшего капитана); буфет и диван.

Разрешение

Исходное положение – исходя из особенностей пьесы, создать своеобразную и только к данному спектаклю применимую машину², устанавливающую и определяющую игру актера.

<...>

¹ Эйзенштейн С. «Пояснительная записка к проекту материального оформления спектакля “Дом, где разбивают сердца”». РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 811. Л. 3.

² В источнике «машину» зачеркнуто и исправлено на «механизм».

«Пьеса разговорная. Вся ценность и острота, как и в большинстве пьес Б. Шоу, за исключением нескольких комических моментов (сцена с цепелином, сеанс гипноза, поимка вора), только в диалогах. Результат – желая сохранить разговорность, исключаящую активную актерскую динамику, – конструировать механизм в расчете на пассивную его, актера, кинетику, т.е. построить механизм,двигающий и перемещающий актера независимо, т.е., вернее, в определенной комически рассчитанной координации со словесным его материалом.

<...>

Выводом из этого положения – подыскание соответственных аппаратов с наибольшим разнообразием траекторий (в плоскости портала или в глубине сцены) перемещений тела актера в пространстве»¹.

Далее следует описание и схемы траекторий – «параболических», «прямолинейных» («вертикальных» и «наклонных») и «криволинейных» – а также соответствующих им «аппаратов». Например, «криволинейные» траектории обеспечивали две трапеции, тротуар и подкидные доски. Иными словами, актеры должны были не только ходить, бегать, подниматься и спускаться по сценическим конструкциям, но даже совершать полеты. Так, на оборотной стороне листа 7 «Пояснительной записки» находим схематичный рисунок под названием «Генсс приносит чай» (имеется в виду няня, второстепенный персонаж пьесы), который демонстрирует, что актриса в этой сцене должна была выполнить сальто через голову с подкидной доски – и все это с подносом в руках. Иван Аксенов вспоминал, как ученик, представив итоговый вариант своего проекта, спросил у Любови Поповой, «не думает ли она, что незлобинцы² могут убиться на трапециях и кольцах установки? “Думаю и желаю этого от всего сердца”, – был свирепый ответ кротчайшего в жизни фанатика. Эйзенштейн по-

¹ Эйзенштейн С. «Пояснительная записка к проекту материального оформления спектакля “Дом, где разбивают сердца”». РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 811. Л. 3. Разрядка и подчеркивание авторские. – Е. К.

² То есть актеры частного театра Константина Незлобина, вошедшие в труппу «Театра Актера».

клонился в знак своего полного согласия с этим мнением» [Аксенов, 1991, с. 30].

Впрочем, далеко не все способы динамизации действия, предложенные Эйзенштейном, требовали от актеров столь серьезной акробатической подготовки. Чтобы разнообразить выход актеров на сцену в первом действии, на протяжении которого автор одного за другим выводит на сцену новых персонажей, Эйзенштейн предполагал, что они будут внезапно появляться из-за «огромных трехстенных чемоданов» уже приехавших гостей. А для хозяина дома была придумана целая установка: «Для необходимых по пьесе резких и неожиданных появлений центральной фигуры – капитана Шотовера введен особый аппарат: круг, деленный на 4 четверти и затянутый папиросной бумагой, вращающийся на оси, с таким расчетом, чтобы на каждое из четырех его появлений подавать новую заклеенную четверть и убрать ранее прорванную».

Как подметил Наум Клейман, то, что представил Сергей Эйзенштейн в своем итоговом проекте, были «...не эскизы, а коллажи и чертежи. И не декораций, а – “станка для игры”» [Клейман, 1998, с. 48]. Игры, которая предполагала «активное движение вместо унылого сидения за столом или на барских садовых скамейках...» [там же, с. 51]. Действительно, проект не оставлял места для столов и скамеек. По замыслу Эйзенштейна, на сцене должна была находиться только придуманная им конструкция, частично закрепленная к колосникам тросами. «План конструкции»¹ включал в себя 10 типов элементов, которые автор обозначил латинскими буквами:

- А Станки
- В Bascule²
- С Trottoirroulant³
- D Lift
- Е Лестница
- Ф Неподв. площадка
- Г Провал (trappe)
- Н Неподв. мостик

¹ При цитировании сохранена авторская орфография.

² Подкидная доска (*фр.*). Здесь и далее перевод мой. – Е.К.

³ Движущийся тротуар (*фр.*).

I Колесо с папиросной бумагой

T Trapèze¹

Все элементы, таким образом, делились на неподвижные и подвижные – с преобладанием последних. На плане обозначены лифт, два люка («провала»), четыре подкидные доски, движущийся тротуар и вращающееся колесо. С колосников должны были спускаться две трапеции и кольцо.

Иными словами, данная сценическая конструкция предполагала четкое выполнение каждым из актеров определенных телодвижений и не оставляла места для импровизации. Любые отклонения могли бы привести как минимум к искажению режиссерского замысла, а как максимум – к несчастному случаю. Отдых для актеров, впрочем, тоже был запланирован – но не за кулисами. Из воспоминаний однокурсника автора Сергея Юткевича: «По замыслу Эйзенштейна эта конструкция, расположенная на нейтральном фоне ничем не украшенной стены театра (спектакль предполагался, конечно, без занавеса), отличалась еще и тем, что актеры в течение всего спектакля не должны были покидать сцену. Для этого в глубине сцены были сооружены удобные диваны, обтянутые полосатым тиком, на которых отдыхали актеры, отыгравшие тот или иной эпизод. Таким образом... <...> ...ирония, свойственная также Шоу, должна была получить свое сценическое воплощение в двуплановом поведении актеров» [Юткевич, 1974, с. 106].

Таким образом, работая над пьесой Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца», Сергей Эйзенштейн предложил ряд оригинальных, а в чем-то даже и новаторских, приемов, которые можно изобразить в виде следующей формулы:

«диалоги»,	+	«механизм»,	+	актер-	+	«эксцентри-	=	комиче-
«разговор-		цирко-		ская		ческая трак-		ский
ность»		вые сна-		«пас-		товка»		эффект
		ряды		сивная				
				кинети-				
				ка»				

¹ Трапеция (*фр.*).

Это сочетание позволило «художнику-конструктору» решить две задачи: в первую очередь, преодолеть длинноты и придать действию дополнительную динамику, а также добиться «определенной комически рассчитанной координации со словесным... <...> ...материалом». Работа над пьесой британского драматурга в жестких рамках поставленной его наставниками задачи дала Эйзенштейну толчок к определению своей собственной манеры. Предложенные им сценические решения направлены вовсе не на развитие «английских тем», не на передачу реалий «чужой» культуры, как можно было бы ожидать. От иллюстративности первых набросков в итоговом зачетном проекте не осталось и следа. Дошедшие до нас эскизы говорят о том, что проект Сергея Эйзенштейна был дерзким вызовом талантливого студента, отказом от старых художественных форм и утверждением новых принципов художественного высказывания.

По мнению Наума Клеймана, Эйзенштейн в своем проекте развил идеи Мейерхольда до такой степени, что его «машина для игры» могла быть воспринята как пародия на «провозглашенный Мастером сценический конструктивизм» [Клейман, 1998, с. 51] и тем самым способствовала расхождению между учеником и учителем. Так или иначе, этот опыт «циркизации» не прошел незамеченным ни для Эйзенштейна, который использовал некоторые приемы в своих позднейших постановках, ни для его учителя¹, ни для других режиссеров: предложенные Эйзенштейном решения для преодоления «несценичности» и «разговорности» драматургии Бернарда Шоу используются до сих пор.

Среди постановок XXI в. можно выделить спектакль «Дом, где разбиваются сердца» в Мастерской Петра Фоменко, премьера которого состоялась 13 июня 2005 г. Режиссер Евгений Каменькович и художник Владимир Максимов последовали за драматургом и разместили на сцене деревянную конструкцию, отдаленно напоминающую корабль. Как и у Эйзенштейна, конструкция состоит из элементов неподвижных и подвижных (например, лестницы-трапа), а с колосников к ней спускается бесчисленное количество тросов. Наверху, в центре

¹ Подробнее о значении этого опыта в творчестве Сергея Эйзенштейна и Всеволода Мейерхольда см. в статье Наума Клеймана «Дом, где разбивают сердца» [Клейман, 1998].

конструкции, установлен штурвал, с помощью которого в начале спектакля капитан Шотовер (Карэн Бадалов) поднимает к себе в «рубку» столик с бутылками любимого рома. Пробками от бутылок усеяна вся авансцена, и часть текста актеры произносят, балансируя на этом «ковре». Этот, казалось бы, нехитрый прием вносит разнообразие в сценическое движение и помогает удерживать зрительское внимание, что немаловажно, ведь авторский текст, за минимальными сокращениями, сохранен. Иными словами, постановщики XXI в. следуют эйзенштейновской формуле во всем, кроме «эксцентрической трактовки». Может быть, именно поэтому спектакль в целом получился скорее грустный, чем смешной.

Говоря о русских «фантазиях» на «английские темы» пьесы Шоу, невозможно не упомянуть кинофильм Александра Сокурова «Скорбное бесчувствие» с подзаголовком «Фантазия по мотивам пьесы Б. Шоу “Heartbreak House” / “Дом, где разбиваются сердца”». В этой картине 1987 г. режиссер также большое внимание уделил декорациям и пластике актеров. Наше знакомство с миром героев Бернарда Шоу начинается с головокружительного объезда камерой Дома и с весьма странного танца двух персонажей на его балконе. «“Дом, где разбиваются сердца” – это не просто название пьесы... <...> ...Это культурная, праздная Европа перед войной», – пояснял Бернارد Шоу в авторском предисловии к пьесе [Шоу, 1980, с. 461]. Фильм Сокурова, несмотря на предложенную режиссером «эксцентричную трактовку», а именно сложный художественный язык, в действительности иллюстрирует это определение с самых первых кадров, где нелепые псевдovосточные танцы – апогей праздности, а дом, своими фасадами отсылающий зрителя к европейским архитектурным стилям от Средних веков до XX в., символизирует Европу. Насыщая свою картину символами, режиссер тем не менее сохранил текст Шоу – очевидно признавая, как и Эйзенштейн, «разговорность» пьесы ее главной ценностью.

Как приняла бы публика спектакль, оформленный Эйзенштейном, остается лишь предполагать – думается, что, как и картину Сокурова, неоднозначно. Ведь им обоим «Дом, где разбиваются сердца» дал материал для исследования и для эксперимента. Одновременно парадоксально и закономерно, что пьеса-фантазия Бернарда Шоу, для

своего времени новаторская в своей драматургической технике и в своей «русской манере», подтолкнула русских художников и режиссеров к еще более смелыми оригинальным решениям.

Список литературы

Аксенов И.А. Сергей Эйзенштейн: портрет художника / общ. ред., посл. и комм. Н.И. Клеймана. – Москва : ВТПО «Киноцентр», 1991. – 126 с.

Аникст А.А. Шоу // История западноевропейского театра / под общ. ред. Г.Н. Бояджиева. – Москва : Искусство, 1974. – Т. 6. – С. 35–75.

Шоу Б. Дом усталых сердец. Русская фантазия на английские темы. Сатира-комедия в 3-х актах = Дом разбитых сердец. Сатира Бернарда Шоу в трех актах [машинописный текст] / пер. С. Мятёжного. – [Б. м.] : [Б. и.], 1928 (?). – 99 с.

Забродин В.В. Эйзенштейн. Попытка театра : статьи, публикации. – Москва : Эйзенштейн-центр, 2005. – 343 с.

Завадский Ю.А. О философских драмах Шоу и современной театральной эстетике // Вопросы философии. – 1966. – № 11. – С. 93–98.

Клейман Н.И. Дом, где разбивают сердца // Киноведческие записки. – 1998. – № 40. – С. 47–89.

Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939 / сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. – Москва : Искусство, 1976. – 464 с.

Мейерхольд и художники : альбом / Гос. центр. театр. Музей им. А.А. Бахрушина ; сост. А.А. Михайлова [и др.]. – Москва : Галарт, 1995. – 385 с.

Образцова А.Г. Бернард Шоу и русская художественная культура на рубеже XIX и XX веков / отв. ред. В.Б. Блок. – Москва : Наука, 1992. – 240 с.

Сокуров А.Н. «Скорбное бесчувствие». Фрагмент режиссерской экспликации // Сокуров: части речи. – Санкт-Петербург : Мастерская Сеанс, 2011. – С. 485.

Шоу Б. Дом, где разбиваются сердца. Фантазия в русском стиле на английские темы / пер. М.П. Богословской и С.П. Боброва ; пер. предисловия Е.А. Лопыревой ; под общ. ред. А.А. Аникста // Шоу Б. Полное собрание сочинений : в шести томах. – Ленинград : Искусство, 1980. – Т. 4. – С. 461–602.

Шоу Дж. Б. Дом, где разбивают сердца. Фантазия в русской манере на английские темы [машинописный текст] / пер. И.А. Аксенова. – Москва : [б. и.], 1921 (?). – 180 с.

Юткевич С. Начало пути // Эйзенштейн в воспоминаниях современников / сост.-ред., авт. примеч. и вступит ст. Р.Н. Юренев. – Москва : Искусство, 1974. – С. 100–114.

The Cambridge Companion to George Bernard Shaw / Innes Chr., ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – XXXII, 376 p.

Conolly L.W. Mrs. Warren's Profession and the Lord Chamberlain // Dionisian Shaw. – 2004. – Vol. 24. – P. 46–95.

Фильмография

Скорбное бесчувствие. Фантазия по мотивам пьесы Б. Шоу “Heartbreak House” // «Дом, где разбиваются сердца» [художественный фильм] / реж. А.Н. Сокуров ; сцен. Ю.Н. Арабов ; опер. С.П. Юриздицкий. – Ленинград : Ленфильм, 1986.

References

Aksenov, I.A. (1991). *Sergei Eisenstein: portret hudozhnika* [Sergei Eisenstein: A Portrait of the Artist], I.A. Aksenov (ed.), N.I. Klejmana (afterw., comm.). Moscow : VTPO Kinocentr. (In Russ.)

Anikst, A.A. (1974). Shaw. In *Istorija zapadnoevropejskogo teatra* [A History of European Theatre], G.N. Bojadzhieva (ed). Vol 6, (pp. 35–75). Moscow : Iskustvo. (In Russ.)

Show, B. [translation] (1928 (?)). *Dom ustal'nyh serdec. Russkaja fantazija na anglijskie temy. Satira-komedija v 3-h aktah = Dom razbityh serdec. Satira Bernarda Shou v treh aktah* [Heartbreak House. A Fantasia in the Russian Manner on English Themes], S. Mjatezhnyi (trnsł.) [B. m.]: [B. i.]. (In Russ.)

Zabrodin, V.V. (2005). *Eisenstein. Popytka teatra: stat'i, publikacii* [Eisenstein. Theater attempt: articles, publications]. Moscow : Eisenstein-center. (In Russ.)

Zavadskij, Ju.A. (1996). O filosofskih dramah Shou i sovremennoj teatral'noj estetike [On Philosophical Plays of Shaw and Contemporary Theatre Aesthetics]. In *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], (11), (pp. 93–98). (In Russ.)

Klejman, N.I. (1998). Dom, gde razbivayut serdca [Heartbreak House]. In *Kinovedcheskie zapiski* [Cinematographic Notes], (40), (pp. 47–89). (In Russ.)

Meyerhold, V. Je. (1976). *Perepiska. 1896–1939* [Letters. 1896–1939], V.P. Korshunova, M.M. Sitkoveckaya (comp.). Moscow : Iskustvo. (In Russ.)

A.A. Mihajlova & others. (comp.) (1995). *Meyerhold i hudozhniki: al'bom* [Meyerhold and Artists: album]. Gos. centr. teatr. Muzejim A.A. Bahrushina, Moscow : Galart. (In Russ.)

Obrazcova, A.G. (1992). *Bernard Shaw i russkaya hudozhestvennaya kul'tura na rubezhe XIX i XX vekov* [Bernard Shaw and Russian Art Culture at the Turn of XX Century], V.B. Blok (ed.). Moscow : Nauka. (In Russ.)

Sokurov, A.N. (2011). «Skorbnoe beschuvstvie». Fragment rezhisserskoj eksplikacii [Heartbreak House: Director's Notes]. In *Sokurov: chasti rechi* [Sokurov: Parts of Speech], (p. 485). Saint Petersburg : Masterskaja Seans. (In Russ.)

Shaw, B. (1980). Dom, gde razbivayutsya serdca. Fantaziya v russkom stile na anglijskie temy [A house where hearts are broken. Fantasy in Russian style on English themes], M.P. Bogoslovckaya & S.P. Bobrov (trnsł.), E.A. Lopyreva (trnsł. of preface), A.A. Anikst (general ed.). In Shaw B. *Polnoe sobranie sochinenij v shesti tomah. Tom 4.* [The complete works in six volumes. Vol. 4], (pp. 461–602). Leningrad : Iskustvo. (In Russ.)

Shaw, G.B. (1921). *Dom, gde razbivayutsya serdca. Fantaziya v russkom stile na anglijskie temy* [A house where hearts are broken. Fantasy in Russian style on English themes] (typewritten text), I.A. Aksenov (trns.). Moscow : [b. i.]. (In Russ.)

Jutkevich, S. (1974). Nachalo puti [The start]. In *Eisenstein v vospominaniyah sovremennikov* [Eisenstein in the memoirs of his contemporaries], R.N. Jurenev (comp.-ed., author of notes and introd.), (pp. 100–114). Moscow : Iskusstvo. (In Russ.)

Innes, Chr., (ed.) (2000). *The Cambridge Companion to George Bernard Shaw*. Cambridge : Cambridge University Press. (In Engl.)

Conolly, L.W. (2004). Mrs. Warren's Profession and the Lord Chamberlain. In *Donisian Shaw*. Vol. 24, (pp. 46–95). (In Engl.)

Filmography

Skorbnoe beschuvstvie. Fantazija po motivam p'esy B. Shaw "Heartbreak House" / «Dom, gde razbivajutsja serdca» [Heartbreak House] / rezh. A.N. Sokurov, scen. Ju.N. Arabov, oper. S.P. Jurizdickij. USSR : Lenfil'm, 1986. (In Russ.)

*Пахсарьян Н.Т.**

ПЕРЕКРЕСТЬЕ КУЛЬТУР И МЕТАМОРФОЗЫ ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ АНДРЕЯ МАКИНА

Аннотация. В статье рассматривается несколько романов Андрея Макина – современного писателя, в творчестве которого тесно сплелись русская и французская культуры. Автор «Французского завещания», «Реквиема по Востоку», «Женщины, которая ждала» и др., эмигрировав во Францию в 1987 г., пишет свои произведения по-французски, но во всех его произведениях так или иначе представлена русская тема. Кроме того, писателю важна русская литературная традиция, в частности – опыт И.А. Бунина, особенно почитаемого А. Макиным. В своих романах этот франко-российский автор обращается к разным этапам истории России, в том числе – и к тем, которые прошли до его рождения. Он, с одной стороны, опирается на события собственной биографии, вводит в фабулы романов автобиографические элементы, с другой – постоянно смешивает эти элементы с художественным вымыслом, сдвигает и раздвигает рамки времени. Фикционально-игровые метаморфозы в произведениях А. Макина позволяют ему выразить в художественной ткани текста на французском языке ностальгию по России.

** Пахсарьян Наталья Тиграновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Москва, Россия, e-mail: npakhsarian@gmail.com*

Pakhsarian Natalya Tigranovna – DSc in Philology, leading researcher of the Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: npakhsarian@gmail.com

Ключевые слова: Макин; язык; культура; история; время; вымысел; игра.

Поступила: 03.01.2022

Принята к печати: 01.02.2022

Pakhsarian N.T.

The Crossroads of Cultures and Metamorphoses of time in Andreï Makine's novels

Abstract. The article discusses several novels by Andreï Makine, a modern writer, in whose work Russian and French cultures are closely intertwined. The author of such works as *The French Testament*, *Requiem for the East*, *The Woman Who Waited*, etc., having emigrated to France in 1987, writes his novels in French. But in all his works the Russian theme is presented in one way or another. Besides the Russian literary tradition is important for the writer. The experience of I.A. Bunin, in particular, is especially revered by Andreï Makine. In his novels, this Franco-Russian author refers to different stages of Russian history of, including those that had occurred before his birth. On the one hand, he relies on the events of his own biography, introduces autobiographical elements into the plot of novels, on the other hand he constantly mixes these elements with fiction, shifts and pushes the boundaries of time. Fictional metamorphoses in A. Makine's works allow him to express nostalgia for Russia in the artistic canvas of the text in French.

Keywords: Makine; language; culture; history; time; fiction; game.

Received: 03.01.2022

Accepted: 01.02.2022

Рецепция в России творчества известного современного романиста, лауреата Гонкуровской премии и многих других престижных литературных наград, произведения которого переведены более чем на 40 языков, весьма парадоксальна. Притом что в биографии писателя много неясностей, известно, что он имеет русское происхождение, родился в Сибири, в Красноярске (или же, по последним заявлениям А. Макина, в Дивногорске), вырос в Пензе, учился в Тверском (тогда – Калининском) университете, преподавал французский язык в Новгородском университете, защитил в МГУ в 1985 г. кандидатскую дис-

сертацию о современном французском романе и переехал во Францию только в 1987 г., т.е. в тридцатилетнем возрасте. Но в России А. Макин, по выражению А. Старобинец, «невидим» [Старобинец, 2007], поскольку, во-первых, его сочинения практически не переведены, а, во-вторых, долгое время оценивались весьма критически: неприятие языка и стиля принесшего ему славу не только во Франции романа «Французское завещание» (1995) соединялось с пренебрежительными оценками созданного писателем образа России [Толстая, 1998; Хабаров, 2003]. Впрочем, большая часть отзывов о романе строилась на чтении русского перевода, который и сам А. Макин оценивал негативно. Так, Т. Толстая в статье «Русский человек на randevu» в журнале «Знамя» (1998) [Толстая, 1998] весьма язвительно разоблачала язык романа, опираясь не на французский текст, а на перевод Ю. Яхниной и Н. Шахновской, который также был оценен ею крайне резко: «...при переводе в обратную сторону, с французского на русский, должны возникать дубовые неловкости стиля, натужное при творство, словесные комки и колтуны» [там же, с. 207]. Не менее негативен отзыв о языке романа и у – также основывающейся на переводе – М. Злобиной («типичный китч») [Злобина, 1996, с. 243], у Б. Парамонова [Парамонов, 2001] и др.

Более благосклонны к писателю оказались не отечественные критики, а историки литературы. Израильская исследовательница Валерия Пери Борисов отмечает парадоксальность «позиции Андрея Макина в русском литературном поле» [Peru, 2010, p. 42], имея в виду то обстоятельство, что отсутствие широкой читательской популярности и даже собственно знакомства с творчеством писателя в России не мешают рефлексии о нем в «метадискурсе университетской литературной критики». Однако стоит заметить, что эта рефлексия довольно долго была сужена практически до анализа одного романа и одной проблемы – образ России у А. Макина: до середины 2010-х годов статьи и диссертации [Балеевских, 2003; Балеевских, 2002; Владимирова, 1998; Калинина, 2013; Пестерев, 1999; Таганов, 2008; Таганов, 2012; Шишкина, 2004], даже упоминающие другие сочинения писателя, подробно и специально останавливались только на «Французском завещании» – романе, получившем Большую Гонкуровскую премию, Гонкуровскую премию лицейстов, премию Медичи, премию Фемина и

литературную премию Финляндии, но неизменно получающем сдержанную оценку и трактуемом как единственный литературный успех писателя, в большой степени порожденный расчетом на читателей-иностранцев и «лубочной поэтикой» (термин А.Н. Таганова) романиста. Другим романам писателя – «Реквиему по Востоку», «Земле и небу Жака Дорма», «Стране лейтенанта Шрейбера», «Жизни неизвестного человека» – посвящены статьи С.М. Фомина [Фомин, 2009; Фомин, 2016; Фомин, 2011] и диссертация О.В. Калининой [Калинина, 2016]. Упомяну и собственные статьи о романах «Книга коротких историй о вечной любви» и «Женщина, которая ждала» [Пахсарьян, 2017; Пахсарьян, 2014; Пахсарьян, 2019; Пахсарьян, 2013]. Кроме того, в середине 2010-х годов российских литературоведов привлекла также литературная мистификация А. Макина, написавшего четыре романа под псевдонимом Габриэль Осмонд и создавшего сайт с биографией мнимого автора [Лясков, 2018; Пахсарьян, 2014].

Практически полное отсутствие в читательском опыте и ограниченное включение в литературоведческое отечественное сознание творчества А. Макина как маргинальной фигуры может быть объяснено разными причинами. Прежде всего, сегодня достаточно устоялось представление об однозначной связи национальной культуры с национальным языком – а в данном случае русский по происхождению и образованию автор пишет художественную прозу только по-французски. Однако еще О. Шпенглер справедливо замечал, что долгое время общеевропейскими языками культуры были греческий и латинский, что старая немецкая литература в значительном объеме – латиноязычна, а английская – франкоязычна. Об особой роли французского языка в русской классической литературе, по-видимому, излишне и напоминать. Все это может служить аргументом в пользу идеи о взаимодействии нескольких, по крайней мере двух, языков при формировании национальной литературы, о потенциально содержащейся в языке русской прозы французской компоненте, словно бы выводимой А. Макиным на поверхность. Кроме того, как известно, в эпоху глобализации становится привычным «переход» литераторов, меняющих страну обитания, от одного языка к другому: С. Беккет, Э. Ионеско, М. Кундера – далеко не единственные, но наиболее яркие примеры.

Есть, однако, и еще одна сторона проблемы. Для самого А. Макина, как свидетельствуют интервью писателя, близка мысль Сартра о том, что литературное письмо всегда осуществляется на своего рода другом, иностранном языке (*langue étrangère*) [Tallon, 2002 а]. Таким образом создается необходимая для романной поэтики дистанция между литературным дискурсом и предметом этого дискурса, возникает в полном смысле слова художественная действительность. Как утверждает писатель, «письмо не сводится к словам, стилю и даже к последовательности фраз. Это прежде всего – видение» [Tallon, 2002 б], в результате у него «имеется возможность пересоздавать время, уничтожать его, превозмогать его словами» [Makine, 2001].

Пересоздавая время, А. Макин пересоздает и собственную биографию, поскольку, по общему признанию, она составляет одну из самых больших загадок его творчества. Так, он даже в наиболее внешне автобиографических сочинениях (а это не только «Французское завещание», но и один из недавних романов – «Армянский друг», 2021) называет своего героя-рассказчика Алешей, а не Андреем, к тому же по поводу последнего произведения на своей презентации автор заявил, что в нем нет ничего от его собственной биографии. Практически все романы написаны А. Макиным от первого лица (и перволичным оказывается не только рамочное повествование, но и история, которую выслушивает основной нарратор, – см., напр., «Архипелаг другой жизни», 2016), но часто возраст персонажа в описываемый период может не совпадать с реальным возрастом автора: так, в «Реквиеме по Востоку» (2000), где описана история России от революции 1917 г. до времен перестройки, герой-повествователь, военный врач, предстает сиротой, вспоминающим о своем детстве в довоенные годы; в романе «Женщина, которая ждала» 26-летний Я-повествователь ведет рассказ о первой половине 1970-х годов, когда автору этой книги на самом деле лет 15–17. В романах «Архипелаг другой жизни» и «Армянский друг» писатель воссоздает историю своего / не своего отрочества, ведя рассказ от лица 13–14-летнего подростка, причем в обоих случаях герои – также сироты, при этом исследователи не располагают данными, был ли сам Макин сиротой, говорят о многочисленных умолчаниях писателя о своей подлинной биографии [Mistreanu, 2017, p. 183].

Тема сиротства и отрочества особенно часто в той или иной форме всплывает в сюжетах макинских романов. Она тесно сплетается с ностальгической тональностью, пронизывающей тексты А. Макина, большого поклонника прозы И.А. Бунина. Не случайно темой диссертации, защищенной А. Макиным в 1991 г. в университете Париж-IV, была бунинская «поэтика ностальгии». Близость автора к бунинской поэтике наиболее интересна в аспекте анализа русско-французского художественного синтеза, если вспомнить отзыв Р. Гиля об одном из бунинских сборников: «Этот дар построения, ритма и синтеза как будто не присущ русскому гению: он кажется...присущ гению французскому, и когда он с такой ясностью выступает у вас [у Бунина. – *Н. П.*], мне...хочется в ваших произведениях почтить французскую литературу»¹.

Постоянное переплетение русской и французской тематики, как и жанрово-стилевые схождения в романах А. Макина актуализирует в работах специалистов вопрос о национально-литературной идентичности писателя. Эта проблема занимает исследователей довольно давно, по крайней мере со времен выхода романа «Французское завещание». Вопрос о том, является ли А. Макин русским писателем, пишущим на французском языке, французским писателем русского происхождения, франкоязычным писателем или представителем мультикультурализма в литературе, был поставлен в 1997 г. в статье французского критика Ф. Нуриссе [Nourissier, 1998], но и в 2010 г. канадская исследовательница Стефани Бельмар-Паж в диссертации, посвященной творчеству А. Макина [Bellemare-Page, 2010], задается тем же вопросом, не торопясь давать на него однозначный ответ. А в другой диссертационной работе того же 2010 г. [Gourg, 1998] Кристина-Иоанна Матеи-Чилеа, приводя слова Э. Чорана «Живут не в стране, живут в языке. Родина – только это и ничто другое» [Matei-Chilea, 2010, р. 21], все же считает необходимым разобраться, «достаточно ли писать по-французски, чтобы быть французским писателем». Идентичность писателя остается для некоторых западных исследователей проблематичной [см.: Nourissier, 1998], однако в 2016 г. он стал членом Французской академии, что равнозначно признанию его как

¹ Текст письма Р. Гиля И. Бунину цит. по: [Галай, 2013, с. 15].

французского писателя. В российской критике и литературоведении, как кажется, дело обстоит иначе: А. Макина уверенно относят к авторам русской диаспоры во Франции, создающим произведения французской литературы [см., напр.: Лебедев, 2000].

В любом случае, думается, исследователи обращаются к проблеме **поиска** идентичности, независимо от того, полагают ли они ее найденной, обретенной, или же нет. Однако, на мой взгляд, для А. Макина с самого начала более важным оказывается процесс **игры** с национально-художественной идентичностью, в его текстах обнажается намеренная двойственность, неокончателность ее определения. Двойная русско-французская идентичность стала центральной в романе, принесшем писателю популярность и литературные премии, – во «Французском завещании», но еще начиная с первого, «Дочь героя Советского Союза» (1990), и во всех последующих романах писатель сохраняет интерес к русской тематике и к вопросу об идентичности своих персонажей. Речь может идти о русской истории (в романе «Преступление Ольги Арбениной» (1998) описана судьба русской княгини-эмигрантки, живущей во Франции в первой половине XX в.; в более позднем романе, «Любимая женщина» (2013), речь идет о русском режиссере, задумавшем снять фильм о Екатерине II, чтобы разгадать тайну этой царицы), об эмиграции русских на Запад («Земля и небо Жака Дорма» (2003), «Жизнь неизвестного человека» (2009)), о России последней трети XX в. («Женщина, которая ждала» (2004), «Книга коротких историй о вечной любви» (2011)). Даже если главный герой – не русский, он бывал в России, учился здесь («Любовь человеческая» (2006)). И везде большая История пропущена через судьбы частных, обыкновенных людей, тем самым романист «открывает собственное Я между Западом и Востоком» [Komandera, 2021, Komandera, 1998, p. 71–72].

При этом писатель явно играет идентичностью своих персонажей – и своей собственной: так, во «Французском завещании» после смерти «французской бабушки» Шарлотты повествователь получает письмо, где рассказана история его настоящей матери и рассеиваются иллюзии о его «наследственной французскости»; в «Музыке одной жизни» (2001) главный герой, молодой музыкант, «крадет» идентичность умершего солдата, чтобы выжить, а в «Реквиеме по Востоку»

(2000) описывается непрестанная смена идентичности, поскольку герой в нем вынужден выполнять шпионские функции. В то же время, как уже говорилось, в истории каждого персонажа всегда содержится большая или меньшая доля автобиографизма, тем более что иногда среди персонажей появляются писатели – в «Земле и небе Жака Дорма» (2003), в «Жизни неизвестного человека» (2009), в «Книге коротких историй о вечной любви» (2011). Нарратор в этих произведениях и во многих других так или иначе походит на автора романа, и за игру пространством и временем, за сплетение реальности и вымысла, за деконструкцию мифологизированного прошлого и его неотменяемое существование в настоящем в рассказе о собственной жизни А. Макина можно причислить к создателям автофикциональных сочинений, говорить о его связи с поэтикой постмодернизма. Ведь в конечном счете, верно указывает Е. Хармат, тексты А. Макина представляют собой своеобразные трансжанровые ризомы, в которых сплетаются черты автобиографии, дневника, эссе, романа и автофикциональной прозы [Harmath, 2011, p. 122–145].

А. Макин непрестанно играет писательскими масками не только внутри творчества, но и выходя за его пределы: называя себя Andreï Makine (где имя писателя сохраняет русский вариант – Андрей, а не Андре, а фамилия получает ударение на последний слог согласно правилам французского языка), он тем самым старается зафиксировать двойственность своего статуса и своей идентичности.

Важность русской классической прозы для формирования повествовательной поэтики А. Макина не раз констатировали исследователи его творчества, выделяя три имени – Бунина, Чехова и Льва Толстого [Andrey Makine, 2008; Clément, 1991; Mistreanu, 2017]. Но помимо прямого влияния, в текстах А. Макина можно обнаружить и отзвуки более отдаленных традиций российской прозы, например карамзинской [Пахсарьян, 2017], при этом органично усвоенных. Не случайно Мария Рубинс, обращаясь еще к «Французскому завещанию», отмечала у А. Макина «глубоко оригинальный миф о России, которая предстает не только в конкретно-историческом или метафизическом аспекте, но прежде всего, как литературное пространство» [Рубинс, 2004]. А по мнению Д. Гиллеспи, «в бессознательных рефе-

ренциях к русской литературной традиции» [Gillespi, 2012, p. 808] более всего проявляется макинская «русскость».

Однако наряду с открытием разнообразных пересечений с поэтикой русских прозаиков рубежа XIX – начала XX в., исследователи обнаруживают в текстах А. Макина и многочисленные французские реминисценции и аллюзии. Так, в образе Ивана в романе «Дочь героя Советского Союза» можно уловить сходство с бальзаковским полковником Шабером, а само произведение напоминает критикам лирическую прозу Мопассана; роман «Время реки Амур» (1994) содержит реминисценции из «Тружеников моря» В. Гюго [Gourg, 1998, p. 230–232] и обыгрывает название реки, по-французски означающее «любовь»; об очевидных знаках влияния на писателя творчества Бальзака и Гюго пишет в своей диссертации Стефани Бельмар-Паж [Bellemare-Page, 2010, p. 135]. А. Макин часто цитирует и уже названных авторов, и Мюссе, Доде, Нерваля, Бодлера. Некоторые критики упоминают о сходстве Макина с Л. Арагоном, Ж. Роменом, Р. Гари. Но чаще всего прозу А. Макина сопоставляют с текстами Пруста, называют его «русским Прустом», «степным Прустом» [см.: Clément, 2008; Harmath, 2011; Nazarova, 2004 и др.]. Как пишет Н. Назарова, «Макин испытывает значительное влияние прустовского повествования и постоянно занимается стилистической стороной своих произведений» [Clément, 2008; Harmath, 2011; Nazarova, 2004, p. 7]. Безусловно, внимание к стилю, его тщательная отделка не означает, что писатель обращается к опыту именно Пруста, но есть и более точные приметы макинского «прустианства»: это и неторопливая интонация повествователя, и обращение к теме памяти, к изображению «утраченного времени». В конечном счете А. Макин как будто создает своего рода «прустовский» роман, демонстрируя сходство своей манеры с манерой Пруста. Как утверждает Диана Мистреану, «в духе Пруста, который, как и Иван Бунин, служит для него моделью, Макин позволяет понять, что литературное творчество – единственный настоящий путь, ведущий к глубинному” я”» [Mistreanu, 2017, p. 184].

Ностальгия, стремление описать ушедшее время, связать прошлое и настоящее, переплести в воображении собственные воспоминания и воспоминания о пережитом другими людьми, воссоздать знакомые мифы и одновременно – демифологизировать привычные со-

бытия, увязать в единое целое художественную традицию русской и французской прозы – все это приметы того, что писатель и его персонажи осознанно существуют на перекрестье культур и времен, в пространстве пограничья. И это драматическое по своей сути существование оказывается весьма плодотворным для художественного воображения писателя и обеспечивает оригинальную манеру его письма и высокий художественный результат.

Список литературы

Балевских К.В. Сходство и различие русской и французской стилистических традиций в переводе романа Андрея Макина «Французское завещание» // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 1. – С. 88–93.

Балевских К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва А. Макина : дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2002. – 229 с.

Владимирова М.М. Две Атлантиды : образ Франции и образ России в романе А. Макина «Французское завещание» // Норма. Интерпретация. Диалог культур. – Нижний Новгород, 1998. – С. 9–11.

Галай К.Н. Функции художественной детали в прозе И. Бунина и Ги де Мопассана (опыт типологического сравнения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2013. – 24 с.

Злобина М. В поисках утраченных мгновений // Новый мир. – 1996. – № 10. – С. 242–245.

Калинина О.В. Образ России в романе А. Макина «Французское завещание» // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 3. – С. 203–206.

Калинина О.В. Образ России в романах А. Макина («Французское завещание», «Реквием по Востоку», «Земля и небо Жака Дорма») : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2016. – 194 с.

Лебедев А. Современная литература русской диаспоры во Франции? // НЛЮ. – 2000. – № 45. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/main19.html>

Лясков П.Ю. Андрей Макин в русской и зарубежной критике // Язык, культура, ментальность : Германия и Франция в европейском языковом пространстве. – Нижний Новгород, 2021. – С. 126–132.

Лясков П.Ю. Литературная мистификация Андрея Макина // Вестник НГЛУ. – 2018. – Вып. 44. – С. 122–130.

Парамонов Б. Русские вопросы : Татьяна Толстая вне ксерокса // Радио Свобода. – 2001. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24202994.htm>

Пахсарьян Н.Т. Андрей Макин – Габриэль Осмонд : игры с идентичностью // Игра. Текст. Культура : науч. сб. / под ред. А.Л. Гринштейна. – Самара : Лаборатория семиотики культуры, 2014. – С. 155–161.

Пахсарьян Н.Т. Карамзинские мотивы в романе Андрея Макина «Женщина, которая ждала» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – Москва, 2017. – № 2. – С. 117–128.

Пахсарьян Н.Т. Любить в России : «Книга коротких историй о вечной любви» Андрея Макина // Русское присутствие в творчестве французских писателей русского происхождения: Россия видимая и невидимая : Материалы международной научной конференции. – Москва : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. – С. 107–117.

Пахсарьян Н.Т. Пространство и время в романе Андрея Макина «Женщина, которая ждала» // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – Москва : ИНИОН, РАН, 2019. – № 3(38). – С. 116–131.

Пахсарьян Н.Т. Русско-французский художественный синтез : романы А. Макина // Литература XX–XXI веков: итоги и перспективы изучения : материалы Одиннадцатых Андреевских чтений / под ред. Н.Т. Пахсарьян. – Москва : Эконинформ, 2013. – С. 316–325.

Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. – Волгоград : Изд-во Волгоградского университета, 1999. – 308 с.

Рубинс М. Русско-французская проза Андрея Макина // НЛЮ. – 2004. – № 66. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/russko-franczuzskaya-proza-andreya-makina.html>

Старобинец А. Невидимые в России // Русский репортер. – 2007. – 31 мая, № 2.

Таганов А.Н. Лубочные формы в раннем романном творчестве Андрея Макина // Художественное слово в пространстве культуры. Национальная специфика, жанровая типология, интертекстуальность. – Иваново : ИГУ, 2008. – С. 184–194.

Таганов А.Н. Российский миф в раннем творчестве Андрея Макина // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2012. – Вып. 18. – С. 128–137.

Толстая Т. Русский человек на randevу // Знамя. – 1998. – № 6. – С. 200–209.

Фомин С.М. Лирическая проза Андрея Макина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 6(2). – С. 121–124.

Фомин С.М. Референциальность и вымысел в романах Андрея Макина // Вестник НГЛУ. – Нижний Новгород, 2016. – Вып. 33. – С. 141–148.

Фомин С.М. Романы Андрея Макина: проблема перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2011. – № 14. – С. 171–178.

Фомин С.М. Французский писатель Андрей Макин? // Межкультурная коммуникация : учебное пособие (раздел Приложение). – Нижний Новгород, 2000. – С. 289–293.

Хабаров Г. Смесь французского с красноярским // Совершенно секретно. – 2003. – № 7(170). – Июль.

Шишкина Г.Ю. Русское начало в произведениях французских писателей XX века («Такая долгая дорога» А. Труайя, «Обещание на рассвете» Р. Гари, «Детст-

во» Н. Саррот, «Французское завещание» А. Макина) : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 172 с.

Andrey Makine: lesentimentpoétique. Récurrencechez Bounineet Tchekov / M. Parryetal. Éd. – Paris : L'Harmattant, 2008. – 280 p.

Bellemare-Page S. Par-delà l'Histoire : regards sur la mémoire et l'identité dans l'œuvre d'Andreï Makine. Thèse de doctorat. – Québec, 2010. – 380 p.

Clément M.L. Andrei Makine : présence de l'absence: une poétique de l'art. Thèse. – Amsterdam, 2008. – 409 p.

Clément M.L. Makine, Bounine, Tchekov, Tolstoï: rhétorique de la seduction, sémiologie du siel // Makine A. La prose de I.A. Bounine. Poétique de la nostalgie. Thèse de doctorat d'Etat (non publiée). – Paris IV, 1991. – P. 195–209.

Gillespi D.C. Border Consciousness in the Fictional worlds of Andreï Makine // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2012. – N 5. – P. 798–811.

Gourg M. La problématique Russie / Occident dans l'œuvre d'Andreï Makine // Revue des études slaves. – 1998. – T. 70, Fasc. 1. – P. 229–239.

Harmath E. Andreï Makine. Géopolitique d'un écrivain mineur. – Szeged, 2011. – 186 p.

Komandera A. Découvrir son propre soi entre Occident et l'Orient – Au temps du fleuve Amour d'Andreï Makine en tant que roman d'apprentissage // Au croisement des cultures, des discours et des langues. Cent ans d'études romanes à l'Université de Varsovie (1919–2019). – Warszawa : WUW, 2021. – T. 1 : Etudes littéraires. – P. 71–78.

Makine A. Entretien par Catherine Argand // Lire. – 2001. – Février.

Matei-Chilea C. Problématique de l'identité literature : Comment devenir écrivain français. Andrei Makine, Vassilis Alexakis, Milan Kundera et Amin Maalouf. Thèse. – Saint-Etienne : IASI Roumanie, 2010. – 359 p.

Mistreanu D. “Ils veulent conjurer le silence”. Ellipses et non-dits chez Andreï Makine // Quêtes littéraires. – 2017. – N 7. – P. 162–191.

Nazarova N. Andrei Makine, deux facettes de son œuvre. – Paris : L'Harmattan, 2004. – 250 p.

Nourissier F. La Russie française d'Andreï Makine // Le Figaro Magazine. – 1998. – 7 février.

Pery Borissov Valéria. La position paradoxale d'Andreï Makine dans le champs littéraire russe // Communication, lettres et sciences du langage. – Israël, 2010. – Vol. 4, N 1, Juillet. – P. 42–51.

Sylwestrzak-Wszelak A. Andrei Makine. L'identité problématique. – Paris : L'Harmattan, 2010. – 255 p.

Tallon J.-L. Andreï Makine: l'écriture est une vision // HorsPress, webzine culturel. – Bruxelles, 2002 a. – URL: <https://erato.pagesperso-orange.fr/horspress/makine.htm>

Tallon J.-L. Interview d'Andreï Makine. Hors Press // Littérature Russe.net. – 2002 6. – Avril. – URL: www.litteraturerusse.net/biographie/makine-andrei.php

References

- Baleevskih, K.V. (2003). Skhodstvo i razlichie russkoj i francuzskoj stilevyh tradicij v perevode romana Andreya Makina «Francuzskoe zaveshchanie» [Similarity and difference of Russian and French stylistic traditions in the translation of Andrei Makin's novel "The French Testament"]. In *Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of the VSU. Linguistics and Intercultural Communication series], (1), (pp. 88–93). (In Russ.)
- Baleevskih, K.V. (2002). *Yazyk kak eksplikaciya kul'turnogo opyta pisatelya-bilingva A. Makina : diss... kand. filol. nauk*. [Language as an explication of the cultural experience of the bilingual writer A. Makin : dissertation of the Candidate of Philology]. Yaroslavl'. (In Russ.)
- Vladimirova, M.M. (1998). Dve Atlantidy : obraz Francii i obraz Rossii v romane A. Makina «Francuzskoe zaveshchanie» [Two Atlanteans: the Image of France and the image of Russia in A. Makin's novel "The French Testament"]. In *Norma. Interpretaciya. Dialog kul'tur* [Norm. Interpretation. Dialogue of cultures], (pp. 9–11). Nizhnij Novgorod. (In Russ.)
- Galaj, K.N. (2013). *Funkcii hudozhestvennoj detali v proze I. Bunina i Gi de Mopassana (opyt tipologicheskogo sravneniya) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The functions of artistic detail in the prose of I. Bunin and Guy de Maupassant (experience of typological comparison) : abstract. diss.... candidate of Philology]. Moscow. (In Russ.)
- Zlobina, M. (1996). V poiskah utrachennyh mgnovenij [In search of lost moments]. In *Novyj mir* [New World], (10), (pp. 242–245). (In Russ.)
- Kalinina, O.V. (2013). *Obraz Rossii v romane A. Makina «Francuzskoe zaveshchanie»* [The image of Russia in A. Makin's novel "The French Testament"]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability], (3), (pp. 203–206). (In Russ.)
- Kalinina, O.V. (2016). *Obraz Rossii v romanah A. Makina («Francuzskoe zaveshchanie», «Rekviem po Vostoku», «Zemlya i nebo Zhaka Dorma») : diss.... kand. filol. nauk* [The image of Russia in the novels of A. Makin ("The French Testament", "Requiem for the East", "Earth and Sky by Jacques Dorm") : diss.... Candidate of Philology]. Moscow. (In Russ.)
- Lebedev, A. (200). Sovremennaya literatura russkoj diaspory vo Francii? [Modern literature of the Russian Diaspora in France?]. In *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], (45). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/main19.html> (In Russ.)
- Lyaskov, P. Yu. (2021). Andrej Makin v russkoj i zarubezhnoj kritike [Andrey Makin in Russian and Foreign criticism]. In *Yazyk, kul'tura, mental'nost' : Germaniya i Franciya v evropejskom yazykovom prostranstve* [Language, culture, mentality: Germany and France in the European language space], pp 126–132). Nizhnij Novgorod. (In Russ.)
- Lyaskov, P. Yu. (2018). Literaturnaya mistifikaciya Andrey Makina [The Literary Hoax of Andrei Makin]. In *Vestnik NGLU* [Bulletin of NGLU], Issue 44, (pp. 122–130). (In Russ.)

Paramonov, B. (2001). Russkie voprosy : Tat'yana Tolstaya vne kseroksa [Russian questions : Tatiana Tolstaya outside the copier]. In *Radio Svoboda. 2001* [Radio Liberty. 2001. URL: <https://www.svoboda.org/a/24202994.html> (In Russ.)

Pahsar'yan, N.T. (2014). Andrej Makin – Gabriel' Osmond : igry s identichnost'yu [Andrey Makin – Gabriel Osmond : Games with identity]. In *Igra. Tekst. Kul'tura : nauch. sb.* [Game. Text. Culture : scientific Collection] A.L. Grinstein (ed.), (pp. 155–161). Samara : Laboratoriya semiotiki kul'tury. (In Russ.)

Pahsar'yan, N.T. (2017). Karamzinskie motivy v romane Andrey Makina «Zhenshchina, kotoraya zhdala» [Karamzin motifs in Andrey Makin's novel “The Woman who Waited”]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology], (2), (pp. 117–128). Moscow. (In Russ.)

Pahsar'yan, N.T. (2014). Lyubit' v Rossii: «Kniga korotkih istorij o vechnoj lyubvi» Andrey Makina [Russian Russian Love in Russia : “A Book of short stories about eternal love” by Andrey Makin]. In *Russkoe prisutstvie v tvorchestve francuzskih pisatelej russkogo proiskhozhdeniya: Rossiya vidimaya i nevidimaya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Russian presence in the works of French writers of Russian origin: Russia visible and invisible. Materials of the International scientific conference], (pp. 107–117). Moscow : Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna. (In Russ.)

Pahsar'yan N.T. Prostranstvo i vremya v romane Andrey Makina «Zhenshchina, kotoraya zhdala» // Chelovek : obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. – Moskva : INION, RAS, 2019. – № 3 (38). – S. 116–131. (In Russ.)

Pahsar'yan, N.T. (2013). Russko-francuzskij hudozhestvennyj sintez : romany A. Makina [Space and Time in Andrey Makin's novel “The Woman who Waited”]. In *Literatura XX–XXI vekov : itogi i perspektivy izucheniya. Materialy Odinnadcatykh Andreevskih chtenij* [Man: Image and Essence. Humanitarian aspects], N.T. Pahsar'yan (ed.), (pp. 316–325). Moscow : Ekon-inform. (In Russ.)

Pesterev, V.A. (1999). *Modifikacii romannoj formy v proze Zapada vtoroj poloviny XX stoletiya* [Modifications of the novel form in the prose of the West of the second half of the XX century]. Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo universiteta. (In Russ.)

Rubins, M. (2004). Russko-francuzskaya proza Andrey Makina [Russian-French prose by Andrey Makin]. In *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], (66). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/russko-francuzskaya-proza-andreya-makina.html> (In Russ.)

Starobinec, A. (2007). Nevidimye v Rossii [Invisible in Russia]. In *Russkij reporter* [Russian Reporter]. 31 maya. (2). (In Russ.)

Taganov, A.N. (2008). Lubochnye formy v rannem romannom tvorchestve Andrey Makina [Splint forms in the early romantic work of Andrey Makin]. In *Hudozhestvennoe slovo v prostranstve kul'tury. Nacional'naya specifika, zhanrovaya tipologiya, intertekstual'nost'* [Artistic word in the space of culture. National specifics, genre typology, intertextuality], (pp. 184–194) Ivanovo : IGU. (In Russ.)

Taganov, A.N. (2012). Rossijskij mif v rannem tvorchestve Andrey Makina [The Russian Myth in the early work of Andrey Makin]. In *Vestnik Nizhegorodskogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Linguistic

University named after N.A. Dobrolyubov], Issue 18, (pp. 128–137). Nizhnij Novgorod. (In Russ.)

Tolstaya, T. (1998). Russkij chelovek na randevu [Russian man at a rendezvous]. In *Znamy* [Banner], (6), (pp. 200–209). (In Russ.)

Fomin, S.M. (2009). Liricheskaya proza Andrey Makina [Lyrical prose by Andrey Makin]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], (6(2), (pp. 121–124). (In Russ.)

Fomin, S.M. (2016). Referencial'nost' i vymysel v romanah Andrey Makina [Referentiality and Fiction in the novels of Andrey Makin]. In *Vestnik NGLU* [Bulletin of NGLU], Issue 33, (pp. 141–148). Nizhnij Novgorod. (In Russ.)

Fomin, S.M. (2011). Romany Andrey Makina: problema perevoda [Andrey Makin's Novels: the problem of translation]. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov], (14), (pp. 171–178). (In Russ.)

Fomin, S.M. (2000). Francuzskij pisatel' Andrej Makin? [French writer Andrey Makin?]. In *Mezhkul'turnaya kommunikaciya : uchebnoe posobie (razdel Prilozhenie)* [Intercultural Communication : Textbook (Appendix section)]. (pp. 289–293). Nizhnij Novgorod, (In Russ.)

Habarov, G. (2003). Smes' francuzskogo s krasnoyarskim [A mixture of French and Krasnoyarsk]. In *Sovershenno sekretno* [Top secret], (7 (170)), Iyul'. (In Russ.)

Shishkina, G. Yu. (2004). *Russkoe nachalo v proizvedeniyah francuzskih pisatelej XX veka* («Takaya dolgaya doroga» A. Trujaja, «Obeshchanie na rassvete» R. Gari, «Detstvo» N. Sarrot, «Francuzskoe zaveshchanie» A. Makina) : diss. ... kand. filol. nauk [The Russian origin in the works of French writers of the twentieth century (“Such a long road” by A. Troye, “Promise at dawn” by R. Gary, “Childhood” by N. Sarrot, “The French Testament” by A. Makin) : diss.... Candidate of Philology. sciences]. Voronezh. (In Russ.)

M. Parryetal (éd.) (2008). *Andrey Makine: lesentimentpoétique. Réurrencechez Bounineet Tchekov* [Andrey Makine: the feeling is poetic. Reoccurrencechez Bounineet Chekov]. Paris : L'Harmattant. (In Franc.)

Bellemare-Page, S. (2010). *Par-delà l'Histoire : regards sur la mémoire et l'identité dans l'œuvre d'Andrei Makine. Thèse de doctorat* [Beyond History: a look at memory and identity in the work of Andrei Makin. Doctoral thesis]. Quebec. (In Franc.)

Clément, M.L. (2008). *Andrei Makine : présence de l'absence: une poétique de l'art. Thèse* [Andrei Makin : presence of absence: a poetics of art. Thesis]. Amsterdam. (In Franc.)

Clément, M.L. (1991). Makine, Bounine, Tchekov, Tolstoï: rhétorique de la seduction, sémiologie du siel [Makin, Bunin, Chekov, Tolstoy: rhetoric of seduction, semiology of the siel]. In *Makine A. La prose de I.A. Bounine. Poétique de la nostalgie. Thèse de doctorat d'Etat (non publiée)* [Makin A. The prose of I.A. Bunin. Poetic of nostalgia. State doctoral thesis (unpublished)], (pp. 195–209). Paris. (In Franc.)

Gillespi, D.C. (2012). Border Consciousness in the Fictional worlds of Andreï Makine. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, (5), (pp. 798–811).

Gourg, M. (1998). La problématique Russie / Occident dans l'oeuvre d'Andreï Makine [The problem of Russia / The West in the work of Andrei Makin]. In *Revue des études slaves* [Review of Slavic Studies]. Vol. 70. Fasc. 1. (pp. 229–239). (In Franc.)

Harmath, E. (2011). *Andreï Makine. Géopolitique d'un écrivain mineur* [Andreï Makin. Geopolitics of a minor writer]. Szeged. (In Franc.)

Komandera, A. (2021). Découvrir son propre soi entre Occident et l'Orient – Au temps du fleuve Amour d'Andreï Makine en tant que roman d'apprentissage [Discovering your own self between the West and the East – At the time of the Amur River by Andrei Makin as a novel of learning]/ In *Au croisement des cultures, des discours et des langues. Cent ans d'études romanes à l'Université de Varsovie (1919–2019)* [At the intersection of cultures, speeches and languages. One hundred years of Romance studies at the University of Warsaw (1919–2019)], Vol. I. Etudes littéraires. (pp. 71–78). Warszawa : WUW. (In Franc.)

Makine, A. (2001). Entretien par Catherine Argand [Interview by Catherine Argand]. In *Lire* [Read]. Février. (In Franc.)

Matei-Chilea, C. (2010). *Problématique de l'identité littérature : Comment devenir écrivain français. Andrei Makine, Vassilis Alexakis, Milan Kundera et Amin Maalouf. Thèse* [Problématique de l'identité littérature : How to become a French writer. Andrei Makin, Vassilis Alexakis, Milan Kundera and Amin Maalouf. Thesis]. Saint-Etienne : IASI Roumanie. (In Franc.)

Mistreanu, D. (2017). “Ils veulent conjurer le silence”. Ellipses et non-dits chez Andreï Makine [“They want to ward off silence”. Ellipses and unspoken at Andrei Makin]. In *Quêtes littéraires* [Literary quests], (7), (pp. 162–191). (In Franc.)

Nazarova, N. (2004). Andrei Makine, deux facettes de son œuvre [Andreï Makin, two facets of his work]. Paris : L'Harmattan. (In Franc.)

Nourissier, F. (1998). La Russie française d'Andreï Makine [Andreï Makin's French Russia]. In *Le Figaro Magazine*, 7 février. (In Franc.)

Pery, Borissov Valéria. (2010). La position paradoxale d'Andreï Makine dans le champs littéraire russe [The paradoxical position of Andrei Makin in the Russian literary field]. In *Communication, lettres et sciences du langage* [Communication, literature and language sciences]. Vol. 4. (1). Juillet, (pp. 42–51). Israël. (In Franc.)

Sylwestrzak-Wszelak A. (2010). Andrei Makine. L'identité problématique [Andreï Makin. Problematic identity]. Paris : L'Harmattan. (In Franc.)

Tallon, J.-L. (2002). Andreï Makine: l'écriture est une vision [Andreï Makin: writing is a vision]/ In *HorsPress, webzine culturel* [HorsPress, cultural webzine]. Bruxelles. URL: <https://erato.pagesperso-orange.fr/horspress/makine.htm> (In Franc.)

Tallon J.-L. (2002). Interview d'Andreï Makine. Hors Press. – Avril 2002 [Interview with Andrei Makin. Out of Print. – April 2002]. In *Littérature Russe.net*. [Literature Russe.net.]. URL: www.litteraturerusse.net/biographie/makine-andrei.php (In Franc.)

Силантьева В.И.*

**ТРАНСФЕР И ТРАНСФОРМЕР В МЕЖВИДОВОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ[©]
(литература и живопись)**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности культурного трансфера как метода исследования межвидовых художественных связей (литература и живопись). Указана органичность применения трансфера в области компаративистики. Предлагаются некоторые уточнения теоретического характера; иллюстрируется использование метода при анализе ряда конкретных произведений. Полемический характер статьи связан с понятием «трансформер», который, как кажется автору, больше соответствует анализу постмодернистских произведений и произведений «новой реальности».

Ключевые слова: трансфер; трансформер; межвидовая компаративистика; постмодернизм; постпостмодернизм; «новая реальность»; «коллажное письмо».

** Силантьева Валентина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой зарубежной литературы, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина, e-mail: v.i.sylantyeva@gmail.com*

Silant'eva Valentina Ivanovna – DScin Philology, professor, head of chair of foreign literature, Odesa National Mechnikov University, Odesa, Ukraine, e-mail: v.i.sylantyeva@gmail.com

© Силантьева В.И., 2022

Silant'eva V.I.

**Transfer and transformer in the interdisciplinary artistic space
(literature and pictorial art)**

Abstract. The article considers the opportunities of cultural transfer as a method of studying interspecies ties involving art and literature. It also reflects the organic nature of the transfer usage in the field of comparative studies. Mention should also be made that the present paper introduces some refinements of a theoretical nature and demonstrates the application of the method to the analysis of particular works. The polemical nature of the article is associated with the concept of «transformer», which, according to the author, is more consistent with the analysis of postmodern works and works of «new reality».

Keywords: transfer; transformer; interspecific comparative studies; postmodernism; post-postmodernism; new reality; narrative collage.

В пространстве общих размышлений

ТРАНСФЕР особенно активно утверждает и пролонгирует свою актуальность в культурологии последних десятилетий. В межвидовом художественном сравнении, которым занимается одна из школ компаративистики, трансфер обозначает себя возможностью реконструкции связей «поверх границ», которые часто противоречат устоявшимся представлениям» [Дмитриева, 2011, с. 302–313]. Имеется в виду новое и глубинное прочтение произведений нескольких видов искусства, поставленных рядом. Например: литература и живопись, литература и музыкальное произведение на определенную заданную тему; литературный первоисточник и его кино- (театральная) версия. В этом случае на первый план выходит классический принцип трансфера – расшифровка и интерпретация двух (и более) поставленных рядом объектов, близких по ряду признаков. В основе такого сравнения лежит диалог культур, который предпочтительнее монологического восприятия и дает пространство для углубленного познания каждого из рядом стоящих культурных феноменов. Но, повторяем, это в классическом варианте трансфера, когда, например, романтизм таинственного немецких гениев находит свои «отголоски» в «удвоении миров»

В. Жуковского («Лесной царь»), А. Погорельского («Черная курица, или Подземные жители»), Н. Гоголя («Ночь перед Рождеством»). Но что делать в пору торжествующего хаоса, непрогнозируемых смещений акцентов объективного и субъективного прочтений постмодернистского, постпостмодернистского образцов мышления и расцвета «новой реальности»? Думается, в этом случае следует сопоставлять два понятия: трансфер и трансформер.

ТРАНСФОРМЕР. В отличие от трансфера, который «перемещает» признаки одного предмета на другой и тем самым «расширяет», «универсализирует» прочтение объекта, противопоставляя это действие однозначному и уже поэтому «редуцированному» взгляду на него, трансформер в подобной ситуации действует несколько иначе. Отталкиваясь от материалистической картины мира, он создает искусственную реальность, представляя читателю (зрителю) «два в одном», т.е. поверх реальной картины формирует искусственно созданный ее образ. Получается своего рода «человеко-робот», и если так, то и термин, соответствующий подобному деянию, органичен ему.

В трансформере диалогизм подменяется дуальностью, а в постмодернистской реальности – еще и симультанной дуальностью. Так как дуальность предполагает наличие конфликтных (противоположных) констант восприятия, то такое восприятие объекта искусства нельзя свести к единоначалию, но это двойное конфликтное видение все равно рождает дополнительные смыслы. Естественно, несколько иные, нежели трансферное.

Трансформер с его «двойным дном» идеально вписывается в систему интертекста на уровне иконического знака. В этом случае, пользуясь терминологией Ю. Лотмана [Лотман, 2000], можно утверждать: происходит та «десемиоизация», которая демонстрирует «динамику пересечения границ» как явление «большого взрыва» и самое движение от трансфера к трансформеру. В лучшем случае в ситуации перехода к синергетически неустойчивому видению, свойственному «нереальной реальности» постмодернизма, предпочтительными оказываются формы эмерджентных объектов, рождающих более или менее устойчивые фракталы (фрактали). В худшем – искусство демонстрирует свое бесконечное бифуркационное состояние и, как следствие, невозможность однозначного восприятия объекта искусства.

Трансформер способен объяснить, как, каким образом и почему движение от реального к искусственно созданному миру сопровождается рядом констант. Находясь в неустойчивом, диссипирующем мире, мы тяготеем пусть к скоротечной фрактальной, но все равно гармонии. Например такой, как запечатленное мгновение движения вод в графической картине Кацусики Хокусая «Большая волна...» Или, например, такой, как мотив ухода, всегда сопряженный с меланхолией замирающего звука, в картине Джексона Поллака «Осенний ритм». В первом случае в «застывшее мгновение вечного» мы переносим наше знание гармонии как непрерывного движения; во втором – в эмерджентную систему современного автора вводим взаимодействие многих, сегодня колеблющихся подсистем (распада, отчаяния, общей усталости). Сопоставив и, опираясь на подсознание, решаем: даже в этой их недолговечной гармонии есть своя красота.

Что касается бифуркаций в современном искусстве, то инсталляции неоавангардистов подтверждают одно: эти эксперименты монтажа иллюстрируют неустойчивость мира, бесконечные поиски единства и перехода от реальной данности к искусственному ее эквиваленту. А поскольку люди не боги, то они творят не вечность, а ее субъективно-индивидуальное подобие. И так как снова наблюдается переход от реального к искусственно созданному, то трансформер с его качественными возможностями фиксировать фазы перехода вполне приемлем для осмысления и классификаций этого действия.

В диалектике перехода от естественного к его «роботизированному подобию» есть свои признаки нуллификации восприятия. Как отмечают синергетики, блоки памяти, связанные со стабильностью и гармонией, в мире-хаосе «искривляются». «Следы памяти» заявляют о себе непредсказуемо, поэтому коррекция восприятия происходит по эпизодическому (случайностному) принципу. Как следствие, интерпретация произведения в этом случае зависит от собственно текста, интертекста и непрогнозируемой ассоциации, связанной с сиюминутным положением дел как в стране, в обществе, так и в пространстве отдельно существующего «я». Перефразируя Р. Барта, скажем: получается «новая ткань, сотканная из цитат» [Барт,1989].

Итак, если рядом с трансфером мы ставим трансформер как средство познания и классификаций, то оговорим следующее. Транс-

формер, по-видимому, органичен анализу постмодернистского и постпостмодернистского отражения «новой реальности». Хаология и многочисленные переходы от видимого к нереальному, интуитивно прочувствованному способствуют созданию фантазийного мира. А если так, то «переводимость признаков» трансфера будет сталкиваться со своего рода «роботизацией» (намеренным отходом) от реальности и в этом случае нужна система анализа, которая учитывает такой переход.

Трансфер: конкретика сопоставлений и переноса смыслов

Простой (и по-своему сложной) кажется смысловая трансферизация в области художественной *иллюстрации*. Как известно, главная особенность хорошей иллюстрации состоит в образном отражении художественного текста средствами, близкими тем, которые использовал литератор. Сочетание графического оформления и слова делает книгу эстетически более выразительной и повышает ее эмоциональный ценз.

Диалогическая суть художественного произведения распространяется и на диалог автора произведения с художником, который его оформляет. Об этом писал Б. Виппер, формулируя основной закон оформительского дела: «Задача иллюстратора заключается не только в точном повторении текста, не только в превращении словесных образов в оптические, но также в стремлении создать заново те положения, настроения и эмоции, которые поэт не может дать...» [Виппер, 1945, с. 39]. Теоретическое обоснование задач и возможностей современной книжной иллюстрации, считают исследователи, нужно искать в работах мирискусников первой трети XX в. [Герчук, 1986, с. 8]. Именно они – С. Дягилев, А. Бенуа, К. Сомов, М. Добужинский, Е. Лансере, Н. Радлов и др., – отстаивая идеи искусства Серебряного века, подошли к проблеме взаимосвязей искусств в контексте «общей культуры».

Тема иллюстративного дела и взаимодействия «автор – оформитель» довольно настойчиво обсуждалась на страницах «Мира искусства». Но главными достижениями в этой области мы обязаны А. Бенуа. В своей программной статье «Задачи графики» (1910) А. Бенуа настаивает на первостепенном значении текста, созданного

писателем, и обозначает роль художника-графика как «идущего вслед». Задачей художника называет стремление гармонически сочетать свою работу «с той, в которую он призван войти». Художественные «совпадения» в трактовке книги с писательским ее видением обязательны. Это касается как общего идейно-тематического уровня, так и отдельных мотивов произведения. Здесь же А. Бенуа предупреждает об опасности «вкусового произвола» и субъективных «вольностей», недопустимых в иллюстративном деле. Художник, говорит он, находится «в зависимости от творчества литератора, и если не обязан всецело подчиниться ему, то во всяком случае не должен забывать о необходимости подчиняться» [Бенуа, 1910, с. 44–45].

Самыми известными работами Бенуа – книжного графика стали его иллюстрации к произведениям А. Пушкина («Пиковая дама», «Капитанская дочка»), но знаменитыми – графические листы к «Медному всаднику». Сюжет поэмы А. Пушкина «Медный всадник» воспринимается как национальный миф о Петре-человеке, Петре – державном строителе и «царственном граде» Петербурге. Образ Петра I и города контрастно-противоречивы; в нем, как неоднократно утверждалось, реализовано пушкинское понимание истории, особенностей русского национального характера, размышление о человеке и личности, облеченной государственным деянием.

Сюжет-пророчество о Петре-строителе и строительстве обреченного города в «Медном всаднике» увязывается с природной стихией, а в мифологическом плане еще и со Всемирным потопом. Уже поэтому сюжет «раздваивается»: с одной стороны, в нем речь идет о великом самодержце, которому посвящаются слова «стоял он, дум великих полн», а с другой – это лишь «кумир на бронзовом коне» [Пушкин, 1977–1979, с. 285]. Рядом – вопрос-раздумье о Петре-человеке, который остается открытым.

Названное противоречие становится композиционным стержнем произведения. Оно же – точка отсчета для Бенуа-иллюстратора. Главный нерв его работы состоит в мучительном размышлении над очевидной дилеммой: кто же прав, властитель, «вздыбивший» Россию и сделавший ее сильной державой, или Евгений, познавший оборотную суть деятельности самодержца и пригрозивший ему? В его иллюстративном материале на равных соседствуют царь-преобразователь и

царское своеволие, которое обрекает пушкинских героев на большое страдание и безумие. Но, отметим, в рисунках А. Бенуа присутствует не столько царь, сколько Медный всадник, а в человеческих отношениях Петр – Евгений превалирует мотив подавления и уничтожения: сначала Евгений смотрит снизу вверх на Петра как «кумира», затем, смятенный, бежит от него, слыша «тяжело-звонкое скаканье / по потрясенной мостовой» [Пушкин, 1977–1979, с. 298].

Отметим также, что Бенуа-художник, известный большим наследием живописных работ, по-видимому, не случайно выбирает для иллюстрации строгую черно-белую графику. Эта гамма адекватна тому, что хочет выделить оформитель: трагедия героев разыгрывается на фоне «державного города», пораженного несчастьем большого наводнения. Трансферизация смыслового поля поэмы осуществляется еще и на уровне ритма, задействованного в тексте «Медного всадника». Город эмблематичный и город смятенный и сметаемый у А. Бенуа оказываются в одной плоскости черно-белого пространства. Есть в монохромной сдержанно-аскетичной гамме его иллюстраций и контрастная сдержанность, соответствующая строгой статике Петербурга. Таким образом, невиданный размах строительства «на пустом (и проклятом) месте» дает пищу для многих размышлений. Причем созвучных тем, которые когда-то заставляли задуматься вершителей «великих трагедий».

Трансфер хорошо демонстрирует свои возможности в сопоставлениях «литература – живопись» *реалистов*. Некрасовское начало («Тройка», «Мороз, Красный нос») редуцируется, но одновременно приобретает новый акцент в полотнах В. Перова «Тройка», «Проводы покойника». Если в стихотворных текстах Н. Некрасова тема угнетенного народа звучит в контексте идей разночинцев-демократов, то в картинах В. Перова она приобретает не только социальный характер, но углубляет и психологический момент общечеловеческого горя. И уже не важно конкретное уточнение художника к названию его «Тройки»: «Ученики мастеровые везут воду», на первый план выходит тема нищенского детства, ставшая одной из самых пронзительных в общеевропейском литературном пространстве.

«Идейная живопись» второй половины XIX в., которую часто называли «литературной», а в конце столетия заклеили «литера-

турщиной», действительно шла «вослед» литературным первоисточникам, но каждый раз уточняя и переосмысляя некоторые их аспекты. В этом случае «перенос смыслов», который являл себя при сопоставительном анализе, имел особенно важное значение. Так, если в стихотворении «Тройка» (1846) Н. Некрасова драматическая судьба молодой крестьянки дана в фольклорно-песенном ключе, то, используя название произведения и его идею уже в качестве литературного подтекста, В. Перов в 1866 г. придает ей новое звучание. Он расширяет и углубляет тему за счет новых персонажей (детей) и, убрав лирику, делает ее предельно трагической.

Картина «Проводы покойника» (1865), в первую очередь, ассоциативно ориентирована на историю жизни Прокла и Дарьи в поэме Н. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1862–1864). Но, снова отвергнув некрасовский гимн «величавой славянке», художник укрупняет бытовой эпизод, связанный с проводами умершего. Ставшее безымянным, в картине тем не менее сохранено семейство Прокла. И хотя несколько нарушена фабульная связь героев, в персонажах мы угадываем Дарью и двоих ребятешек – Машутку и Гришу. У Н. Некрасова – «Ребята с покойником оба / Сидели, не смея рыдать, / И, правя савраской, у гроба / С вожжами их бедная мать» [Некрасов, 1981, с. 90]. У В. Перова женщина помещена на дровни рядом с детьми, лошадь едва движется, но в этом медленном, затухающем движении и в сгорбленно-поникшей фигуре героини есть та глубокая тишина, которая сопутствует всеобщему горю, а не горестной ситуации, постигшей отдельное семейство. И еще: изъязв Дарью из «заколдованного сна» некрасовского сказочного сюжета, В. Перов в своем варианте сюжета оставил глубину женского горя, о котором опять же Н. Некрасов сказал строкой: «...все грозные доли легли / на женщину русской земли» [Некрасов, 1981, с. 79]. Таким образом, «всеобщность» картины не только в бедствиях крестьянской судьбы, но и в изображении «народного горя» благодаря двум произведениям (Н. Некрасова и В. Перова) приобретает универсальное значение.

Показательно, что резко выраженный социальный и общественный статус искусства второй половины XIX в. позволяет выделить *трансфер идеологический; трансфер философско-мировоззренческий; трансфер эмоционально-лирический*. Трансфер идеологический, соот-

ветствующий идеологемам разночинцев-демократов, мы показали на примере сопоставления произведений Н. Некрасова и В. Перова. Трансфер философско-мировоззренческий заявляет о своих доминирующих возможностях при параллельном восприятии произведений Л. Толстого («Анна Каренина») и И. Крамского («Портрет Л.Н. Толстого»).

Самого И. Крамского, его просветительскую деятельность и творчество называли «совестью эпохи». «Крамской искал людей, “тронутых тем, что называется идеей”», – писал М. Лифшиц [Лифшиц, 1985]. Работу над портретом писателя И. Крамской начал в 1873 г. Художник одновременно работал над двумя изображениями: для галереи П. Третьякова и для семьи писателя. «Домашний» портрет, по мнению его создателя, «удавался быстрее». Но в результате лучшим по отзывам многих оказался все-таки тот, что был предназначен для галереи и получил статус «официального».

Этот портрет, созданный разночинцем и художником-передвижником, демонстрирует поиск нового «героя эпохи» – такого, который способен призывам главных персонажей Н. Чернышевского противопоставить мировоззрение и философскую доктрину нового для России времени. По мысли И. Крамского, им должен быть «человекобог», подобный Иисусу, «но атеист» и мыслитель, искренне переживающий беды своей страны. Эта идея усиливалась еще и благодаря высокой оценке личности и творчества Ф. Достоевского, о котором он позднее скажет П. Третьякову: «Я не знал... какую роль Достоевский играл в Вашем духовном мире, хотя покойный играл роль огромную в жизни каждого (я думаю), для кого жизнь есть глубокая трагедия, а не праздник. После Карамазовых (и во время чтения) несколько раз я с ужасом оглядывался кругом и удивлялся, что все идет по-старому и что мир не перевернулся на своей оси. Казалось: как после семейного совета Карамазовых у старца Зосимы, после “Великого Инквизитора” есть люди, обирающие ближнего, есть политика, открыто исповедующая лицемерие, есть архиереи, спокойно полагающие, что дело Христа своим чередом, а практика жизни своим» [Крамской, 1966, с. 60]. Несколько позже данное суждение было усилено упоминанием о Л. Толстом: «Достоевский действительно был нашей общественной совестью! Неужели мы ее утратили? Но ведь

есть Л. Толстой?! Он пишет Комментарии на Евангелие» [Крамской, 1966, с. 61].

«Официальный портрет» Л. Толстого обозначен тем, что И. Долгополов назвал «кряжистой неохватностью человеческой громады Льва Толстого» [Долгополов, 1987, с. 299]. Писатель представлен как мыслитель и одновременно мужик; человек, ищущий «свою правду». В нем присутствует уверенность, но и тайное сомнение. У него обыденная внешность, на нем – рубаша, напоминающая «толстовку». Пытливый взгляд из-под мохнатых бровей. Волосы на косой пробор. Мужичья борода. Но, пишет И. Долгополов, удалось выразить главное – «магнетическую власть всепроникающего взора писателя» [Долгополов, 1987, с. 300].

Конечно, такое понимание образа, предложенного художником, увязывается как с «теорией опрощения» самого Л. Толстого, так и с идеологемой «нового героя» И. Крамского. Сила и значительность фигуры Л. Толстого была отмечена художником в первые недели работы над портретом. Комментируя свои впечатления И. Репину, художник сказал: «А граф Толстой, которого я писал, интересный человек, даже удивительный. Я провел с ним несколько дней, и признаюсь, все время был в возбужденном состоянии даже. На гения смахивает...» [Крамской, 1965, т. 1, с. 238]. Это «на гения смахивает» обернется вскоре уверенностью, уже отмеченной нами: да, памятен ушедший Ф. Достоевский, но «ведь есть Л. Толстой».

Что касается исканий Л. Толстого конкретного периода (времени написания «Анны Карениной»), то портрет писателя, исполненный Крамским, в какой-то мере помогает их понять. Еще о мировоззренческих противоречиях Л. Толстого 1870-х годов не высказался Н. Михайловский («Десница и шуйца Льва Толстого», 1875). Не написана «Исповедь» (1879–1882). Под воздействием «Нагорной проповеди» не напечатаны работы «В чем моя вера?» (1882–1884); «Так что же нам делать?» (1884–1886). Еще не полемизирует писатель с предшественниками и современниками об «истинном» и «поддельном» искусстве в статье «Что такое искусство?» (1897). Но текст «Анны Карениной» во многом предвосхищает будущую полемическую резкость ее создателя.

Мысли, высказанные писателем и художником о задачах искусства в момент «переворотившегося мира», во многом совпадают. Думается, и это позволило И. Крамскому написать личностный портрет мировоззренчески близкого ему писателя, а Л. Толстому не только дружески беседовать с портретистом, но и ввести «натуру Крамского» в роман «Анна Каренина». «Беседы с Крамским помогли ему в создании образа Михайлова, портретировавшего Анну...» – отмечает Т. Коваленская [Крамской об искусстве, 1988, с. 74].

Можно утверждать, что знаменитый эпиграф к роману «Мне отмщение, и Аз воздам» прочитывается не только в контексте судьбы героини романа, но и в соотнесенности его смысла ко всему происходящему в тогдашней России. 1870-е годы Л. Толстой воспринимал как время кардинальных изменений. Явилось определение «мир движется», а рядом – «мир горит». Таким образом, слом истории, связанный с отменой крепостного права, по мысли писателя, повлек за собой как ощущение «сдвинувшихся основ», так и предчувствие близких «пожаров». В новое время нужно было взглядеться и понять, каким должно стать истинное искусство. Дворянскую, эстетскую позицию он считал неуместной, народу нужно искусство на близкие ему темы. Гражданский статус литературы И. Крамским и Л. Толстым обсуждался горячо. Это вылилось в размышления о дидактическом пафосе искусства, его «тенденциозности».

Понятие «тенденциозность» (в восприятии И. Крамского оно близко «идейности» Базарова) постоянно в критико-философском лексиконе художника. И. Крамской пишет Л. Толстому о том, что художник должен быть «тенденциозным», но авторская идея должна проявлять себя через образы, а не посредством текста поучительного характера: «Художник дает образы живые, действительные... Он не поучает дидактически, а... впрочем, извините меня великодушно, что это все я пишу, и кому же – Вам! Вам, который сто тысяч раз это уже знает» [Крамской, 1966, т. 2, с. 171]. Но, как и Крамской отстаивая задачи «идейного» искусства, Л. Толстой уже ощутил «текучесть» человеческого характера и отсутствие «одной правды». В чем-то не соглашаясь с художником, отголоски споров писатель вносит в текст «Анны Карениной».

Особенно ярко они проявляются в диалогах Голенищева с художником Михайловым, прототипом которого стал И. Крамской. Так, рекомендуя Михайлова Вронскому и Анне, аристократ Голенищев, исповедующий либерализм, говорит о художнике: «Он чужак и без всякого образования. Знаете, один из тех диких новых людей, которые теперь часто встречаются». Теперь, продолжает Голенищев, «является новый тип самородных вольнодумцев, которые вырастают и не слышав даже, что были законы нравственности, религии, что были авторитеты» [Толстой, 1982, с. 40].

В свою очередь, художник Михайлов в обществе Голенищевых – Вронских выглядит «неприятным», «другим». Закономерно поэтому, что даже сибаритствующий Вронский, желая помочь Михайлову материально, заказавший ему портрет Анны и купивший картинку с детьми, в конце их знакомства испытывает неприязненное к нему отношение. Как и Голенищев, Вронский был рад, «когда сеансы кончились, в руках их остался прекрасный портрет, а он перестал ходить» [там же, с. 51].

Таким образом, правда Анны и ее супруга Каренина, правда Алексея Вронского и Константина Левина, как, впрочем, и правда молодых демократов Николая Левина и художника Михайлова, – все это та общая правда российской действительности 1870-х годов, которую Л. Толстой пытался узнать, понять и принять. В этой общей картине «нового мира» подвергались коррекции идеалы «шестидесятников», не было места однозначным оценкам, но было пространство для размышлений. Спор Л. Толстого с И. Крамским продолжался непосредственно и опосредованно, но эпиграф к роману «Анна Каренина» все же объяснил многое: судить о людях и времени, находясь в «изломе» этого времени, крайне трудно. В контексте сказанного облик «человека задумавшегося» и «мучительно ищущего», каким Л. Толстой предстал в портрете И. Крамского, – явление, подготовленное и «эпохой перемен», и личностными характеристиками писателя.

Итак, история создания и осуществления портрета Л. Толстого художником И. Крамским углубляет и дополняет традиционное видение проблем социальной, идейной и эстетической переориентации, которую переживала Россия в первые десятилетия после отмены крепостного права. Аристократам нужно было научиться жить, воспри-

нимая «простолюдина» не рабом, а равным себе человеком. Разночинцам, вчера еще детям крепостных, следовало войти в новое временное пространство и найти в нем свое место. По мысли Л. Толстого, «опрощение» должно было способствовать сближению дворянской культуры с народной крестьянской. Это уловил И. Крамской и в облике писателя постарался закрепить данную мысль. Психологический рисунок личности Л. Толстого, предложенный им, имеет множество точек соприкосновения с психологизмом, определявшим авторский стиль писателя. Противоречивость и «текучесть» характера, неоднозначность решений и поиск истины – все это есть как у Л. Толстого, так и в портрете работы И. Крамского. Что касается роли трансфера, то при параллельном изучении романа «Анна Каренина» и работы И. Крамского удалось расширить семантическое поле смыслов обоих произведений.

В каком-то смысле портрет Л. Толстого кисти И. Крамского можно назвать концептуальным, так как главной в нем оказалась идеологема исторического распутия и личности в этом времени. Характерно, что именно в 1870-е годы такой портрет, в котором более важным является прочтение личности человека, а не простое сходство, начинает преобладать в портретной галерее современников. В этом смысле портрет Л. Толстого стоит в одном ряду с работами В. Перова «Портрет В.И. Даля» (1872); «Портрет Ф.М. Достоевского» (1872). Отметим, что подобный подход к портретированию оказался перспективным – вспомним о «Портрете А. Блока» (1907) кисти К. Сомова. Принципиальное отличие приверженца «нового стиля» состояло только в том, что К. Сомов создал теургический портрет поэта, которого воспринимали Мессией искусства Нового времени. А. Блок здесь представлял эстетический код своей поэзии, он был олицетворением и глашатаем русского символизма [Силантьева, 2015, с. 243–258].

Трансформер: эксперименты преобразования живого в неживое

В наибольшей степени этот вид редуцирования и переноса значений соответствует анализу произведений нереалистической культуры. Напомним, что из показательных трансформеров в современном зодчестве воспринимается «Танцующий дом» в Праге архи-

тектора Фрэнка Гери (илл. 1). Время завершения строительства – 1995 г. Спустя буквально десятилетие японец Сусаку Аракава разработал для жителей Токио квартал новых многофункциональных домов-игрушек, безусловно фантазийных и креативных. Дом (илл. 2) называется «Чердаки обратимой судьбы» и воспринимается как трансформер и симулякр тех устоявшихся знаков детства и тепла, которые всегда хочется привнести во взрослое жилище. Японский архитектор подарил эти ассоциации в фасадном и внутреннем оформлении. Этот пример демонстрирует логику трансформера: чаще всего он отбирает только детали для преобразования устоявшихся символов, а их сочетание ориентировано на сложные индивидуально-образные ассоциации.

Истоки такого экспериментирования следует искать в опыте работы и находках модернистов начала XX в., а также ранних авангардистов. Если в литературе, то напомним «полное согласие» лирики М. Цветаевой с поэзией Р.-М. Рильке периода их «взаимного притяжения» (1926). Космомышление двух поэтов строилось на трансформации вещного мира во вневременное и надмирное пространство. Об этом прямо сказал Р.-М. Рильке: «Вещь убивает его, мстя за себя. / Ибо смертельна сила, сокрытая в вещи...» [Азадовский, 1990, с. 129].

Теория «вещи» («Ding») Р.-М. Рильке совершенно очевидно соприкасалась с цветаевским ее ощущением. Адамизм М. Цветаевой проявлял себя в полновесно-тяжелом обретении предмета, способного стать символом и олицетворенной метафорой. Например, в коротком стихотворении «Рябину рубили зорькою...» многократно повторенная «рябина» становилась вневременным символом утраченной родины. Когда Р.-М. Рильке для перевода с немецкого искал рифму к «гнездам», М. Цветаева настаивала – достойной может быть только «звезды». Если вспомнить цветаевское «Новогоднее», посвященное внезапной смерти Р.-М. Рильке, то заключительные строки прощания буквально сметают расстояние между сегодняшним и вневременным, между бытовым и метафорикой вневременного: «Свидимся – не знаю, но – споемся. / С мне-самой неведомой землею – / С целым морем, Райнер, с целой мною!» [Азадовский, 1990, с. 225].

Если вспомнить поиски и решения авангардистов, то, например, работа Евгения (Василия) Лысенко «Бык» (1923(?)) (илл. 3) из

серии русского «расстрелянного Авангарда» представляет процесс перенесения живого в условный мир неживого исходя из принципа секуляризации, столь свойственной всем провозвестникам авангарда. Избранное художественное решение – декоративно-плоскостное, т.е. изначально «вторичное» и условное с выделением объектов-символов (звезда и солнце) – подчинены этому замыслу. Получился потерянный в Большом пространстве бог Зевс, многократно переосмысленный, лишенный величия и красоты, давно возведенной в легенду.

Симулякральная природа современного постмодернизма предполагает многократное удвоение символов и ризоматичность смыслов создаваемого произведения. В уже ставшем классикой современного романа – в «Истории мира в 10½ главах» Дж. Барнса – «метафикция истории» создана по принципу наложения смыслов, переноса мифа о Ное и Всемирном потопе в пространство Хаоса и коррекции сознания современного человека. Такого человека, «искаженное видение» которого рождает химеры, утверждает их и только иногда ищет им объяснение. Способом трансферизации по воле автора происходит не прямое смысловое цитирование текстов литературного наследия предшественников, произвольное переосмысление элементов культуры прошлого, коллажный текст Дж. Барнса строится по принципу текст-подтекст-интертекст, используются разнообразные приемы игры со всем тем, что еще вчера казалось незыблемым. Общая модель культуры Дж. Барнса напоминает реликварий, драгоценности в котором подввергнуты старению и тлению.

Характерно, что в «Истории мира в 10½ главах» использована и экфрасисная поэтика, которая предполагает «наложение блоков памяти» одного вида искусства на другое. Речь идет о главе «Кораблекрушение», где картина Т. Жерико «Плот “Медузы”» истолкована в контексте современной хаологии. Органичный для литературы прием словесного выражения сути не самого предмета, а его образа, отраженного в ином искусстве, изменен кардинально. Предложенный Дж. Барнсом комментарий к произведению французского художника усиливает и конкретизирует общую концепцию романа, нацеленную на разрушение исторического мифа. Если современниками Т. Жерико «Плот “Медузы”» (илл. 4) воспринимался как героико-романтический «образ самой Франции», противостоящей стихиям, то в комментариях

Дж. Барнса усилена экзистенциальная трагедия – акцент ставится не на героизме выживших в катастрофе, а на катастрофе человеческого духа: те, кто еще уцелел и на что-то надеется, воспринимаются с недоверием. Миф о героизме и неугасающей вере, таким образом, подменяется и укрепляется непреложным фактажом: капитан был недостаточно опытным, из 149 человек на плоту спаслись только двое – плотник Александр Корреар и врач Анри Савиньи. Сама же коллажная форма романа снова обращает нас к трансформерам как современных живописцев, так, например, и к роману Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце».

«Клара и Солнце» (2021) – одно из самых пронзительных произведений писателя. Примыкая к более раннему «Не оставляй меня» (2005), новая книга, как и прежняя, озвучивает и делает предельно драматической проблему расчеловечивания современного общества. Показано, как футуристическое сообщество живых людей превращает в нормальное то, что ненормально. Живой человек и андроид оказываются в такой степени «рядом», что неизвестно, кто предпочтительнее – родители Джози, сама Джози или девочка-робот. Оказалось, что люди и их трансформеры мыслят приблизительно одинаково: невзрачную женщину-плаксу Клара про себя называет «Леди-Блендер», другую воспринимает похожей на Кофейную Чашку, а чуть позднее мать предложит Джози подражать походке и движениям робота-Клары. Но в отличие от живых людей, именно она, девочка-андроид, способна пожертвовать своей недолгой жизнью во имя живой подружки. У Солнца, проделав трудный путь к той точке, где оно светит особенно долго и ярко, она попросит добавить энергии Джози, а не ей самой. И закономерный финал: уже «сильная на вид» Джози уедет, потому что у нее «секретные цели», а забытая, но еще «живая» Клара окажется в «неопрятном Дворе» со множеством выброшенных механизмов. Ее пристанищем станет «широкое небо» и то животворящее Солнце, чье тепло она еще чувствует «даже в пасмурные дни» [Исигуро, 2021, с. 252–253].

Тип художественного мышления К. Исигуро определяется крайне сложно. В его аскетичном письме присутствуют отзвуки японской стилистики, чуждой цветистости, но есть и то, что в английской критике называют «новой реальностью». Стилизация под реальность –

основной художественный прием этого автора, и во многом данная авторская стратегия напоминает принципы письма, атрибутированные в современном коллажном искусстве. «Стилизация под коллаж» теперь корректирует традицию Курта Швиттерса как основателя «ново-яза» и тех глашатаев искусства дада, которые выделились из когорты экспрессионистов. Коллажное письмо в сегодняшнем варианте – это не «склеенные на единой основе фрагменты», а особый тип транскрибирования и переноса уже известного смысла в пространство нового видения. Говорящий пример – авторское переосмысление лирической московской темы Юрия Пименова («Новая Москва») (илл. 5) нашим современником Павлом Андреевым. Его фотоколлаж «Я езжу на Mitsubishi Lancer» (илл. 6), исполненный в традициях реди-мейд (а), и есть трансформер первичного объекта, перенесенного в пространство современного города. Но такого, который уже не воспринимается живым организмом.

В контексте сказанного жанровая природа романа «Клара и Солнце», литературоведчески обозначенная как «сказка», «фантастический роман», «антиутопия», требует корректирования. Процесс движения от «живого» к «неживому» (роботизированному) в произведении являет себя на разных уровнях повествования и столь очевиден, что трансформер (а не трансфер) кажется нам более уместным при прочтении специфической модели современного мира, предложенной Кадзуо Исигуро.

Что же касается приемлемости использования трансфера и трансформера, то их «близкостояние» тем не менее учитывает специфику произведений в понятийном поле художественного направления, особенностей художественного мышления и жанровой природы художественного объекта.

Список литературы

Азадовский К.М. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года / предисл., переводы, коммент. К.М. Азадовского, Е.Б. Пастернака, Е.В. Пастернак. – Москва : Книга, 1990. – 256 с.

Барт Р. Избранные работы : семиотика : поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.

- Бенуа А.Н. Задачи графики // Искусство и печатное дело. – 1910. – № 2/3. – С. 41–48.
- Виппер Б.Р. Английское искусство : краткий исторический очерк. – Москва : Изд. гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 1945. – 102 с.
- Герчук Ю.Я. Советская книжная графика. – Москва : Знание, 1986. – 128 с.
- Дмитриева Е.Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 4. – С. 302–313.
- Долгополов И.В. Мастера и шедевры : в 3 т. – Москва : Изобразительное искусство, 1987. – Т. 2. – 752 с.
- Исигуро К. Клара и Солнце / пер. с англ. Л. Мотылев. – Москва : Эксмо, 2021. – 352 с.
- Крамской об искусстве / сост., авт. вступ. статьи Т.М. Коваленская. – Москва : Изобразительное искусство, 1988. – 176 с.
- Крамской И.Н. Письма, статьи : в 2 т. – Москва : Искусство, 1965. – Т. 1. – 676 с.
- Крамской И.Н. Письма, статьи : в 2 т. – Москва : Искусство, 1966. – Т. 2. – 532 с.
- Лифшиц М. Иван Николаевич Крамской в его переписке // Труды Академии художеств СССР [Электронный ресурс]. – Москва, 1985. – Вып. 3. – С. 138–161. – URL: <http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/kramskoi.htm>
- Лобачева Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 8(98). – С. 23–26.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера : статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2000. – С. 12–149.
- Некрасов Н.А. Мороз, Красный нос // Некрасов Н.А. Полное собр. соч. : в 15 т. – Ленинград : Наука, 1981. – Т. 4. – С. 77–109.
- Пушкин А.С. Медный всадник // Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. – 4-е изд. – Ленинград : Наука, 1977–1979. – Т. 3. – С. 285–298.
- Силантьева В.И. Литература и живопись в контексте компаративистики : писатели и художники периодов эстетической переориентации : [монография]. – Одесса : Астропринт, 2015. – 336 с.
- Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. – Москва : Худож. лит., 1982. – Т. 9. – 462 с.

References

- Azadovskiy, E.B. (1990). *Rajner Mariya Ril'ke, Boris Pasternak, Marina Cvetava. Pis'ma 1926 goda* [Rainer Maria Rilke, Boris Pasternak, Marina Cvetava. Letters from 1926] K.M. Azadovskiy, E.B. Pasternak, E.V. Pasternak (trans., comp. and the introduction). Moscow: Kniga. (In Russ.)
- Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics] G.K. Kosikova (transl., ed., introduction). Moscow : Progress. (In Russ.)

Benua, A.N. (1910). Zadachi grafiki, [Graphics tasks]. In *Iskusstvo i pechatnoe delo* [Art and Printing], (2–3), (pp. 41–48). (In Russ.)

Dmitrieva, E.E. (2011). Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyj metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: oppozitsiya ili preemstvennost'? [The theory of cultural transfer and comparative method in the humanities: opposition or consistency?]. In *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], (4), (pp. 302–313). (In Russ.)

Dolgopolov, I.V. (1987). *Mastera i shedevry: v 3 t. T. 2* [Masters and masterpieces: in 3 volumes. V. 2]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. (In Russ.)

Gerchuk, Yu.Ya. (1986). *Sovetskaya knizhnaya grafika* [Soviet book graphics]. Moscow : Znanie. (In Russ.)

Isiguro, K. (2021). *Klara i Solnce* [Klara and the Sun], L. Motylev (transl.). Moscow : Eksmo. (In Russ.)

T.M. Kovalenskaya (comp. and the introduction of art.) (1988). *Kramskoj ob iskusstve* [Kramskoy about art]. Moscow : Izobrazitel'noe iskusstvo. (In Russ.)

Kramskoj, I.N. (1965). *Pis'ma, stat'i: v 2 t. T. 1* [Letters, articles: in 2 volumes. V. 1]. Moscow : Iskusstvo. (In Russ.)

Kramskoj, I.N. (1966). *Pis'ma, stat'i: v 2 t. T. 2* [Letters, articles: in 2 volumes. V. 2]. Moscow : Iskusstvo. (In Russ.)

Lifshic, M. (1985). Ivan Nikolaevich Kramskoj v ego perepiske [Ivan Nikolaevich Kramskoy in the context of his correspondence]. In *Trudy Akademii hudozhestv SSSR* [Proceedings of the Academy of Arts of the USSR, Issue 3], (pp. 138–161). URL: <http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/kramskoi.htm> (In Russ.)

Lobacheva, D.V. (2010). Kul'turnyj transfer: opredelenie, struktura, rol' v sisteme literaturnykh vzaimodejstvij [Cultural transfer : definition, structure, role in the system of literary interactions]. In *Vestnik TGPU* [TGPU Journal], Issue 8 (98), (pp. 23–26). (In Russ.)

Lotman, Yu.M. (2000). Kul'tura i vzryv, [Culture and explosion]. In *Semiosfera : stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere: Articles. Analysis. Notes], (pp. 12–149). Saint Petersburg : Iskusstvo-SPb. (In Russ.)

Nekrasov, N.A. (1981). Moroz, Krasnyj nos [Red-Nosed Frost]. In *Polnoe sobr. soch.: v 15 t. T. 4.* [Complete set of works : in 15 volumes. V. 4], (pp. 77–109). Leningrad : Nauka, S. 77–109. (In Russ.)

Pushkin, A.S. (1977–1979). Mednyj vsadnik [The Bronze Horseman]. In *Pushkin A.S. Sobr. soch. : v 10 t.; 4-e izd.* [Pushkin A.S. Selected Works: in 10 volumes. V. 3], (pp. 285–298). Leningrad : Nauka. (In Russ.)

Silant'eva, V.I. (2015). *Literatura i zhivopis' v kontekste komparativistiki : pisateli i hudozhniki periodov esteticheskoy pereorientacii* [Literature and painting in the context of comparative studies: writers and artists of the periods of aesthetic reorientation]. Odessa : Astroprint. (In Russ.)

Tolstoj, L.N. (1982). Anna Karenina [Anna Karenina]. In *Sobr. soch.: v 22 t.* [Selected works : in 10 volumes. V. 9]. Moscow : Hudozh. lit. (In Russ.)

Vipper, B.R. (1945). *Anglijskoe iskusstvo: kratkij istoricheskij ocherk* [English art: a historical summary]. Moscow : Izd. gos. muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina. (In Russ.)

Илл. 1. Фрэнк Гери. Танцующий дом. 1995

Илл. 2. Сусаку Аракава. Чердаки обратной судьбы. 2006

Илл. 3. Евгений (Василий) Лысенко. Бык. 1923(?)

Илл. 4. Теодор Жерико. Плот «Медузы». 1819

Илл. 5. Юрий Пименов. Новая Москва, 1937

Илл. 6. Павел Андреев. Я езжу на Mitsubishi Lancer

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 5527

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.08

*Старостина Н.Б.**

ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ МУЗЫКИ В КИТАЙСКОМ ТРАДИЦИОННОМ СТИЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРОПАРНОГО ОСМОГЛАСИЯ И ЛИТУРГИИ)®

Аннотация. В данной статье речь идет об опыте создания православной музыки в китайском традиционном стиле – тропарного осмогласия и одногласной и многогласной Литургий на китайском языке. Особое внимание уделено речевой интонации как основе для создания литургических мелодий с учетом специфики китайского тонового языка. Рассматривается ладовая и интонационная основа, а также структура написанной музыки.

Ключевые слова: православие в Китае; осмогласие; китайская традиционная музыка; песнопения Литургии; гуцинь; наньинь.

Поступила: 18.01.2022

Принята к печати: 11.02.2022

Starostina N.B.

On the experience of creating Orthodox music in the Chinese traditional style (on the example of the troparion Octoechos and the Liturgy)

** Старостина Нина Борисовна – Творческая мастерская Леонида Лундстрема, Москва, Россия, e-mail: nstarostina16@gmail.com*

Starostina Nina Borisovna – Starostina Nina Borisovna, Leonid Lundstrem Art studio, Moscow, Russia, e-mail: nstarostina16@gmail.com

© Старостина Н.Б., 2022

Abstract. This article deals with the experience of creating Orthodox music in the Chinese traditional style – troparion Ochtoechos and monodic and polyphonic liturgy in Chinese. Particular attention is paid to speech intonation, with consideration of the specifics of the Chinese tone language as the main prerequisite for creating liturgical melodies. The modal and intonational basis, as well as the structure of written music are considered.

Keywords: Orthodoxy in China; Ochtoechos; Chinese traditional music; chants of the Liturgy; guqin; nanyin.

Received: 18.01.2022

Accepted: 11.02.2022

Христианство в Китае, по преданию, было впервые проповедано апостолом Фомой [Ломанов, 2002, с. 24–27]. Первое же сохранившееся свидетельство о проникновении христианства в Китай относится к VIII в. (эпохе Тан) – это известная «несторианская стела», воздвигнутая в 781 г. [Ломанов, 2002, с. 45–53].

В XVI в. в Китай пришли иезуиты. Одним из них стал Маттео Риччи (1552–1610) – итальянский миссионер-иезуит, математик, астроном, картограф и переводчик, который прожил в Китае 30 лет; он положил начало иезуитской миссии в Пекине и установил постоянные культурные контакты между Европой и Китаем¹.

Что касается *православия* в Китае, то оно берет свое начало в XVII в. [Бэй-гуань, 1939, с. 20–26]. Войска империи Цин взяли крепость Албазин на Амуре и пленных казаков увезли в Пекин (1685), где они стали служить китайскому императору Сюанье, правящему под девизом Канси (1654–1722).

Албазинские казаки остались в Китае и смешались с местным населением, однако их потомки до сегодняшнего дня сохранили православную веру. Практически никто из них не говорит по-русски, но во время богослужений часто пели и поют на церковнославянском.

Традиция православного пения в Китае к концу XX в. оказалась практически утеряна; сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что в Китайской православной церкви, так же как и в Японской,

¹ Интересен факт, что Маттео Риччи в 1601 г. подарил императору Чжу Ицзюню (1563–1620) клавишные инструменты (клавикорды, верджинел) – об этом пишет Джон Томпсон [Томпсон. Music from the Time of Matteo Ricci].

практиковалось пение русского обихода на церковнославянском и китайском языках [см.: Бэй-гуань, 1939, с. 27, 122].

Вопрос о воссоздании китайской традиции православного пения встал передо мной в 2012 г. Работа над созданием православного пения в китайском стиле началась по просьбе священника и миссионера о. Дионисия Поздняева (РПЦ МП, Приход во имя свв. апп. Петра и Павла в Гонконге). В период с 2012 по 2017 г. были написаны и затем изданы в Гонконге четырехголосная Литургия (два CD на китайском и русском языках) [Старостина, 2015], одноголосная Литургия (нотное издание) [Шэн цзинькоу ..., 2015], а затем тропарное осмогласие [Старостина, 2015 а].

В процессе создания китайской литургической музыки я опиралась на ладовые и интонационные особенности, присущие китайской традиционной музыке; подобный опыт оказался весьма интересным¹.

Во всей написанной мною музыке в китайском стиле, о которой идет речь в данной статье, разделение на музыкальные фразы соответствует разделению литургического текста на речевые фразы. По примеру многих образцов китайской музыки в большинстве случаев распевы слогов соответствуют фонетическим тонам китайского ли-

¹ В статье М.Д. Химич и Лу Тайлу «Влияние Православия и традиционных религий на вокально-хоровое образование в Китае» указано, что православное пение основано на интонациях традиционной китайской музыки: «Современные православные хоры Китая исполняют духовную музыку преимущественно на китайском языке – огромное количество таких произведений переведены и адаптированы под китайские хоровые традиции. Особенности такой адаптации представляют интерес для исследований, так как православная вокальная музыка, переплетающаяся с китайскими национальными традициями, – явление уникальное и относительно молодое. Так, например, традиционная для православной вокальной музыки система осмогласия интерпретируется *китайцами* [курсив мой. – Н. С.] в своем традиционном стиле – местами в таких произведениях даже используются лады и интонации древней китайской музыки... Существует и некоторая связь православной китайской музыки с музыкой традиционной, например, в некоторых духовных произведениях, переработанных на китайский лад, можно проследить интонации народных жанров, таких как наньинь. Таким образом, можно сказать, что огромный пласт духовного православного репертуара оказался адаптирован под китайскую традиционную музыкальную культуру» [Химич, Лу Тайлу, 2019, с. 150–151]. Однако нет и упоминания об авторе китайской православной музыки, отнюдь не «китайце».

тургического текста, и направление мелодии диктуется прежде всего *речевой интонацией*. Заметим, что это оказался достаточно удобный принцип работы с китайским текстом, так как сам текст «подсказывает» направление мелодии. В дальнейшем я воспользовалась им и в других сочинениях на китайский текст (например, в хоре «Лисао» – «Скорбь разлученного»).

Китайский язык – тоновый, в нем четыре тона, в диалектах до восьми (например, фуцзяньский диалект *минь*, в котором сохранилось древнейшее деление китайского языка на восемь тонов¹. В тоновом языке один слог, произнесенный разными способами (называемыми тонами²), имеет разные значения. В таком случае встает вопрос о соотношении слова и музыки. В китайской музыке слово и мелодия безусловно связаны между собой; можно привести множество примеров как из китайского музыкального фольклора, так и из театральной вокальной музыки, и даже современной эстрадной. В строфической форме, конечно, возможны отступления, так как текст разный, а музыка строф / куплетов одна и та же. Тем не менее исполнители с помощью различных мелизмов могут скорректировать возможное несовпадение словесного тона и музыкальной мелодии. Кроме того, причиной «несовпадения» речевых тонов и мелодии могут быть диалектные варианты произношения.

Примечателен тот факт, что в истории китайской музыки немало примеров тому, как текст приспособлялся к уже написанной музыке (иногда написанной даже веками ранее). Здесь, конечно, трудно найти совпадения речевых тонов и мелодии, однако они временами все же присутствуют. Результат такого присоединения довольно искусственен³. Наиболее же органичен обратный процесс – сочинение музыки согласно основе поэтического текста. Это естественно для музыки и любой другой культуры, но особенно для китайской с ее четким тоновым рисунком языка.

¹ Об одном из фуцзяньских музыкальных жанров см. далее в данной статье.

² «Тон – мелодическая характеристика китайского слога» [см.: Спешнев, 1980, с. 15].

³ Такая практика существовала, например, в театральной драме куньцуй [Ху Джон, 2019, с. 190] и в музыке для циня (точнее, «песен с цинем» – *цинъгэ* – XVI в.) [см., например: Томпсон. *Ci Lyrics ...*].

Кроме вышеизложенного принципа сочинения мелодии (следование тоновому рисунку фраз), в процессе создания китайской литургической музыки также использовался принцип интонационно-ритмического выделения значимых слов (например, слова *гаочжиянь* – «в вышних» 高之天 – хотя и читаются первым ровным тоном, но могут быть выделены мелодически, ритмически и тесситурно):

Итак, первое из вышеперечисленных сочинений – четырехголосная Литургия. Она состоит из одиннадцати частей.

1. Великая ектеня.
2. 1 антифон.
3. 2 антифон.
4. Единородный Сыне.
5. Блаженны.
6. Трисвятое.
7. Херувимская.
8. Милость мира.
9. Достойно есть.
10. Видехом.
11. Христос воскрес.

1. Это музыка полностью сочиненная, здесь нет цитат. Мелодика четырехголосной Литургии представляет собой в определенной мере обобщение китайской интонационности.

2. Ладовая основа основных мелодий и одноголосной, и четырехголосной Литургий – это пентатоника, типичная для китайской музыки эпохи Цин (1644–1911).

3. В гармонизации присутствуют черты *классического четырехголосного склада*. Иногда голосов может быть больше благодаря

дублировкам (до шести в кульминациях). Четырехголосная Литургия выдержана в одном стиле и в одной тональности¹. Разные песнопения объединены схожими интонациями, что должно способствовать единству музыкальной части богослужения. Немного стилистически выделяются «Блаженны», более «европейские» и ритмичные, выстроенные в соответствии с текстом парными музыкальными фразами:

The image shows two musical stanzas. Each stanza consists of a vocal melody line (treble clef) and a basso continuo line (bass clef). The key signature is one sharp (F#), and the time signature is 4/4. The first stanza has a triplet of eighth notes at the beginning of the vocal line. The second stanza has a triplet of eighth notes at the end of the vocal line. The lyrics are in Chinese characters with pinyin below them.

神 贫 的 人 是 有 福 的 ,
Shen - pin - de ren shi you - fu - de,

因 为 天 国 是 他 们 的 。
yin - wei Tian - guo shi ta - men - de.

и «Видехом Свет истинный», мелодия которого напоминает греческий распев в русском варианте; впрочем, оба песнопения не изменяют принципу соответствия речевых тонов и певческой мелодии:

¹ Точнее, в параллельных тональностях G-dur и e-moll, естественно чередующихся благодаря модальному облику гармонии цикла.

Некоторые образованные китайцы считают, что православная музыка не должна быть китайской, а должна напоминать старинные византийские распевы с исоном. Потому случалось слышать, что недостаток моей четырехголосной Литургии в том, что она слишком китайская¹.

Одноголосная Литургия состоит из 19 частей. Она была написана после четырехголосной, которая показалась певцам в Гонконге слишком сложной. Здесь используется тот же принцип следования фонетическим тонам, ладовая организация одноголосной Литургии – это также пентатоника. Распевы здесь гораздо более лаконичные, чем в четырехголосной Литургии.

На церковных службах в настоящее время поют *Символ веры*, *Отче наш*, *Трисвятое* и другие простые песнопения из этой Литургии.

Можно проследить на примере *Трисвятого* принцип следования певческой мелодии тонам литургического текста:

Здесь четвертому нисходящему тону в слове соответствует нисходящий мотив или просто один музыкальный звук; второму восходящему тону (нэн, 能) соответствует восходящая интонация; треть-

¹ О моей четырехголосной Литургии была написана статья Ю. Воскобойниковой «Литургия в китайских тонах: культуротворческий эксперимент регента Нины Старостиной» [Воскобойникова, 2016].

ему нисходяще-восходящему тону (сю 朽, во 我) соответствует разнонаправленный распев и т.д.

Тропарное осмогласие (2016)

В китайском тропарном осмогласии используются лады и интонации ранней китайской музыки для цитры гуцинь, или цинь 古琴, 琴 (первые четыре гласа), а также интонационный материал в стиле старинного фуцзяньского вокально-инструментального жанра наньинь (последующие четыре гласа).

Выбор пал на эти два вида музыки в связи с тем, что они являются одними из самых древних сохранившихся музыкальных традиций в Китае.

Цинь появился в Китае уже около трех тысяч лет назад, во времена Конфуция он уже переживал пору расцвета. И до наших дней эстетика циня преимущественно конфуцианская (идеи золотой середины, гармонии). Традиционно этимологию иероглифа «цинь» связывают с иероглифом *цзинь* 禁 – «сдерживать» [Полный китайско-русский словарь ..., 1909]. В первых четырех гласах используются интонации и каденции, характерные для ранней музыки циня, а точнее, из первого сохранившегося сборника нот для циня – *Шэньцимипу* (神神秘谱 «Чудесные тайные ноты»)¹ (1425).

Первый глас – каденционная попевка из *Ичжэнь* 颐真 – «Воспитания истинной природы».

Второй глас – *Гуанлинсань* 广陵散 – «Поэма Гуанлина» – используются интонации центральных разделов масштабной пьесы.

Третий глас – интонации из *Лисао* 离骚 – «Скорби разлученного».

Четвертый глас – *Байсюэ* 白雪 – «Белый снег».

Начиная с пятого гласа, звучат мелодические обороты, характерные для жанра *наньинь*.

¹ По мнению У Вэньгуана, сборник *Шэньцимипу* – это и первый нотопечатный сборник в мире. – *Шэньцимипу* (神神秘谱 «Чудесные тайные ноты») [Шэньцимипу ..., 2008, с. 3].

Наньинь (南音 «южная музыка») – южнокитайский музыкальный вокально-инструментальный жанр, истоки которого восходят к эпохе Тан (618–907), а конкретнее – к дворцовой музыке *яюэ* 雅乐. Эстетика жанра наньинь так же, как и эстетика гуцуня, близка конфуцианскому мировоззрению (кстати, иезуиты, проповедовавшие в Китае, считали, что конфуцианство довольно близко к христианству [Ломанов, 2002]). До создания осмогласия я не была знакома с музыкой наньиня, и она привлекла меня прежде всего своей мелодикой, особым вокальным звукоизвлечением, связанным с миньнаньским диалектом, и весьма интересным ладовым устройством. Ладовое устройство наньиня представляет собой пентатоническую основу с прибавленными к опорным тонам большими секундами, создающими специфическое целотоновое звучание. Это, например, и сохранившаяся музыка в лидийском ладу, свидетельствующем о древности жанра¹ и характерном для дворцовой «изящной музыки» *яюэ* [см.: Старостина, 2021].

В осмогласии использовались интонации из классических пьес наньиня *Цзин е сы* 静夜思 «Думы тихой ночью» (пятый глас, *Сань гэнгу* 三更鼓 «Третья стража» (пятый глас), *Иньсунгэсао* 因送哥嫂 «Проводы невестки» (седьмой глас), *Юаньсяюшюу* 元宵十五 «Праздник фонарей» (восьмой глас) и пр. В шестом гласе нет прямых цитат, музыка строится на схожих с пьесами наньиня интонациях; кроме того, это единственный глас, куда включены мотивы, напоминающие русские протяжные песни.

Если в Литургиях в мелодических линиях используется почти исключительно *пентатоника*, характерная для традиционной китайской музыки более позднего периода, то в осмогласии, опирающемся на традиции ранней китайской музыки, используются *диатонические семиступенные лады*.

В китайском осмогласии присутствуют как прямые мелодические цитаты из классических пьес для гуцуня и пьес наньинь, так и

¹ Лидийский лад в частности встречается в древнейшей сохранившейся пьесе для циня *Цзешюлань* («Одинокая орхидея» на мелодию «Каменной стелы»), датирующей концом эпохи Суй (581–618) (сохранившиеся ноты относятся к началу эпохи Тан) [см.: Полуэктова, 1999, с. 9].

общеинтонационные, попелочные «напоминания», в том числе каденционные. Например, в первом гласе используется каденционная попевка из пьесы *Ичжэнь* (顾真 «Воспитание истинной природы», 1425), а общеинтонационный облик напоминает центральноазиатские напевы, еще в танскую эпоху проникшие в китайскую музыку¹:

И, например, третий глас построен на наиболее выразительных интонациях пьесы *Лисао* (离骚 «Скорбь разлученного», 1425):

Структура песнопений: чередование музыкальных строк в китайских гласах совпадает с принципом чередования музыкальных строк в русском обиходном осмогласии.

Процесс комбинации двух традиций – русской православной и китайской – оказался весьма естественным благодаря схожему «попевочно-формульному» принципу строения китайских традиционных и русских обиходных мелодий.

¹ О проникновении северозападных мотивов в музыку эпохи Тан говорит, например, Сюй Цзянь [Сюй Цзянь, 2016, с. 113]. Джон Томпсон отмечает, что все пьесы, написанные в настроке *хуанчжун* (B-d-f-g-b-c-d), так или иначе связаны с Северной и Центральной Азией [см.: Томпсон. Northern ...].

Песнопения китайской многоголосной и одноголосной Литургий регулярно исполняются на богослужениях в Москве на Китайском подворье церкви свт. Николая в Голутвине; некоторые песнопения исполняются в Гонконге.

Заключение

1. Написанная богослужебная православная музыка на китайском языке и в стиле китайской традиционной музыки, вероятно, стала первым подобным опытом.

2. Четырехголосная Литургия – образец взаимодействия китайской традиционной мелодики и ладовой структуры с западноевропейским гармоническим типом мышления. В то же время в музыке, изложенной в классическом четырехголосном складе, присутствуют черты модальной гармонии, которые, по мнению автора, наиболее уместны в гармонизации ранних мелодий – как китайских, так и русских (например, знаменного распева).

3. Тропарное осмогласие в своей основе имеет интонации двух древних музыкальных жанров – *наньинь* и музыки для гуцяня. Кроме того, это результат комбинации двух традиций – русской певческой и китайской, что проявляется в принципах работы с китайскими мелодиями (чередование строк согласно русскому певческому обиходу, вычленение из китайских мелодий попевок).

4. И для четырехголосной и одноголосной Литургий, и для осмогласия характерно следование речевой интонации китайского языка – мелодии соответствуют тоновому рисунку китайского текста. Это «правило» может быть нарушено вследствие особого мелодического выделения значимых слов или при строфической форме¹.

Написание литургической музыки в китайском стиле оказалось захватывающим творческим процессом, который позволил найти точки соприкосновения и даже выявить некоторые общие закономерности китайской традиционной музыки и русского обиходного пения

¹Данная статья написана на основе одноименного доклада автора в Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского на XXIX Международных образовательных чтениях «Александр Невский – Запад и Восток: историческая память народа» 18 мая 2021 г.

(интонационность, работа с мотивами-«попевками»). Искренне надеюсь, что воссоздание китайской православной музыки будет продолжено.

Список литературы

Бэй-гуань. Российская Духовная Миссия в Китае. – Тяньцзинь : [б. и.], 1939. – 141 с.

Воскобойникова Ю.В. Литургия в китайских тонах: культуротворческий эксперимент регента Нины Старостиной // *Культура Украины.* – 2016. – Вып. 53. – С. 116–126. – На укр. яз.

Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. – Москва : Восточная литература, 2002. – 127 с.

Полный китайско-русский словарь, составленный по словарям Чжайльса, архимандрита Палладия [Кафарова П.И.], П.С. Попова и другим. – Пекин : Тип. Успенского монастыря при Духовной Миссии, 1909. – Т. 1/2 / под ред. епископа Иннокентия. – 965 с.

Полуэктова О.В. Китайская дворцовая музыка эпохи Тан из японских источников : структурно-аналитический аспект : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02 / Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки. – Новосибирск, 1999. – 194 с.

Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка : учеб. пособие. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1980. – 143 с.

Старостина Н.Б. Бадяоци. Чжужисяоцзяньцзи фу цзяньцы = Осмоглашие. Воскресные тропари и кондаки. – Гонконг : Издательство св. апп. Петра и Павла, 2015 а. – 19 с. – На кит. яз.

Старостина Н.Б. О стилистических особенностях фуцзяньского музыкального жанра наньинь // *Вестник культурологии.* – 2021. – № 2(97). – С. 105–114.

Старостина Н.Б. Песнопения Божественной Литургии = Шифэншэнлиюэцзи. – Гонконг : China Orthodox Press, 2015 б. – 56 с.

Сюй Цзянь. Циньшичубянь (Новое издание Истории циня). – Пекин : Чжунхуашуцзюй, 2016. – 407 с.

Томпсон Дж. Ci Lyrics // silkqin.com. – URL: <http://www.silkqin.com/05poet/qinci.htm#pairing>

Томпсон Дж. Music from the Time of Matteo Ricci // silkqin.com. – URL: <http://www.silkqin.com/01mywk/themes/matteo.htm>

Томпсон Дж. Northern and Western Asia // silkqin.com. – URL: <http://www.silkqin.com/01mywk/themes/northwest.htm>

Химич М.Д., Лу Тайлу. Влияние православия и традиционных религий на вокально-хоровое образование в Китае // *Труды Белгородской духовной семинарии.* – 2019. – № 9. – С. 145–151.

Ху Джон. Традиционная китайская драма куньцзюй / перевод, комментарии и вступительное слово к статье Джона Ху «Театр династии Мин» Т. Будаевой // *Театр и*

зрелищные формы Востока. История исследований. – Москва : ГИТИС, 2019. – Вып. 4. – С. 182–201.

Шэньцимипу = Чудесные тайные ноты / Реконструкция и комментарии У Вэньгуана. – Шанхай : Шанхай иньюэчубаньшэ, 2008. – 374 с.

Шэн цзинькоу Юэханьшифэншэнли = Божественная Литургия свт. Иоанна Златоуста с нотным приложением. – Гонконг : Чжунхуачжэнцзяочубаньшэ, 2015. – 56 с.

References

(Anonymous) (1939). *Bej-guan'. Rossijskaya Duhovnaya Missiya v Kitae* [Russian Spiritual Mission in China]. Tyan'czin'. (In Russ.)

Voskobochnikova, Yu.V. (2016). Liturgiya v kitajskih tonah: kul'turotvorcheskij eksperiment regenta Niny Starostinoj [Liturgy in Chinese tones: cultural experiment of Regent Nina Starostina]. In *Kul'tura Ukrainy* [Culture of Ukraine], Issue 53, (pp. 116–126). (In Ukrainian.)

Lomanov, A.V. (2002). *Hristianstvo i kitajskaya kul'tura* [Christianity and Chinese Culture]. Moscow : Vostochnaya literatura. (In Russ.)

Bishop Innocent (ed.) (1909). *Polnyj kitajsko-russkij slovar', sostavlenyj po slovaryam Chzhajl'sa, arhimandrita Palladiya [Kafarova, P.I.], P.S. Popova i drugim: T. 1–2* [A complete Chinese-Russian dictionary compiled from the dictionaries of Zhailsa, Archimandrite Palladius [Kafarov, P.I.], P.S. Popov and others: Vol. 1–2]. Beijing: Tip. Uspenskogo monastyrja pri Duhovnoj Missii. (In Russ.)

Poluektova, O.V. (1999). *Kitajskaya dvorcovaya muzyka epohi Tan iz yaponskih istochnikov : Strukturno-analiticheskij aspekt : diss. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata iskusstvovedeniya : 17.00.02* [Chinese palace music of the Tang era from Japanese sources : Structural and Analytical aspect : diss. for the degree of Candidate of Art criticism : 17.00.02]. Novosib. gos. konservatoriya im. M.I. Glinki. Novosibirsk. (In Russ.)

Speshnev, N.A. (1980). *Fonetika kitajskogo yazyka : ucheb. posobie* [Phonetics of the Chinese language : studies. stipend.]. Leningrad : Izd-vo LGU. (In Russ.)

Starostina, N.B. (2015 a). *Badyaoczi. Chzhuzhisyaoczan'cydzi fu czan'cy. = Osmoglasie. Voskresnye tropari i kondaki* [Osmoglasie. Sunday troparia and kontakion]. Hong Kong : Izdatel'stvo sv. app. Petra i Pavla. (In Chinese.)

Starostina, N.B. (2021). O stilisticheskikh osobennostyah fuczyan'skogo muzykal'nogo zhanra nan'in' [About the stylistic features of the Fujian musical genre nan-yin]. In *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Cultural Studies], (2 (97), (pp. 105–114). (In Russ.)

Starostina, N.B. (2015 b). *Pesnopeniya Bozhestvennoj Liturgii* [Chants of the Divine Liturgy] = Shifenshenliyueczi. Hong Kong : China Orthodox Press. (In Russ.)

Syuj, Czuan'. (2016). *Cin'shichubyan' (Novoe izdanie Istorii cinya)* [New Edition of the History of Qin]. Beijing : Chzhunhuashuczyuj. (In Chinese.)

Tompson Dzhon Ci Lyrics. – URL: <http://www.silkqin.com/05poet/qinci.htm#pairing> (silkqin.com) (In Russ.).

Tompson Dzhon Music from the Time of Matteo Ricci. – URL: <http://www.silkqin.com/01mywk/themes/matteo.htm> (silkqin.com) (In Russ.).

Tompson Dzhon Northern and Western Asia. – URL: <http://www.silkqin.com/01mywk/themes/northwest.htm> (silkqin.com) (In Russ.).

Himich, M.D., Lu, Tajlu. (2019). Vliyanie pravoslaviya i tradicionnyh religij na vokal'nohorovoe obrazovanie v Kitae [The influence of Orthodoxy and traditional religions on vocal and choral education in China]. In *Trudy Belgorodskoj duhovnoj seminarii* [Proceedings of the Belgorod Theological Seminary], (9), (pp. 145–151). (In Russ.)

Hu Dzhon. Tradicionnaya kitajskaya drama kun'cyuj / perevod, kommentarii i vstupitel'noe slovo k stat'e Dzhona Hu «Teatr dinastii Min» T. Budaevoj [Traditional Chinese drama kunqu / translation, comments and introduction to the article by John Hu "The Theater of the Ming Dynasty" by T. Budaeva]. In *Teatr i zrelischnye formy Vostoka. Istoriya issledovanij* [Theater and spectacular forms of the East. History of research], Issue 4, (pp. 182–201). Moscow : GITIS. (In Russ.)

Wu Wenguang (reconstruction and commentary). (2008). Shen'cimipu = Chudesnye tajnye noty [Wonderful secret notes]. Shanghai : Shanhaj in'yuechuban'she. (In Chinese.)

(Anonymous) (2015). Shen czin'kou Yuekhan'shifenshenli. = *Bozhestvennaya Liturgiya svt. Ioanna Zlatousto s notnym prilozheniem* [The Divine Liturgy of St. St. John Chrysostom with a musical appendix]. Hong Kong : Chzhunhuachzhenczyaochuban'she. (In Chinese.)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

УДК 347.782

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.09

*Андреева Г.Н.**

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ КАК ПРАВОВОЙ АКТ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРТЕФАКТ И ОБЪЕКТ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Аннотация. В статье дается комплексная характеристика Великой хартии вольностей 1215 г. в совокупности трех аспектов как правового акта, культурно-исторического артефакта и объекта изобразительного искусства. Автор исходит из того, что своеобразие каждого из аспектов подкрепляет и усиливает остальные, придавая особую уникальность Великой хартии вольностей 1215 г. и превращая ее в важный элемент современной культуры. Для анализа каждого из аспектов используется соответствующий научный метод: компаративистский, формально-логический, источниковедческий, ретроспективный, семиотический и др. Характеристика Великой хартии вольностей 1215 г. как правового акта отражает ее место в правовой системе Великобритании в качестве части конституции страны. Вместе с тем обращено особое внимание на неоднозначную ситуацию ее принятия. В статье показано, что это правовой документ, оказавший огромное влияние на формирование современных представлений о конституционном строе

* *Андреева Галина Николаевна* – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, Россия, e-mail: galinaandr@rambler.ru

Andreeva Galina Nikolaevna – PhD in Law, docent, leading researcher of the Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: galinaandr@rambler.ru

во всем мире, прежде всего применительно к правам человека. Рассматриваемая в качестве культурно-исторического артефакта Великая хартия вольностей обладает целым набором черт, придающих ей особую ценность и делающую сохранившиеся экземпляры уникальными. Обстоятельства, связанные с ее принятием, применявшиеся в тот период для изготовления официальных документов материалы и чернила, способы удостоверения подлинности документа и другие историко-культурные особенности четырех сохранившихся экземпляров Великой хартии вольностей 1215 г. делают ее интереснейшим объектом историко-культурных исследований. В качестве объекта изобразительного искусства Великая хартия вольностей получила воплощение как в серьезных монументальных произведениях, так и в карикатурах; как в работах художников и скульпторов, создающих произведения элитарного искусства, так и в произведениях, относящихся к массовой культуре. Последнее показано на примерах изображений на одежде и векторной интернет-культуры.

Ключевые слова: Великая хартия вольностей; неписаная конституция Великобритании; копии акта; историческое значение; культурная ценность; объект изобразительного искусства; массовая культура.

Получена: 14.01.2022

Принята к печати: 01.02.2022

Andreeva G.N.

The Magna Carta as a legal act, a cultural and historical artifact and an object of fine art

Abstract. The article gives a comprehensive description of the Magna Carta of 1215 in the totality of three aspects as a legal act, a cultural and historical artifact and an object of fine art. The author proceeds from the fact that the originality of each of the aspects reinforces and strengthens the rest, giving special uniqueness to the Magna Carta of 1215 and turning it into an important element of modern culture. To analyze each of the aspects, the corresponding scientific method is used: comparativistic, formal-logical, source-research, retrospective, semiotic, etc. The characterization of the Magna Carta of 1215 as a legal act reflects its place in the legal system of Great Britain as part of the country's constitution. At the same time, special attention is paid to the ambiguous situation of its adoption. The article shows that this is a legal instrument that has had a huge impact on the formation of modern ideas about the constitutional system around the

world, especially with regard to human rights. Considered as a cultural and historical artifact, the Great Charter of Liberties has a whole set of features that give it special value and make the preserved specimens unique. The circumstances associated with its adoption, the materials and ink used at that time to produce official documents, the methods of authenticating the document and other historical and cultural features of the four surviving copies of the Magna Carta of 1215 make it an interesting object of historical and cultural research. As an object of fine art, the Great Charter of Liberties was embodied both in serious monumental works and in caricatures; both in the works of artists and sculptors creating works of elitist art, and in works related to mass culture. The latter is illustrated by examples of images on clothing and vector Internet culture.

Keywords: Great Charter of Liberties; unwritten constitution of Great Britain; copies of the act; historical significance; cultural value; object of fine art; mass culture.

Received: 14.01.2022

Accepted: 01.02.2022

Великая хартия вольностей 1215 г. является уникальным документом, оказавшим огромное влияние на становление современной цивилизации и конституционализма, формирование современных представлений о свободе и правах человека. Это сложный для понимания и трактовки богатый нюансами документ является объектом множества исследований, но в них он, как правило, рассматривается в одном или двух аспектах, в то время как целостный современный образ Великой хартии вольностей 1215 г. складывается из его характеристики как обладающего значительным своеобразием правового акта, как ценного историко-культурного артефакта и как образа в произведениях изобразительного искусства. В данной статье предпринят комплексный анализ Великой хартии вольностей 1215 г. во всех трех «ипостасях» в контексте их взаимовлияния.

Великая хартия вольностей 1215 г. как правовой акт

Великая хартия вольностей 1215 г. в рамках научных исследований по истории права рассматривается и исследуется как исторический правовой документ. В науке конституционного права она анали-

зируется как один из краеугольных камней современного конституционного строя Великобритании и отправная точка для возникновения конституционализма в мировом масштабе. При этом хотя выводы историков неизбежно учитываются и специалистами по конституционному праву, в историографической литературе отмечается, что это – два разных варианта трактовки документа, различающиеся «по направленности, по смыслу и духу» [Авлиев, Наранова, 2015, с. 13], поскольку в первом случае речь идет о трактовке Великой хартии вольностей как памятника феодального права, а во втором – как о действующем конституционном акте Великобритании, понимание которого складывалось веками [Satrústegui Gil-Delgado ..., 2009, p. 253–257] и значение которого в полной мере стало осознаваться именно в наше время [Минаков, 2015, с. 153]. В данной статье эти трактовки рассматриваются последовательно.

Исторический правовой документ феодальной эпохи. Для объективной характеристики исторического правового документа важно понимание исторических условий и причин его принятия. Следует отметить, что их оценка в научной литературе не столь однозначна как сложившаяся и растиражированная в Интернете версия.

Появление Великой хартии вольностей 1215 г. связано с восстанием баронов против короля Иоанна Безземельного (1199–1216).

Илл. 1. Портрет Иоанна Безземельного¹

¹ King John of England. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Magna-Carta> (date of access: 25.01.2022).

Считается, что причинами восстания стали безуспешные попытки этого монарха вернуть французские владения, связанные с ними военные походы и соответствующая разорительная для баронов и населения финансово-экономическая стратегия, которая не могла быть популярной по сути. В Средние века такого рода противостояния короля и баронов не были такой уж редкостью. В данном случае определенная неординарность ситуации состояла в отсутствии явного и устраивавшего баронов преемника короля, которого можно было бы посадить на престол. В результате баронами была избрана тактика обвинения короля в нарушении Хартии вольностей (письменной Прокламации, изданной предком Иоанна Генрихом I в 1100 г.), которая устанавливала определенные (само)ограничения короля в обращении с церковными деятелями и дворянами. Переговоры по этому вопросу велись с королем в течение шести месяцев 1215 г., но к середине июня терпение баронов иссякло, и при поддержке шотландского короля Александра II и принца Людовика (будущего короля Франции Людовика VIII) они вошли в Лондон и «убедили» короля приложить большую королевскую печать к составленному баронами тексту с жалобами и изложением их привилегий (так называемые «Статьи баронов»), заставив тем самым короля отказаться от значительной части его прав. Канцелярия на основе этого документа подготовила акт, который известен теперь как Великая хартия вольностей 1215 г. Это знаменательное для данного правового документа и всего человечества событие произошло на лугу на берегу Темзы в Руннимеде, недалеко от Виндзора.

Утвержденную Хартию мог отменить только папа римский, к которому Иоанн Безземельный обратился с соответствующей просьбой, и папа отменил Великую хартию своей буллой.

Такова наиболее распространенная и широко растиражированная, в том числе в Интернете, версия происходившего. Вне контекста эпохи феодальных отношений в Европе, понимания реальной расстановки политических сил и роли, а также мотивов каждого участника она может быть интерпретирована по-разному, что, собственно, и делают ее исследователи, предлагая различные версии происходившего от подвергающей сомнению вопреки убедительным документальным свидетельствам сам факт принятия Великой хартии вольностей в

XIII в.¹. до истолкования ситуации через призму мотивов и интересов Иоанна Безземельного [Эплби, 2018].

Подобный разброс трактовок объясняется тем, что в ходе принятия данного акта была неоднозначной. Описанная версия происходившего сложилась на основе церковных хроник, а изложение фактов в них соответствовало официальной позиции церкви. Последняя не являлась нейтральной и незаинтересованной стороной. Существенным фактором возникшей ситуации стал конфликт Иоанна Безземельного с папой Иннокентием III. Последний в ситуации почти 30-летней войны между Францией и Англией отказался утвердить в качестве архиепископа Кентерберийского креатуру Иоанна Джона де Грея и утвердил на эту должность Стефана Лэнгтона – друга и советника Филипа II Французского. Это, естественно, не понравилось королю и было расценено им как вызов. Интересы короля и папы расходились и в силу централизаторской политики, проводившейся папой Иннокентием III, который стремился объединить христианский мир в рамках иерархии под политической и религиозной папской властью [подробнее об этом см.: Астафьев, 2004, с. 320].

Политика Иоанна Безземельного не была чем-то неординарным для его времени. Войны были константой не только в Англии, но и по всей Европе, а бесконечное введение дополнительных финансовых сборов также было обычным явлением. Более того, современные исследования, построенные на анализе ранее не задействованных документов, показывают, что, по сути, Иоанн Безземельный проводил политику своего отца и опирался на сформировавшийся еще при нем круг придворных, осуществлявших практическое управление государством [Эплби, 2018].

И, наконец, учеными была подвергнута сомнению сложившаяся характеристика личности самого монарха. Традиционная трактовка его личности однозначно отрицательная. Она воспроизведена, например, на одном из сайтов в Интернете: «Ни один из хронистов его современников не нашел доброго слова в его адрес. Король был челове-

¹ Так, И.М. Астафьев высказал идею, что «назрела необходимость провести экспертизу давности написания копий Великой хартии вольностей 1215 г. Не окажутся ли они очередным “Константиновым даром”, “изготовленным” в XVII в.?». [Астафьев, 2004, с. 323].

ком чувственным, ленивым и обуреваемым низменными страстями. У него не было ни творческой энергии его отца Генриха II, ни блистательных качеств его старшего брата Ричарда I Львиное Сердце. Он был похож на них лишь пороками. Не имея нравственных и религиозных принципов, он был коварным и жестоким; это был негодный человек, сделавшийся дурным королем. Его бурное царствование отмечилось тремя крупными столкновениями: это борьба с королем Франции Филиппом II Августом, борьба с церковью и, в конце концов, борьба с собственными баронами»¹. Данная характеристика базируется на мнении «хронистов», которое содержится в церковных летописях, соответственно, отражает недовольство теми ущемлениями, которые претерпели церковники в ходе противостояния Иоанна Безземельного с папой Иннокентием III, поэтому для церковных хронистов он неизбежно был нераскаившимся еретиком, неверным мужем и неумелым стратегом. Однако по сохранившимся документам его окружения личность монарха предстает иной: как монарха, который в отличие от своих предшественников постоянно находился в стране, был трудолюбив, активно занимался правосудием, рассматривая лично дела, а собственно управление государством, как уже отмечалось, при нем осуществляла сформированная еще при его отце команда управленцев [Эплби, 2018, с. 319].

Таким образом, история принятия данного документа позволяет дать множество трактовок политической многоходовки того времени. Наличие участников с различными интересами: баронов с их опорой на иностранную военную силу; папы римского, представлявшего в то время единственную централизующую европейскую политико-религиозную силу, французского монарха, отстаивавшего присоединенные ранее территории, и, наконец, Иоанна Безземельного и его окружения – позволяет варьировать акценты трактовки событий и, соответственно, создает богатую основу для интерпретации данного правового акта и обстановки его принятия.

Юристы дают разную интерпретацию классификации этого акта с формально-юридической точки зрения. Аргентинская исследо-

¹ Иоанн Безземельный ... Король без королевства. – URL: <https://shtorm777.ru/ioann-bezzemelnyj-korol-bez-korolevstva.html> (date of access: 25.01.2022).

вательница Мария Клара Евангелиста, проанализировавшая западную правовую литературу по этому вопросу, отметила, что точнее всего характеристика этого акта раскрывается латинским термином *stabilimentum*¹, а его юридическая природа в зависимости от акцентирования внимания на тех или иных статьях Великой хартии вольностей различными авторами определяется как закон, данный королем; договор публичного права в форме королевской уступки; договор частного права; конституционный закон с декларацией прав; договор между королем и народом [Evangelista, 2017, p. 5].

Таким образом, Великая хартия вольностей, рассматриваемая как исторический документ, создает почву для множества интерпретаций, как в науке, так и в произведениях искусства. Все это делает ее любопытным правовым документом, способным заинтересовать общественность уже в силу своей истории и придает особую ценность сохранившимся экземплярам этого документа как культурно-историческим артефактам.

Конституционно-правовой аспект. Великая хартия вольностей является составной частью конституции Великобритании и важнейшим источником идей современного конституционализма. Для того чтобы понять ее значение в этом качестве, необходимо кратко охарактеризовать особенности конституции Великобритании.

В правовых системах современных государств конституции занимают особое положение. В силу своего верховенства они определяют границы воздействия национального права на общественные отношения, а содержащиеся в них нормы, принципы и ценности являются фундаментом всей национальной правовой системы. В силу этого анализу содержания и формальных особенностей конституции юристами уделяется особое внимание.

В большинстве стран мира конституции являются кодифицированными актами. Особенность правовой системы Великобритании – отсутствие кодифицированного акта, который играл бы такую роль. Конституция этой страны имеет сложный состав и включает статуты и хартии, конституционные обычаи и конвенции, а также судебные прецеденты. Эти составные части конституции появились в ней посте-

¹ *Stabilimentum* – «средство укрепления» [Дворецкий, 1986, с. 724].

пенно и многие из них являются древними, как, например, «Статьи Эйр» 1194 г. (Articles of the Eyre 1194)¹ или Великая хартия вольностей 1215 г. (Magna Charta Libertatum 1215), которой посвящена данная статья. Как справедливо отмечает известный российский историк права В.А. Томсинов, «сущность британской конституции таится в особенностях процесса ее формирования и развития. В отличие от конституций других современных государств она не является творением какого-либо конкретного парламента или короля, а представляет собой результат естественно-исторической эволюции государственно-го строя Англии, а с 1707 г. – Великобритании. Содержание британской конституции составлялось постепенно в течение столетий, путем накопления идей, принципов и норм, вырабатывавшихся практикой политической жизни или формулировавшихся в текстах законодательных актов» [Томсинов, 2013, с. 8].

Британские юристы выделяют три вида норм британской конституции: статутное право, общее право и обычай (его важной частью является парламентский обычай) [Hood Phillips, Jackson, 2001, p. 18].

Нормы статутного права содержатся в актах Парламента. Однако последние появляются не в отрыве от предшествующего конституционного регулирования, а в продолжение его и для увязывания правовой системы в единое целое. В силу этого акты Парламента по сути обобщают и кодифицируют прецедентное право, последнее в свою очередь интерпретирует нормы статутов. Таким образом, обеспечивается эволюционное развитие правовой системы Великобритании. К числу важнейших конституционных статутов относят Великую хартию вольностей 1215 г., Билль о правах 1688 г., Акт об урегулировании 1700 г., Акты о парламенте 1911 и 1949 гг., Акт о престолонаследии

¹ Так, перечень актов парламента, которые являются «фундаментальной частью конституционного права», в постановлении Объединенного комитета палаты лордов и палаты общин от 28 ноября 2003 г. открывает акт Articles of the Eyre 1194 (Статьи Эйр 1194 г.). First Report of the Joint Committee on Draft Civil Contingencies Bill 28 November 2003 HL 184 HC 1074 para 183. – URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/jt200203/jtselect/jtdcc/184/18407.htm#a44> (date of access: 25.01.2022).

ледии 1947 г., Акт о правах человека 1998 г.¹, целый ряд актов, связанных со вступлением и выходом из ЕС. Общее право создается судами и это является их конституционным полномочием, которое они реализуют на основе конституционных принципов, прежде всего принципа *stare decisis*, т.е. «неукоснительно придерживаясь решенного ранее».

На основе этого принципа создаются судебные прецеденты, содержащие основополагающие начала организации государства и защиты прав человека: *Ashby v. White*, 1703 г. (*Ubi jus, ibi remedium*²); *Campbell v. Hall*, 1774 (отсутствие полномочия законодательствовать по отношению к колониям, имеющим представительные ассамблеи); *Att.-Gen. v. Wilts United Dairies*, 1922 (отсутствие права взимать деньги без согласия Парламента) и многие другие.

Конституционные обычаи в Великобритании также имеют древние исторические корни. Чтобы соответствовать критериям, выработанным судебной практикой страны, конституционный обычай должен «существовать с незапамятных времен» (*since time immemorial*). Английские юристы связывают значимость конституционных обычаев как части конституции Великобритании прежде всего с их древностью, поскольку они появились еще во времена норманнского завоевания (1066), когда конституция страны в целом имела форму обычая [Hood Phillips, Jackson, 2001, р. 18]. Конституционные обычаи регулируют сферу полномочий и определяют взаимоотношения монарха, парламента и правительства. Они внесены в специальный перечень, хранящийся в библиотеке палаты общин. К ним относятся, в частности, правила: договоры не будут ратифицированы до принятия парламентом соответствующего закона; монарх действует по совету своих министров; все законопроекты о налогообложении должны исходить из палаты общин; только премьер-министр дает советы монарху о роспуске парламента и др. [Яровая, Дерябин, 2018, с. 39].

¹ Этот Акт инкорпорировал в правовую систему Великобритании принципы, нормы и правовые ценности Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Подробнее об этом см.: Иванова, с. 119–128].

² *Ubi jus, ibi remedium* (лат.) – где закон, там и защита.

Среди приведенных выше составных частей конституции Великобритании Великая хартия вольностей 1215 г. не только сохраняет свое конституционное значение для конституционного права страны, но и оказала и продолжает оказывать огромное воздействие на формирование и развитие современных представлений о конституционализме и конституционном строе во всем мире. Хотя по форме в Великой хартии вольностей содержатся положения¹, перечисляющие права и привилегии феодальных сообществ, многие из них имеют фундаментальный характер для современного правового государства, реализации принципа свободы, справедливого правосудия, прав человека. С точки зрения содержания Великая хартия вольностей включает ряд положений, которые считаются аксиомами для современного конституционного права. К их числу относятся свобода церкви от государственного вмешательства, гарантирование права собственности, защита от чрезмерного налогообложения, равенство перед законом, запрет неправомερных действий должностных лиц и др.

Именно поэтому известный конституционалист А. Далья Виа образно назвал в своей статье Великую хартию вольностей «семечком» конституции [Dalla Via, 2016]. По определению английских ученых, Великая хартия вольностей относится к документам «квази-законодательной природы» [Hood Phillips, Jackson, 2001, p. 19], что не мешает ей быть частью конституции Великобритании, в которую, как уже указывалось ранее, входят различные по своей природе и происхождению части.

Великая хартия вольностей 1215 г. как культурно-исторический артефакт

Оригинал правового акта, особенно такого древнего, как Великая хартия вольностей 1215 г., содержит важную правовую информацию о процедуре и времени ее принятия. С правовой точки зрения важно, чтобы оригинал акта был подписан или его подлинность удостоверена иным образом лицами, имеющими на это право (при отсут-

¹ С положениями Великой хартии вольностей 1215 г. подробно можно познакомиться по известному переводу [Петрушевский, 1915, с. 111–127, латинский оригинал приведен на с. 147–159].

ствии у данных лиц таких полномочий возникает вопрос о легитимности самого акта). Указание в правовом (или сопровождающем его) акте даты его принятия является отправной точкой для определения момента начала его действия (если в самом акте не указано иное). Именно оригинал правового акта служит источником для его копирования – факсимильного, т.е. воспроизводящего оригинал во всех даже мельчайших деталях, и / или печатного – для повсеместного и повседневного использования.

Великая хартия вольностей 1215 г. в этом смысле имеет также ряд особенностей. В этот период король не подписывал документы, а прилагал к ним Большую королевскую печать. Считается, что на лугу в Раннимеде он приложил ее к «Статьям баронов», на основе которых королевская канцелярия должна была подготовить текст соглашения. Этот документ не сохранился, по крайней мере до сих пор не обнаружен, но возможность его находки исключать нельзя, поскольку периодически находятся различные ценные архивные документы, включая неизвестные экземпляры Великой хартии вольностей¹. С подготовленного канцелярией документа было сделано более десятка копий, которые были направлены в разные части страны. Поскольку к копиям также была приложена Большая королевская печать, их можно в принципе считать оригиналами Великой хартии вольностей, которые в настоящее время служат не только источником для изучения данного правового акта, но и важнейшими культурно-историческими артефактами. Изучение их в этом качестве включает исследование материала, на котором запечатлен текст, состава использовавшихся чернил, манеры написания и расположения рукописного текста, внесенных в оригинальный текст изменений и др. Максимально приближенные по времени создания к оригиналу документы, упоминающие о нем, также обладают повышенной культурно-исторической ценностью. Охарактеризуем основные черты данного артефакта.

Число экземпляров. В силу обстоятельств создания и утраты первоисточника, а также исходя из способа удостоверения копий, не от-

¹ Так, в 2015 г. в графстве Кент была обнаружена копия Великой хартии вольностей 1300 г. В Англии найдена забытая копия Великой хартии вольностей. – 2015. – 09.02. – URL: https://www.inform.kz/ru/v-anglii-naydena-zabytaya-kopiya-velikoy-hartii-vol-nostey_a2744399 (дата обращения: 25.01.2022).

личающегося от способа удостоверения оригинала (приложение Большой королевской печати), говоря об экземплярах Великой хартии вольностей 1215 г., мы имеем в виду оставшиеся экземпляры из числа десятка с небольшим, разосланные в 1215 г. в регионы Англии. Таких экземпляров четыре. Они хранятся в трех местах в Великобритании: два в Британской библиотеке (British Library), один – в соборе Линкольна (Lincoln Cathedral) и еще один – в соборе Солсбери (Salisbury Cathedral).

Все четыре известных экземпляра Великой хартии вольностей 1215 г. были собраны вместе и выставлены для публики только однажды – в 2015 г. в 800-летнюю годовщину принятия этого документа. В честь этого события в Национальной библиотеке была организована специальная выставка, ставшая важным и уникальным культурным событием. Поскольку ожидался наплыв посетителей, а для сохранности этих уникальных артефактов слишком большая нагрузка нежелательна, было решено ограничить количество пришедших на выставку гостей, выпустив только 1125 билетов. Для их продажи была организована лотерея, в которой могли принять участие все желающие. Результаты лотереи свидетельствуют о значительном интересе публики к этому важному культурному и историческому событию: число участников лотереи превысило число билетов почти в 40 раз¹.

Илл. 2. Все четыре оригинальных списка Великой хартии вольностей 1215 г. на выставке в Британской библиотеке. Фотография с сайта Би-би-си²

¹ URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2015/02/150202_uk_magna_carta_reunion (дата обращения: 12.12.2021).

² Там же.

Помимо экземпляров 1215 г. сохранились распространенные позднее, дополненные и измененные редакции Великой хартии вольностей, которые в силу отличающегося содержания являются самостоятельными артефактами. В результате на настоящий момент сохранилось 27 экземпляров документа, четыре из них с первоначальным текстом 1215 г. (это и есть собственно Великая хартия вольностей в своем первоначальном историко-культурном смысле) и остальные с внесенными изменениями. Анализ последних позволяет оценивать изменения первоначального текста Великой хартии вольностей. В их числе один экземпляр 1216 г., четыре экземпляра 1217 г., четыре экземпляра 1225 г., четыре экземпляра 1297 г.

В некоторых соборах содержится не один, а несколько экземпляров документа. Так, три экземпляра разных лет (1216, 1217 и 1225) хранятся в кафедральном соборе Дарема.

Материал. Все экземпляры Великой хартии вольностей были написаны на пергаменте. Пергамент – весьма сложный в обработке писчий материал. Как отмечается в литературе, «готовили пергамент долго. Шкуры телят, козлят или баранов не старше шести недель обезжиривали, расколачивали на наковальнях, размачивали в проточной воде, разрыхляли в сырой яме с известью, проквашивали в овсяных или пшеничных отрубях, дубили растительными экстрактами. Предварительно посыпанную мелом кожу полировали пемзой. Результат складывали в тетради или скручивали свитки» [Малахов, 2017, с. 25]. В результате этих воздействий получался прочный, эластичный, влаго- и термоустойчивый материал. Эти достоинства пергамента позволяли его использовать в качестве материала для фиксации и хранения нормативных актов. В Великобритании традиция запечатлевать значительные законы королевства на пергаменте просуществовала долго и была отменена парламентом только в 1956 г. [Малахов, 2017, с. 27]. Полученные листы пергамента не были одинаковыми: их размеры и форма различались в зависимости от того, какие части шкур животных подверглись обработке.

Способ расположения и начертания текста. Экземпляры Великой хартии вольностей 1215 г. были написаны «от руки» гусиными перьями на средневековой латыни, так составлялись все юридические документы того времени. Стиль написания являлся «канцеляр-

ским», «курсивным», т.е. он отличался от того, которым писались книги в это время.

Поскольку материал был достаточно дорогостоящим, сложилась традиция заполнения полученного «листа» целиком, начиная с левого угла, без выделения абзацев и без «красной строки». В результате в противоположность обязательной для современных правовых актов идентичности актов по форме (точного совпадения расположения статей и их абзацев), копии одного и того же правового акта, которые рассылались в разные части королевства для ознакомления и исполнения, не были идентичными по расположению текста. Совпадение строк с первоисточником не выдерживалось в силу различия в размерах пергаментов: для писцов было важно использовать все свободное пространство. Но текстуально экземпляры Великой хартии вольностей 1215 г. полностью совпадают. В результате каждый экземпляр этого важнейшего правового акта является уникальным культурно-историческим артефактом. Оригинал Великой хартии вольностей не имел деления на статьи, это было сделано позднее, в XVI в., знаменитым английским юристом и популяризатором идей Великой хартии вольностей Эдвардом Куком.

Чернила. С точки зрения исторической науки интерес представляют собой и чернила, которыми был написан текст. Благодаря специальному составу, чернила, которыми написаны сохранившиеся экземпляры Великой хартии вольностей, сохранили свою яркость, не выцвели, что видно и на фотографии (илл. 4). Их изготавливали из дубовых орешков¹, ржавчины железа и смолы².

Оттиски королевской печати. Что касается подписи главы государства или других уполномоченных на то лиц, удостоверяющих идентичность текста, то во время написания Великой хартии вольностей монархи не подписывали акты, а удостоверяли их, прилагая Большую королевскую печать, что было равносильно одобрению документа. Это обстоятельство стало важной интригой знаменитого произведения Марка Твена «Принц и нищий», в котором было пока-

¹ Дубовые орешки – это наросты на листьях дуба, из которых извлекали дубильные вещества [см. об этом Гудков, 2014, с. 32].

² URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/03/magnacarta/> (дата обращения: 20.01.2022).

зано, что владение печатью было равносильно праву управления государством, а ее отсутствие парализовало государственную жизнь. Однако на самом деле печать имели только взрослые члены королевской семьи (печать была именная), наглядным свидетельством этого является хранящийся в Библиотеке университета Оксфорда экземпляр Великой хартии вольностей 1217 г., который от имени малолетнего короля Генриха III (наследника Иоанна Безземельного) был направлен в графство Глостершир опекунами Генриха папским легатом кардиналом Гуала Биккьери и Уильямом Маршалом-старшим графом Пембруком. Соответственно, на этом экземпляре вместо оттиска одной королевской печати имеется два оттиска печатей его опекунов (илл. 3)¹.

Илл. 3. Великая хартия вольностей, 1217.
Бодлианская библиотека Оксфордского университета

¹ В комментарии к данному экземпляру, выпущенному Музеем изобразительного искусства Сан-Франциско, где выставлялся данный экземпляр Великой хартии вольностей 1217 г., говорится о состоянии этих печатей следующее: «Клеймо кардинала слева сохранилось только в виде смазанного овального комка из белого воска, но небольшая круглая печать графа из зеленого воска справа, изображающая графа верхом на лошади, сохранилась, подтверждая подлинность документа». Источник: Fine Arts museums of San Francisco. – URL: <https://www.famsf.org/press-room/magna-carta> (date of access: 25.01.2022).

Оттиски печати сохранились не на всех экземплярах Великой хартии вольностей 1215 г., на некоторых они утрачены или находятся в недостаточно хорошем состоянии. Хорошо сохранившийся оттиск королевской печати сам по себе является ценным историческим артефактом. Наилучшим образом сохранился оттиск королевской печати на экземпляре Великой хартии вольностей 1215 г. из собора в Солсбери (илл. 4).

*Илл. 4. Великая хартия вольностей 1215 г. из собора в Солсбери*¹

Приведенный ниже рисунок печати Иоанна Безземельного позволяет оценить художественную сторону его печати (илл. 5). На одной стороне печати монарх изображен в короне, сидящим на троне с символами власти в руках: державой в левой руке и церемониальным мечом в правой. Это изображение популярно и неоднократно использовалось на юбилейных монетах, посвященных памятным датам, относящимся к Великой хартии вольностей (см. илл. 13 и комментарий к ней). На обратной стороне печати монарх изображен скачущим на боевом коне, видимо, на войну, с обнаженным мечом, в кольчуге и со щитом.

¹ Четыре экземпляра Магна Карты впервые собраны вместе. – 2015. – 2 февраля. – URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2015/02/150202_uk_magna_carta_reunion (date of access: 25.01.2022).

Илл. 5. Печать Иоанна Безземельного. Библиотека искусств Бриджмена¹

Подтверждающие документы XIII в. Подлинность одного из четырех известных экземпляров из собора в Солсбери дополнительно подкрепляется любопытным историческим документом, который проясняет обстоятельства его поступления в место современного хранения. Сотрудница архива собора обнаружила в одной из приходных книг библиотеки среди множества информации о других поступлениях запись, относящуюся к 1215 г., которая сообщает о поступлении экземпляра Великой хартии вольностей и воспроизводит содержание ее текста, совпадающее с содержанием имеющегося в соборе экземпляра². Эта запись дополнительно подтверждает аутентичность экземпляра Великой хартии вольностей 1215 г., хранящегося в соборе Солсбери, его уникальность и высокую культурную и историческую ценность³.

Культурная ценность и стоимость. Культурная ценность для человечества всех экземпляров Великой хартии вольностей неоспори-

¹The Great Charter. – 2015. – 6 May. – URL: <https://www.canadashistory.ca/explore/politics-law/the-great-charter> (date of access: 25.01.2022).

²URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2015/02/150202_uk_magna_carta_reunion (date of access: 25.01.2022).

³Magna Carta В этом году Британия празднует 800-летие Великой хартии вольностей. – URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/03/magnacarta/> (дата обращения: 20.01.2022).

ма. Четыре экземпляра 1215 г. являются бесценными, не подлежат отчуждению. Это подтвердила и ситуация с возвращением экземпляра Великой хартии вольностей 1215 г. из собора в Линкольне, которая была отправлена в 1939 г. в США и выставлена в британском павильоне на Всемирной выставке в Нью-Йорке, но вернуть перед Второй мировой войной ее не удалось, а во время войны из-за опасности гибели в условиях военных действий этот экземпляр остался на безопасном хранении в США. После войны обсуждалась возможность оставить копию в США (в знак признательности за участие США в войне на стороне коалиции, но и не только поэтому), но собор как собственник документа отказал, и экземпляр вернулся в Великобританию.

Соответственно, оценка стоимости этих уникальных экземпляров Великой хартии вольностей 1215 г. может быть только очень приблизительной, учитывающей множество косвенных колеблющихся и меняющихся факторов (от желанности в глазах коллекционеров данного предмета до того, сколько известные коллекционеры мира согласились бы заплатить за них) и в целом напоминающей гипотетическую оценку шукинской коллекции, описанную в книге известного арт-дилера и специалиста аукционного дома «Сотби» Ф. Хука как «полет в царство фантазии» [Хук, 2021, с. 398].

Что касается других экземпляров Великой хартии вольностей, то опыт выставления некоторых из них на аукционную продажу позволяет сделать в целом приблизительную оценку стоимости данного культурно-исторического артефакта в денежных единицах. Так, на аукционе Sotheby's в Нью-Йорке в 2007 г. был выставлен один из экземпляров Великой хартии вольностей 1297 г., т.е. периода правления короля Эдуарда I Длинного. Этот экземпляр принадлежал в прошлом семье Бруденелл из графства Нортгемптоншир, как оказался у них доподлинно неизвестно, но не позднее 1600 г. уже находился в их владении. В 1983 г. был продан американскому миллиардеру Россу Перро, который передал его на хранение в Национальный архив в Вашингтоне для всеобщего обозрения. В 2007 г. он решил продать экземпляр Хартии для того, чтобы выручить дополнительные средства на благотворительность. По предварительной оценке экспертов Sotheby's, продажная стоимость этого экземпляра могла составлять 20–30 млн долл., торги начались с 12 млн долларов, а продана копия

была за 21 млн долларов практически без торга одному из основателей инвестиционной компании The Carlyle Group Дэвиду Рубенстайну, который приобрел документ, чтобы этот ценнейший артефакт не ушел из страны¹.

Великая хартия вольностей как объект изобразительного искусства

Поскольку Великая хартия вольностей является в высокой степени значимым для человечества документом, не удивительно, что за время ее существования она стала объектом изображения во множестве произведений изобразительного искусства и запечатлена в скульптурах, живописи, графике, цифровых произведениях искусства как в самой Великобритании, так и за ее пределами. Естественно, дать даже краткий обзор эволюции образа Великой хартии вольностей в произведениях изобразительного искусства и только современного состояния вопроса в рамках одной статьи не представляется возможным. Однако имеет смысл обратить внимание читателей на некоторые особенности, имеющие отношение к теме.

Доминирующая тема изображений Великой хартии вольностей относится к моменту ее дарования. «Классические» варианты показывают данный момент как исполненный глубокой значимости. К числу таких современных изображений можно отнести, например, скульптурную группу, посвященную утверждению Великой хартии вольностей Иоанном Безземельным (илл. 6). Этот момент представлен как предельно торжественный и вместе с тем напряженный для его участников. Монарх сидит на троне и утверждает документ буквально на ручке трона. Великая хартия вольностей выглядит как небольшой листок пергамента. Как представляется, это сделано скульптором, чтобы сконцентрировать внимание зрителя на торжественности момента, поэтому фигуры участников выглядят, наоборот, крупными и значимыми, полными силы, за исключением, может быть, монарха, выглядящего скорее измученным (илл. 6).

¹ На Sotheby's продана копия Великой хартии вольностей // [Коммерсантъ](https://www.kommersant.ru/doc/838033). – 2007. – 19.12. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/838033> (дата обращения: 25.01.2022).

Илл. 6. Скульптурная группа «Иоанн Безземельный подписывает Великую хартию вольностей». Вашингтонский кафедральный собор¹

Как правило, Великая хартия вольностей изображается в виде свитка, что соответствует «физической природе» этого документа (см.: Андреева, 2021, с. 18). Однако само это изображение, как правило, далеко от любой из четырех известных копий, оно скорее просто стилизовано под некий свиток. В скульптурных изображениях свиток Великой хартии вольностей выглядит идеально правильным прямоугольником. Решающую роль в выборе его формы для скульптур играет как замысел скульптора, так и то, что сам материал, с которым работает мастер, имеет определенные пластические границы передачи изображения. В камне строгие геометрические формы лучше сочетаются с изображениями в классическом стиле, к которым тяготеют скульпторы при передаче момента появления Великой хартии вольностей. Более реалистичное изображение свитка, сделанное по одной из копий, противоречило бы четким классическим канонам скульптуры и отвлекало бы от замысла художника, сосредоточенного на передаче важности момента через психологические портреты главных персонажей создания данного акта.

Следует отметить, что и в прошлом, и в настоящем изображение момента дарования Великой хартии вольностей как определенно-

¹ URL: <https://postnauka.ru/longreads/50386> (дата обращения: 25.01.2022).

го торжественного события сопровождается деталями, которые не соответствуют историческим сведениям и превращают соответствующие произведения искусства скорее в аллегории. Изображения указанного события отличаются переносом в историю современных представлений о способе утверждения акта в виде его подписания, а не приложения печати, как это происходило в XIII в. Именно так представлено событие на яркой, наполненной светом и цветом картине художника Артура Майкла, растиражированной в Интернете (илл. 7). Причем в комментарии к иллюстрации отмечается, что хотя на картине Иоанн пользуется гусиным пером, на самом деле документ удостоверил оттиск его печати¹.

Илл. 7. Артур Майкл. Король Иоанн подписывает Великую хартию вольностей²

¹The Great Charter. – 2015. – 6 May. – URL: <https://www.canadashistory.ca/explore/politics-law/the-great-charter> (date of access: 25.01.2022).

²URL: <https://topwar.ru/187856-ioann-mjagkij-mech-i-porazhenija-anglii.html> (дата обращения: 25.01.2022).

А вот известная гравюра Э. Эванса (1826–1905) по картине Дж. Дойла «Иоанн Безземельный подписывает Великую хартию вольностей» используется в качестве иллюстрации к различным публикациям о Великой хартии вольностей, как правило без такого комментария, хотя на ярком и декоративном рисунке король, окруженный баронами и в присутствии священника (как будто напряженно застывших в ожидании конфирмации), также подписывает гусиным пером документ, а не прикладывает печать.

Илл. 8. Гравюра Э. Эванса (1826–1905) по картине Дж. Дойла «Иоанн Безземельный подписывает Великую хартию вольностей»¹

Эта же сцена, но уже в карикатурном, сатирическом ключе представлена на сайте, посвященном британской истории (илл. 9). В отличие от предшествующего изображения, акцент сделан на очевидном давлении на монарха, он изображен каким-то потерянным, а вокруг него толпа вооруженных людей, ошестинившаяся пиками, на втором плане видны всадники. При этом на первом плане рисунка оказался не король, а толстый и самодовольный барон, а за спиной

¹ URL: <https://dpicuantico.com/2016/06/15/la-semilla-de-la-constitucion/> (date of access: 25.01.2022).

короля сразу два священника. Здесь король также пользуется для подтверждения гусиным пером, а не печатью, кроме того, изображен очень длинный вариант свитка, подчеркивающий множественность жалоб, что должно, видимо, по мнению художника, свидетельствовать о многочисленности претензий баронов к монарху.

Илл. 9. Иоанн Безземельный подписывает Великую хартию вольностей¹

Еще заостренное непростая ситуация подписания Великой хартии вольностей показана в карикатуре, которая является иллюстрацией к выраженной в статье Д. Карпентера «Великая хартия вольностей: поворотный момент английской истории» идее о том, что бароны «подрезали крылья королю-тирану» [Carpenter]. Король изображен завернутым в свиток Великой хартии вольностей подобно тому, как в некоторых детективных фильмах преступники закатывают жертву в ковер. В этом рисунке идея сложного противостояния выражена наглядно, поскольку и сами участники действия не выглядят дружелюбными как по отношению друг к другу, так и, естественно, к «похищаемому» (один из них выразительно надавливает рукой на плечо мо-

¹ Источник: Johnson B. The History of the Magna Carta. – URL: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/HistoryofEngland/The-Origins-of-the-Magna-Carta/> (date of access: 25.01.2022).

нарха, пытаясь продать его внутри свитка Великой хартии вольностей, остальные «бароны» переглядываются хмуро и недовольно). Эта карикатура не только утрировано, в сатирическом ключе выражает представления о навязанности королю исследуемого правового документа, но и отражает сложные отношения между самими баронами. Вместе с тем обращает на себя внимание крупная и тщательно нарисованная печать Иоанна Безземельного (сторона с королем, сидящим на троне) – очевидный результат популяризации Великой хартии вольностей 1215 г., скорее всего экземпляра из Солсбери.

Илл. 10. Без названия. Иллюстрация к статье Д. Карпентера¹

Другая проблематика Великой хартии вольностей, которая находит художественное выражение в произведениях изобразительного искусства, связана с реализацией прав человека и гражданина. Нарушения в данной сфере общественной жизни, а также ограничения прав человека заставляют художников вспомнить о Великой хартии вольностей и провозглашенных в ней правовых ценностях. Выразительная работа известного карикатуриста Питера Брукса «Великая хартия вольностей, мини-хартия вольностей» (илл. 11) появилась в Times в

¹ Carpenter D. Magna Carta: A turning point in English history. – URL: <https://www.historyextra.com/period/plantagenet/magna-carta-a-turning-point-in-english-history/> (date of access: 25.01.2022).

момент, когда в Великобритании активно обсуждался и подвергался суровой критике, как подрывающий гражданские свободы, проект Закона о предотвращении терроризма (2005). Предназначенные для пресечения деятельности лиц, подозреваемых в терроризме, меры включали комендантский час, домашний арест и ограничения по трудоустройству, на поездки, контакты и участие в объединениях.

Илл. 11. Питер Брукс. Великая хартия вольностей, мини-хартия вольностей. The Times. 3 марта 2005¹

В карикатуре Великая хартия вольностей как символ британского конституционного наследия сопоставлена с документом в руках возглавлявшего в тот период правительство премьер-министра Тони Блэра. «Мини-хартия» в руках Блэра называется «Новые лейбористы и права человека» и содержит пометку «домашний арест и т.д., и т.д., и т.д., и т.д., и т.д.». Сильно утрированное сатирическое изображение самого премьер-министра тоже говорит об отрицательной оценке ситуации. Указанный Закон был одобрен в 2005 г. и отменен в 2011 г., в связи с тем, что Высокий суд признал его несовместимым с Европейской конвенцией о правах человека. В карикатуре было подчеркнуто значение Великой хартии вольностей как точки отсчета английского

¹ URL: <https://www.bl.uk/collection-items/cartoon-entitled-magna-carta-mini-carta-and-featuring-tony-blair> (date of access: 21.01.2022).

конституционализма, к которой возвращаются в сложных ситуациях, а практика отмены неконституционного по сути закона раскрыла и связь ее с современными общеевропейскими ценностями.

Как серьезные, так и различного рода юмористические изображения на тему Великой хартии вольностей представлены на ряде сайтов в Интернете, они являются важной частью массовой культуры и используются при изготовлении туристической символики Великобритании. Их размещают на футболках, кружках, сумках, подушках и других предметах быта¹. Кроме того, выпускаются футболки с текстом документа, для декоративности украшенные старинными гербами по краям текста (илл. 12).

Илл. 12. Футболка «Magna Carta Libertatum – King John English Charter Of Rights»²

Поддерживает интерес к этому документу и нумизматика, поскольку периодически к юбилейным датам выпускаются монеты, по-

¹ Magna Carta Libertatum cartoons and comics. – URL: https://www.cartoonstock.com/directory/m/magna_carta_libertatum.asp (date of access: 25.01.2022).

² URL: <https://teeherivar.com/product/magna-carta-libertatum-king-john-english-charter-of-rights/> (date of access: 25.01.2022).

священные Великой хартии вольностей. В частности, к 800-летию в странах Содружества были выпущены различные варианты монет, на одних изображен на реверсе Иоанн Безземельный в сопровождении барона и священника, на других – одна из сторон печати Иоанна Безземельного.

Илл. 12. Двухфунтовая монета, посвященная 800-летию юбилею Великой хартии вольностей 1215 г., отчеканенная Королевским монетным двором Великобритании в 2015 г.¹, и австралийская 20-центовая мельхиоровая монета 2015 г.²

Заключение

Анализ Великой хартии вольностей 1215 г. в совокупности трех аспектов: как правового акта, культурно-исторического артефакта и объекта изобразительного искусства – показывает, что, во-первых, все эти три аспекта являются своего рода современными «ипостасями» этого правового документа, каждая из которых взаимосвязана с остальными, подкрепляя и усиливая их, что придает уникальность Великой хартии вольностей 1215 г. как правовому феномену и явлению массовой культуры. Вместе с тем проведенный анализ свидетельствует о том, что каждая из ипостасей обладает автономностью и собственным уникальным местоположением в едином культурном про-

¹ Сайт Монета. мир. – URL: <http://www.monetamir.ru/item3926.html> (дата обращения: 25.01.2022).

² L'Australie celebra la Magna Charta. – 2015. – 25 MARZO. – URL: <https://numistoria.altervista.org/blog/?p=18455> (date of access: 25.01.2022).

странстве. Содержание Великой хартии вольностей как конституционно-правового акта мультиплицируется на множество конституций, национальных и международно-правовых документов и тем самым она как бы воплощается в современных правовых актах. Великая хартия вольностей как культурно-исторический артефакт, представляющий в этом качестве особое культурно-историческое наследие человечества, не тиражируема и воплощена в нескольких уникальных экземплярах. Образы Великой хартии вольностей в изобразительном искусстве, с одной стороны, раскрывают значимость и ценность Хартии как правового и культурно-исторического документа, с другой стороны – в современных условиях способствуют многостороннему и объективному осмыслению данного документа в постмодернистском духе.

Список литературы

- Авлиев В.Н., Наранова З.Ю.* К вопросу об историографическом аспекте Великой хартии вольностей // ScienceTime. – 2015. – № 5(17). – С. 16–20.
- Андреева Г.Н.* Образ конституции в виде свитка в произведениях изобразительного искусства // Культурология, филология, искусствознание: актуальные проблемы современной науки : сб. ст. по матер. LI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2021. – № 10(43). – С. 10–25.
- Астафьев И.М.* Великая хартия 1215 г. : английский миф? // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – Вып. 11(79). – С. 318–324.
- Гудков А.В.* Трость и свиток: Инструментарий средневекового книгописца и его символично-аллегорическая интерпретация // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5. Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2014. – № 1(13). – С. 19–46.
- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. – 3-е изд. – Москва : Рус. яз., 1986. – 840 с.
- Иванова И.К.* Акт о правах человека 1998 г. : инкорпорация Конвенции о защите прав человека и основных свобод в правовую систему Соединенного королевства // Труды Института государства и права РАН. – 2014. – № 6. – С. 119–128.
- Малахов А.А.* Бумага : пределы и формы терпения. – Рыбинск : Медиаарт, 2017. – 160 с. : илл.
- Минаков П.А.* Великая хартия вольностей: современное правовое прочтение // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – С. 149–154.
- Петрушевский Д.М.* Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII вѣка. – Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1915. – 176 с.

Томсинов В.А. Развитие британской конституции в XX – начале XXI в. (статья первая) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2013. – № 2. – С. 3–23.

Хук Ф. Завтрак у Sotheby's. Мир искусства от А до Я. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2021. – 416 с.

Элби Дж. Т. Иоанн, король Англии. Самый коварный монарх Средневековой Европы. – Москва : Центрполиграф, 2018. – 319 с.

Яровая М.В., Дерябин Ф.Ю. Историко-правовые аспекты формирования неписаной конституции Великобритании // Вестник МГПУ. Серия Юридические науки. – 2018. – № 1(29). – С. 34–46.

Carpenter D. Magna Carta : A turning point in English history. – URL: <https://www.historyextra.com/period/plantagenet/magna-carta-a-turning-point-in-english-history/> (date of access: 25.01.2022).

Dalla Via A.R. La semilla de la constitución. – URL: <https://dpicuantico.com/2016/06/15/la-semilla-de-la-constitucion/> (accessed 25.01.2022) (date of access: 25.01.2022).

Evangelista M.C. A 800 años de la Carta Magna inglesa de 1215. – URL: http://www.calp.org.ar/wp-content/uploads/2017/05/carta_magna_inglesa.pdf

Hood Phillips O., Jackson P. Constitutional and administrative Law. – London : Sweet & Maxwell, 2001. – 855 p.

Johnson B. The History of the Magna Carta. – URL: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/HistoryofEngland/The-Origins-of-the-Magna-Carda/> (date of access: 14.12.2021).

Satrústegui Gil-Delgado M. La Magna Carta : realidad y mito del constitucionalismo pactista medieval // Historia Constitucional. – Oviedo (España), 2009. – N 10. – P. 243–262.

References

Avliev, V.N., Naranova, Z. Ju. (2015). K voprosu ob istoriograficheskom aspekte Velikoj hartii vol'nostej [On the question of the historiographical aspect of the Magna Carta]. In *Science Time*, (5(17)), (pp. 16–20). (In Russ.)

Andreeva, G.N. (2021). Obraz konstitucii v vide svitka v proizvedenijah izobrazitel'nogo iskusstva [The image of the constitution in the form of a scroll in works of fine art]. In *Kulturologija, filologija, iskusstvovedenie: aktual'nye problemy sovremennoj nauki: sb. st. po mater. LI mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Culturology, philology, art criticism: actual problems of modern science : collection of articles according to the materials LI international scientific-practical conf.], (10 (43)), (pp. 10–25). Novosibirsk : SibAK. (In Russ.)

Astaf'ev, I.M. (2004). Velikaja hartija 1215 g.: anglijskij mif? [The Magna Carta of 1215: an English myth?]. In *Vestnik TGU. Serija Gumanitarnye nauki* [Bulletin of TSU. Humanities series], (11 (79)), (pp. 318–324). (In Russ.)

Gudkov, A.V. (2014) Trost' i svitok : Instrumentarij srednevekovogo knigopisca i ego simboliko-allegoricheskaja interpretacija [The Cane and the Scroll: The Tools of a Medieval Bookseller and his symbolic and allegorical interpretation]. In *Vestnik Pravoslavnogo*

Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 5. Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 5. Questions of the history and theory of Christian Art], (1 (13), (pp. 19–46). (In Russ.)

Dvoreckij, I.H. (1986). *Latinsko-russkij slovar'*: ok. 50 000 slov. 3 izd. [Latin-Russian dictionary: approx. 50,000 words. 3 rd ed.]. Moscow : Rus. jaz. (In Russ.)

Ivanova, I.K. (2014). Akt o pravah cheloveka 1998 g. : Inkorporacija Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod v pravovuyu sistemu Soedinennogo korolevstva [Human Rights Act 1998 : Incorporation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms into the legal system of the United Kingdom]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], (6), (pp. 119–128). (In Russ.)

Malahov, A.A. (2017). *Bumaga : predely i formy terpenija* [Paper : limits and forms of patience]. Rybinsk : Mediarost. (In Russ.)

Minakov, P.A. (2015). Velikaja hartija vol'nostej: sovremennoe pravovoe prochtenie [Magna Carta: modern legal interpretation]. In *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika* [The legal state: theory and practice], 149–154. (In Russ.)

Petrushevskij, D.M. (1915). *Velikaja hartija vol'nostej i konstitucionnaja bor'ba v anglijskom obshestve vo vtoroj polovine XIII veka* [Magna Carta and the Constitutional struggle in English society in the second half of the XIII century]. Moscow : Izdanie M. i S. Sabashnikovyh. (In Russ.)

Tomsinov, V.A. (2013). Razvitie britanskoj konstitucii v XX – nachale XXI v. (stat'ja pervaja) [Development of the British Constitution in the XX – early XXI century (Article one)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11 : Pravo* [Bulletin of the Moscow University. Episode 11 : Law], (2), (pp. 3–23). (In Russ.)

Huk, F. (2021). *Zavtrak u Sotheby's. Mir iskusstva ot A do Ja* [Breakfast at Sotheby's. The world of art from A to Z]. Saint Petersburg : Azbuka. (In Russ.)

Jeplbi, Dzh.T. (2018). Ioann, korol' Anglii. Samyj kovarnyj monarh Srednevekovoj Evropy [John, King of England. The most insidious monarch of Medieval Europe]. Moscow : Centrpoligraf. (In Russ.)

Yarovaya M.V., Deryabin F. Yu. (2018). Istoriko-pravovye aspekty formirovaniya nepisanoj konstitucii Velikobritanii [Historical and legal aspects of the formation of the unwritten Constitution of Great Britain]. In *Vestnik MGPU. Seriya Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series of Legal Sciences], (1 (29)), (pp. 34–46). (In Russ.)

Carpenter, D. Magna Carta : A turning point in English history. URL: <https://www.historyextra.com/period/plantagenet/magna-carta-a-turning-point-in-english-history/> (date of access: 25.01.2022).

Dalla, Via A.R. La semilla de la constitución. URL: <https://dpicuantico.com/2016/06/15/la-semilla-de-la-constitucion/> (date of access: 25.01.2022).

Evangelista, M.C. A 800 años de la Carta Magna inglesa de 1215. URL: http://www.calp.org.ar/wp-content/uploads/2017/05/carta_magna_inglesa.pdf (In Span.).

Hood, Phillips O., Jackson, P. (2001). Constitutional and administrative Law. London : Sweet & Maxwell.

Johnson, B. The History of the Magna Carta. URL: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/History of England/The-Origins-of-the-Magna-Carta/> (date of access: 14.12.2021).

Satrústegui Gil-Delgado, M. (2009). La Magna Carta : realidad y mito del constitucionalismo pactista medieval [La Magna Carta : realidad y mito del constitucionalismo pactista medieval]. In *Historia Constitucional*, (10), (pp. 243–262). Oviedo (España). (In Span.)

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

УДК 304.2

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.10

Шипилов А.В.¹

[ПОСТ]СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: [ДО]ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ[©]

Аннотация. Прогресс телекоммуникационных технологий на данном этапе развития ведет к слиянию обособленных ранее сфер и сегментов социокультурного континуума. Институты индустриального общества размягчаются и размываются, примером чего может послужить школа: дистанционное образование, доля и значение которого резко выросли в силу мер, предпринимаемых в связи с пандемией COVID-19, приводит к диффузии его в домашнюю бытовую повседневность, что превращает дидактику модерна в анахронизм, не соответствующий наличным условиям. Речь не только об образовании: процессы деинституционализации в обществе в целом становятся все более интенсивными, что делает процессуальность, изменчивость, текучесть определяющим свойством постмодерной социальности. Чтобы понять происходящее, в общественных науках задействуются концепты и концепции, посредством которых социальное репрезентируется как динамическое и темпоральное. Это позволяет выявить аналогию между постиндустриальным и доаграрным обществом, обладавшим сетевым, потоковым и флексибельным характером, что предпо-

¹ *Шипилов Андрей Васильевич* – доктор культурологии, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия, e-mail: andshipilo@yandex.ru

Shipilov Andrej Vasil'evich – Doctor of Culturology, professor of the Department of Philosophy, Economics, Social and Humanitarian Disciplines of the Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, e-mail: andshipilo@yandex.ru

© Шипилов А.В., 2022

ложительно может быть осмыслено в рамках теории развития по спирали.

Ключевые слова: пандемия; дистант; социальность; текучесть; темпоральность; гибкость; постиндустриальное и доаграрное общества.

Получена: 10.12.2021

Принята к печати: 25.12.2021

**Shipilov A.V.
[Post] Modern Sociality: [Pre] Historical Analogues**

Abstract. The progress of telecommunication technologies at this stage of development leads to the merger of previously isolated spheres and segments of the socio-cultural continuum. The institutions of an industrial society are softening and eroding, an example of which can be the school: distance education, the share and importance of which has grown sharply due to the measures taken in connection with the COVID-19 pandemic, leads to its diffusion into everyday household everyday life, which turns the didactics of modernity into an anachronism that does not meet the available conditions. It's not just about education: the processes of deinstitutionalization in society as a whole are becoming more and more intense, which makes processuality, variability, and fluidity the defining property of post-modern sociality. To understand what is happening, the social sciences use the concepts and concepts through which the social is represented as dynamic and temporal. This allows us to identify an analogy between post-industrial and pre-agricultural society, which also had a network, streaming and flexible character, which can presumably be interpreted within the framework of the theory of spiral development.

Keywords: pandemic; teleworking; sociality; liquidity; temporality; flexibility; post-industrial and pre-agricultural society.

Received: 10.12.2021

Accepted: 25.12.2021

Ковидные перемены. То или иное упоминание о COVID-19 уже стало обязательным рефреном в любом разговоре о современном состоянии постсовременного общества, и хотя мне этого совершенно бы не хотелось, упомянуть о нем – хотя бы в качестве преамбулы –

придется. Разумеется, имеются в виду изменения в организации труда, потребления и досуга, принесенные пандемией, а точнее, мерами, предпринимаемыми в противодействие ей, типа локдауна, дистанта и карантина. Наиболее очевидным следствием последнего стала масштабная демобилизации населения – ограничение деловых и туристических поездок и перелетов между странами и внутри государств и стеснение передвижений внутри населенных пунктов, сводимых к марш-броскам от дома до магазина. Но сокращение касается, в принципе, только территориальной мобильности и, по всей видимости (хотелось бы надеяться), есть явление временное: вынужденные карантинны, закрытия границ и запреты на посещение разного рода мест и мероприятий по мере вакцинации (ревакцинации, реревакцинации и т.д.) начнут постепенно отменяться, хотя доковидная степень свободы передвижения будет вновь достигнута еще не скоро (если вообще будет). Что же касается других текущих тенденций и трендов постмодернити, то они в условиях пандемии, кажется, не переламаываются, а, наоборот, интенсифицируются. По крайней мере, К. Шваб и Т. Маллере, анализируя вирусную «новую нормальность», приходят к выводу, что пандемия – точнее, связанное с ней требование социальной дистанции – ускоряет рост автоматизации и, соответственно, приводит к сокращению рабочих мест, а также стимулирует переход на дистанционную работу из дома. Это, по их мнению, хорошо и правильно; трудиться из дома полезно как в плане состояния окружающей среды, так и в плане личного благополучия, ибо поездки на работу разрушают последнее, и чем дольше приходится до работы добираться, тем вреднее это становится для нашего физического и психического здоровья [Schwab, Malleret, 2020, p. 43–44, 111–112, 119–120]. Прочие рассуждения авторов о том, что между COVID-19 и загрязнением воздуха существует прямая причинно-следственная связь (последнее – причина, первый – следствие) и потому необходимо содействовать «зеленому тренду» к соответствующего цвета экономике, предполагающей снижение роста ВВП или даже отрицательный рост и ограничение потребления, выглядят интересно, но несколько ангажированно; не исключая, что *future could be greener than we commonly assume*, все же предположим, что желаемое здесь выдается за действительное.

В то же время о работе, проникшей в дом, стоит подумать, ибо работать все чаще и больше приходится именно так.

От диктанта к дистанту. Я говорю о том, что мне всего понятней и ближе – о сфере образования. В течение последних двух лет в силу мер, раз за разом предпринимаемых для борьбы с коронавирусной пандемией, все или подавляющее большинство школьников и студентов, учителей и преподавателей получили опыт того, как можно учить и обучаться, не выходя из дома. Удобство и эффективность дистанционного обучения с помощью сервисов конференц-связи (Zoom и другие платформы) остаются спорными: видеолекции, видеосеминары, видеоэкзамены и т.п. в режиме реального времени имеют и положительные, и отрицательные стороны, и трудно сказать, какие из последних превалируют. В то же время несомненно, что дистант пришел в образование всерьез и надолго, и так или иначе из факультативно-дополнительной формы становится одной из базовых. В связи с этим возникают проблемы как дидактического, так и институционального характера. С одной стороны, воспроизведение традиционных классно-урочных и аудиторно-групповых форм обучения на основе сегодняшних видеокommunikационных технологий выглядит не вполне адекватным, так как конференц-сервисы в принципе не требуют нахождения преподавателя и обучаемых не только в одном месте, но и в одно время. Все или часть последних могут просматривать / прослушивать лекцию в записи, размещенной в облачном хранилище данных, в наиболее удобный для себя момент; в этих условиях конспект становится рудиментом, диктовка превращается в атавизм. С другой стороны, рассогласование старых способов и новых средств обучения есть проблема далеко не главная. Если существует и возможность, и необходимость обучаться и обучать из дома, то для чего тогда нужны классы и аудитории, спортзалы и библиотеки, столовые и котельные, – весь сложный комплекс зданий и помещений, обслуживающий его персонал, расходы на электро- и водоснабжение, отопление и канализацию, уборку и охрану, и так далее и тому подобное? Если обучение становится виртуальным, останутся ли школа и университет материальными?

Трудно сказать; наверное, полной виртуализации образования в ближайшее время ожидать не стоит, но тенденция к его видоизменению наличествует. В связи с этим имеет смысл вспомнить о том, что

модерная / современная система образования приобрела все еще остающийся привычным нам вид только в эпоху Нового времени, причем в главных чертах – лишь в XIX в. В премодерной / досовременной средневековой Европе имеющий степень магистра учитель учил где угодно и как угодно учеников, не знавших никаких форм контроля над собой за пределами учебных часов. Учитель и ученики встречались где-нибудь во дворе, в церкви или у ее дверей, а порой и просто на углу улицы, где и происходил процесс обучения. Если у преподавателя имелись какие-то средства, он снимал помещение (оно-то и называлось *schola*), где ученики сидели прямо на полу, покрытом соломой. В этом помещении (другие площади в том же здании могли арендовать как учителя-конкуренты, переманивавшие друг у друга учеников, так и конкуренты иного рода – содержатели публичных домов) собирались вместе мальчики, юноши и мужчины в возрасте от десяти до двадцати лет и старше. Программа для всех была одной и той же, все проходили параллельно, а главным приемом дидактики являлось многократное устное повторение [Арьес, 1999, с. 158–162].

Можно сказать, что домодерная школа представляла собой аддитивную совокупность помещений и лиц, предметов и приемов, которая в то же время слабо вычленялась из окружающего социального контекста на всех уровнях, начиная от школы как здания и заканчивая школой как институтом. Последним школа тогдашняя начинает напоминать школу нынешнюю – точнее, наоборот, намечающаяся линия эволюции образования ориентирована так, что его будущее уподобляется прошлому. Новые технические средства позволяют давать и получать знания дистанционно, что ведет к дисперсии школы как материального объекта, ведомственного учреждения и социального института. И речь здесь не только о школе – я использовал этот пример лишь потому, что он лучше знаком как автору, так и, вероятно, читателю; можно сказать, что развитие и распространение новых телекоммуникационных технологий приводит к деморфизации опорных институтов индустриального общества в целом. Как замечает Э. Гидденс, «возможность совершения действия на расстоянии может отменить необходимость массового нахождения людей в определенном учреждении. Больницы, тюрьмы, школы и т.п. могут быть “разобраны” на отдельные составляющие и “разбросаны” в пространстве и

времени» [Гидденс, 2015, с. 127]. Будь то университет или завод, образование или производство, телекоммуникации минимизируют необходимость хронотопической концентрации и синхронизации человеческой деятельности, что в институциональном плане смотрится движением от дифференциации к диффузии.

Все течет. Привычные структуры размягчаются и плавятся, твердость сменяется текучестью – такой метафорический ряд использовал З. Бауман для описания текущего состояния общества. Жидкости не склонны сохранять форму, для них пространственную определенность заменяет темпоральная подвижность, и потому-то последняя является наиболее подходящим обозначением для «настоящего, во многих отношениях нового, этапа в истории современности» [Бауман, 2008, с. 8]. Жидкостьность / текучесть современности (*liquid modernity*) выражается в том, что «твердые тела предыдущей эпохи» – институты, традиции, контроль, регулирование, паттерны, правила – и прочие «путы и кандалы» тают и распадаются. Современность движется от пространственной структурности к временной изменчивости; все, от работы до семьи, становится временным и недолговечным, – в общем, *omnia fluunt, omnia mutantur*.

Если социальность предстает тотально и перманентно меняющейся, то неудивительно, что социальное начинают мыслить через изменение, а не через различие. Реалия / вещь в статике отличается от иных и отождествляется с собой, в динамике – отличается от себя, растождествляется и сливается с прочими, утрачивая собственную вещьность / реальность, т.е. бытие собой в отличности / отдельности от других. Если в качестве такой вещи (предмета рассмотрения) взять социум, то он существует отличаясь и бытийствует изменяясь, так что сегодня социальное выглядит более бытийным нежели сущным, понимается / воспринимается не статически-структурным, а динамически-темпоральным. Текучая нестабильность наличной социальности каузально и / или коррелятивно связывается с «необходимостью темпорализации социологии, с утверждением ее динамической сущности в подходах к исследованию общества» [Сивирин, 2018, с. 165]. Последнее по своей природе предстает изменчиво-процессуальным: «Нет стасиса, есть только процессы создания и трансформации, – утверждает Д. Урри. – Нет ничего до движения; движение выражает

сущность вещей» [Урри, 2012, с. 113]. Представление о динамичности социального получает все большее распространение, так что социальные объекты понимаются не как вещи, а как процессы, не как существующие, а как становящиеся.

Согласно П. Штомпке, «в современную социологию все глубже и последовательнее проникает представление о *динамическом устройстве общества*». Все социалии от community до society, от малых групп и до общества как такового пребывают в непрерывном движении / изменении, так что их эссенциальность предстает процессуальностью, они не столько существуют, сколько становятся, или существуют через становление. В «новом теоретическом движении», и в первую очередь в теории деятельности и исторической социологии, с конца прошлого века утвердилось положение о том, что социум представляет собой динамический процесс, непрерывный процесс изменений. В новой социальной онтологии «общество скорее формируется, нежели существует, и при этом оно складывается скорее из событий, нежели из объектов»; социальная действительность или социальная жизнь есть постоянное движение / изменение, и «общество, это своеобразное индивидуально-структурное поле, никогда не существует в каком-либо окончательном виде – оно всегда находится в состоянии становления. О нем никогда нельзя сказать, что оно “есть”, оно всегда создается. Оно не представляет собой объект или состояние, а является процессом, не чем-то данным, вырабатываемым каждый раз заново собственным достижением членов этого общества, “предприятием в процессе строительства”, причем такого строительства, которое никогда не остановится, никогда не завершится» [Штомпка, 2005, с. 472, 546–549, 557]. При таком понимании общества пространственно-структурные типы репрезентации закономерно уступают место темпорально-динамическим: как пишет Б. Латур, «социальное – это не место, не вещь, не сфера и не разновидность вещества, а движение новых ассоциаций во времени» [Латур, 2014, с. 329].

Вещи и отношения, сети и потоки. Изменчивость, текучесть, динамичность, процессуальность, темпоральность и тому подобные характеристики социальности встроены в контекст конструктивистски ориентированной социальной онтологии или, лучше сказать, онтологии социального. Если социальное мыслится не через различие, а че-

рез изменение, то из предметного оно становится предикатным. Когда-то Э. Дюркгейм утверждал, что «общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами» [Дюркгейм, 1995, с. 119]. Но времена социального реализма прошли; крестовый поход против сущности в общественных науках завершился сокрушительной победой антиэссенциализма. Дело даже не в том, что с тех пор общество часто рассматривали как реальность *alieni generis*, редуцируя социальное к биологическому, психологическому, экономическому, политическому, семиотическому и др., а в том, что социальность редко рассматривали как реальность, так как общество перестало быть вещью. Словами Б. Латура, вопрос ставится так: «или общество – или социология. И то и другое одновременно существовать не могут», и все социальные теоретики «понимают, что общество – это виртуальная реальность, *cosa mentale*, продукт гипотезирования, фикция» [Латур, 2014, с. 229]. Аналогичной оказалась и судьба индивида как противоположной стороны дихотомии: в современной социальной онтологии, согласно П. Штомпке, «ни отдельные люди, ни структуры не являются реальными сущностями, самое большее, это мыслимые абстракции» [Штомпка, 2005, с. 550]. И индивиды, и системы не реальны и не сущности; речь не о том, произведен человек от общества или общество от человека, а о том, что и первый и второе суть производные. Функции стали функторами и наоборот – например, если раньше человек говорил языком, то теперь язык говорит человеком; лингвистический и иные повороты вывернули сопряжения определяющих и определяемых, инвертировали пары *master / slave*. Чтойности развеществились в какойности: были личности – стали идентичности, этнос из носителя этничности предстал ее дериватом, и все *groups* превратились в дискретизированные сгущения / стяжения *groupness*. Иными словами, субстанции и атрибуты поменялись местами, при этом атрибуты субстанциализировались, а субстанции атрибутивизировались; если раньше мир состоял из вещей, обладающих свойствами и производящих действия, то теперь он состоит из реифицировавшихся свойств и опредметившихся действий, забравших себе всю реальность реалий. В результате рокировки субъектов и предикатов отношения овеществились, а вещи стали относительными;

«Это радикально *реляционная материальность*, – характеризует новый мир Д. Ло. – Вещи и, тем самым, реалии трактуются как продукты отношений. Они не существуют в-себе и для-себя» [Ло, 2015, с. 175].

Произошедшая в социальных науках деэссенциализация / деэнтетизация наглядно выявляет себя в метафорике «сети», где, действительно, не вещи производят отношения, а отношения производят вещи. В общепредметном плане под сетью понимается прежде всего структура межиндивидуальных и межгрупповых интеракций, более реципрокных, чем редистрибутивных. Она примордиальна в том смысле, что человек современного вида эволюционировал из стайной обезьяны, общаясь и осуществляя осознанную деятельность в коллективе, где индивиды необходимо обменивались значимой информацией, поэтому человек разумный (*Homo sapiens*) – это человек сетевой (*Homo dictyous*) изначально. Как пишет Н. Фергюсон, «социальные сети – это структуры, которые люди образуют самым естественным путем, начиная с самого знания и различных форм его изложения и передачи, а еще, конечно же, с генеалогического древа, к которому непременно принадлежит каждый из нас. <...> К сетям относятся схемы расселения, миграции и смешения, т.е. процессов распространения нашего вида по всей Земле, а также несметное множество культов и повальных увлечений, которые мы постоянно плодим без какого-либо предварительного умысла и руководства» [Фергюсон, 2017, с. 32–33]. Социальные сети предстают в разных формах и масштабах, спонтанно самоорганизуясь или рационально создаваясь, и естественны в том плане, что отвечают генетической способности и потребности человека в объединении и взаимодействии с себе подобными.

В более конкретном плане понятие сети специфицировано в качестве обозначения комплекса социальных связей, возникающих на базе и посредством телекоммуникационных сетей, включающих в себя телефонную проводную, мобильную и спутниковую связь, аналоговое и цифровое телевидение, оптоволоконные и беспроводные сети передачи данных, Интернет и др. Это коммуникационная социальность коммуницирующих коммуникантов определена концептом сетевого социума, обозначаемого М. Кастельсом как «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основан-

ных на микроэлектронике коммуникационных технологий». Характеристики общества здесь определяются свойствами сети, а они таковы, что связуемое / связываемое производно от связывающего и подчинено связывающему: «узлы существуют и функционируют только как компоненты сетей», при этом за производением и подчинением следует уподобление – «мы сами суть сети, соединенные с миром сетей» [Кастельс, 2016, с. 37, 41, 164].

Перенесением центра тяжести с вещей на отношения теория сетевого общества приближается к сетевой теории общества. Имеется в виду теория «актор-сеть» Б. Латура (и др.), где первый невычленим из второй и, более того, обязан ей своим существованием: «актор-сеть – это то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников. Она существует благодаря своим многочисленным связям: подсоединения первичны, акторы вторичны», так что «чем больше у актора связей, тем в большей степени он существует. И чем больше посредников, тем лучше» [Латур, 2014, с. 302–303]. Социум здесь мыслится как сеть, социальное – как сетевое; индивид и общество выступают результатом сетей, понятным образом представая не предметами / сущностями – они «воспринимаются как конструкции, сотворенные из социальных переплетений», ибо в сети «связи предшествуют узлам» [Мальцева, Романовский, 2011, с. 34]. Как акторы-люди, так и акторы-нелюди (non-human actors) уравниваются в качестве актантов, но не столько производят действия, сколько производимы ими. Люди уподобляются вещам, а вещи уподобляются людям, и даже более того: «Вещи, квази-объекты и подсоединения – реальный центр социального мира, а не агент, личность, член группы или участник и не общество или его перевоплощения» [Латур, 2014, с. 327]. Индивид и социум, таким образом, оказываются на периферии и равно утрачивают и объектность, и субъектность; не важно, кто / что оказывает / испытывает воздействие, так как активность не локализуется между ними, а ими выявляется. «Общество – это не целое, вмещающее в себя все, а то, что проходит “через” все», – указывает Б. Латур; «просто следуйте за потоком» [там же, с. 327, 331].

Как постулирует М. Кастельс, «сети производят потоки» [Кастельс, 2016, с. 37]. В данном случае под потоками имеется в виду

движение информации по каналам связи между узлами сети; но метафора flow в социологии последнего времени разворачивается значительно более широко. В network society еще слишком много и society, и network – с одной стороны, реминисценций субстанции / эссенции, с другой стороны – коннотаций системности / структурности. Но «мир как “порождающий поток”, который *производит* реалии <...> не является структурой или чем-то, что можно картографировать средствами социальной науки, – замечает Д. Ло. – Вместо этого можно было бы представить его как водоворот или бурное течение» [Ло, 2015, с. 23]. Чтобы репрезентировать эту направленную текучесть, избегая семантических оттенков линейности, разграниченности, статичности, и используется понятие потоков «с характерными для них направленностью, плотностью, интенсивностью», которые эффективно замещают «неактуальные конфигурации агентностей и структур». И индивид, и общество представляются не предметно, а событийно, не как фиксированные сущности, а как «последовательности действий, обеспечивающие объективацию и идентификацию акторов». Потоками течет вообще все – информация, образы, идеи, деньги, люди; потоки «ортогональны традиционным социальным структурам», они устремляются через все пределы и границы, и даже производящие потоки сети являются собой не более чем охватывающую их соположенность [Иванов, 2010 а, с. 49; Иванов, 2010 б, с. 53; Иванов, 2012, с. 10, 13]. Таким образом, сети производят, связывают и структурируют потоки, сами состоя из последних; в таком имажинативно-концептуальном ландшафте социологии предлагается (Б. Латуром) «раз и навсегда выйти из большой тени, все еще отбрасываемой быстро исчезающим обществом» и двинуться «по следам социального потока» [Латур, 2014, с. 231].

Фуражерская социальность. Как мне кажется, вышепредставленный концептуально-эвристический инструментарий с равным успехом может быть задействован в отношении не только постсовременной нетрадиционной, но и досовременной дотрадиционной социальности и оформляющей ее культуры. Действительно, если под этим углом зрения взглянуть на неспециализированных охотников и собирателей (фуражеров), чей способ существования определил собой 99% истории человечества и в силу этого может рассматриваться как естественный, становится очевидным, что их общество тоже имеет сете-

вой характер и ничуть не менее, а, скорее, даже более ликвидно (от liquid) и флексибельно (от flexible), чем наше. Их социальная организация – network, их образ жизни – flow; слабоструктурированные в отношении специализации и иерархии резидентные группы foragers с их перманентно тасующимся составом представляют собой пример той же текуче-сетевой социальности, которая приписывается разжижающемуся и деморфизирующемуся нынешнему и в еще большей степени – возможно-вероятному будущему обществу.

Обсуждаемые характеристики весьма естественны и в том плане, что имеют отношение еще к досапиентной и даже дочеловеческой социальности. В частности, ближайшие родственники людей – шимпанзе – большую часть года передвигаются небольшими группами, при попадании на богатый кормовой участок собираются в группы побольше, затем снова разбредаются мелкими группами, но состав у последних уже не тот, что был до временного скопления. Это тасующиеся стада, не имеющие постоянного состава, кроме материнско-детских групп. В пределах конкретных популяций все прочие группировки отличаются «крайней неустойчивостью, преходящим характером и разнообразием состава», они все время возникают, раскалываются, сливаются, исчезают, особи то и дело переходят из одной группы в другую, а некоторые самки и самцы могут вообще не входить в состав групп и бродить в одиночку [Семенов, 2019, с. 194–195]. Возможно, что подобное состояние общностей также могло быть у архантропов и палеоантропов, когда не существовало ни четкой дифференциации, ни оформленной интеграции, а шел некий взаимоперелив между аморфными группами. Для такого объединения (конечно, это только экстраполяция) характерно, что «то разбухая, то съеживаясь в объеме, то распадаясь на единицы, оно не имеет постоянного состава индивидов. Один и тот же индивид может оказываться последовательно членом разных сообществ по мере их соединений, рассредоточений, тасовки» [История ..., 1986, с. 308].

Если от этологии обратиться к более однозначным данным антропологии, то для фуражеров характерна сравнительная непрочность социальных объединений первого уровня – брачных союзов. У высококомбинильных охотников / собирателей минимум имущества и им нечего наследовать, поэтому для них вопрос об отцовстве не столь ва-

жен, как для оседлых земледельцев, у которых наследование земельной собственности есть вопрос жизни и смерти, и глава семьи должен быть уверен, что именно он является отцом, а наследник – что он законнорожденный. Для земледельцев контроль сексуальной чистоты жен и дочерей есть задача первостепенной важности, тогда как фуражеры обычно относятся к до- и внебрачным половым отношениям достаточно снисходительно, с чем коррелирует невысокая стойкость их парных семейных ячеек. Так, у эскимосов мужчины и женщины за жизнь обычно проходили через шесть-восемь браков. Сами браки были довольно специфическими: у шавантов и кубео брак считался окончательно заключенным только после рождения первого ребенка, у йекуана развод состоял в том, что жена переставала поить мужа особым напитком, у сеноев вообще не было ни брачной церемонии, ни слов, обозначающих «брак» и «развод», так что, по свидетельствам изучавших их этнографов, они не всегда могли с уверенностью сказать, состоят в браке или нет [История..., 1986, с. 217, 380–381; Моррис, 2017, с. 90–91, 124].

Той же мобильностью объясняется и текучесть, отсутствие стабильного состава социально-хозяйственных групп / общин охотников-собирателей. Последние обычно характеризуются сезонной дисперсностью – сравнительно крупные группы со сменой времени года и, соответственно, основных объектов добычи распадаются на мелкие, включающие в себя не более двух-пяти элементарных семей [Файнберг, 1991, с. 66–67]. С сезонной дисперсностью у фуражерских bands сочетается перманентная диффузность: так, семьи мрабри то и дело покидают одну общину ради того, чтобы присоединиться к другой; общинная организация палийан, как отмечает В.Р. Кабо, «отличается сравнительной неустойчивостью, мобильностью семей и отдельных лиц, переходами их из общины в общину под влиянием различных стимулов»; у хадза так же «группы могут сходиться, расходиться, образовывать новые группы. Одни люди покидают группы, другие вливаются в них» [Кабо, 1986, с. 113, 115, 170]. Дж. Даймонд указывает, что у кхонг состав «нлоре» – территориальной группы – «меняется день ото дня», при этом «возможна по разным причинам и полная смена состава группы» [Даймонд, 2016, с. 72]. У австралийских аборигенов менее половины мужчин постоянно находятся в составе «сво-

ей» локально-десцентной группы, персональные контингенты которых все время перемешиваются не в последнюю очередь из-за того, что молодые мужчины постоянно передвигаются из одного сообщества в другое в поисках брачных партнеров [Артемова, 2009, с. 274; Панов, 2017, с. 337]. Индейцы намбиквара отдельными лицами и целыми семьями уходят из одних групп и присоединяются к другим; «мы видим, что общественная структура намбиквара очень неустойчива, – пишет К. Леви-Стросс. – Группа формируется и распадается, увеличивается или исчезает. В течение нескольких месяцев ее состав, наличное имущество и структура могут измениться до неузнаваемости» [Леви-Стросс, 1999, с. 397].

Анализируя эти и подобные данные, свидетельствующие, что у фуражеров «не только группы, но и индивиды свободно перемещаются с места на место и даже меняют групповую принадлежность», антропологи склонны считать *flexibility* – спонтанность, гибкость, подвижность – «специфически охотничье-собираТЕЛЬским свойством» [Артемова, 2009, с. 152–153, 231]. Исследования по контингенту ряда общин показали, что им свойственна высокая генетическая неоднородность; они не имеют постоянного персонального состава и не ведут автономного существования, а потому фуражерские локальные группы, как считает Е.Н. Панов, следует рассматривать «как узлы социальной сети» [Панов, 2017, с. 386]. По мнению О.Ю. Артемовой, в случае фуражеров вообще нельзя говорить о существовании «дискретных корпоративных локализованных социальных объединений», так что «представляется целесообразным применительно к охотникам и собирателям *ведущую* категорию “социальная группа (ячейка, единица)” заместить – в том же качестве *ведущей* – категорией “социальная сеть индивидуальных связей”» [Артемова, 2009, с. 262–263]. К этому можно только добавить, что помимо «сети» не менее удачным для описания подвижности и текучести данного типа социальности, как наиболее древнего, так и наиболее продолжительного и тем самым видоспецифичного для человека, является концепт «потока», в который обращают жизнь и мысль фуражера (мировоззренческие категории и религиозно-мифологические представления охотников и собирателей также характеризуются изменчивостью, спонтанностью и

гибкостью) его безначально-бесконечные территориальные перемещения и социальные передвижения.

Таким образом, постсовременный способ мыслить социальное примечательно соответствует досовременному типу социальности. Отталкиваясь от этого, можно подумать об аналогии доаграрного и постиндустриального обществ / культур, о том, что, уходя от модерна, постмодерн уподобляется премодерну. Информатизируясь и цифровизируясь, социокультурный континуум становится гиперискусственным и тем самым входит в некое квазиестественное состояние, ренатурализируется и реархаизируется. Я имею в виду не регресс или простое воспроизведение постиндустриалами преаграрных социокультурных характеристик; это больше напоминает развитие по спирали, то самое классическое ленинское «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе» [Ленин, 1982, с. 9]. Наверное, оснований для серьезного разговора в данной плоскости еще далеко не достаточно, но мне кажется немаловажным обратить на это внимание. Как говорили древнегреческие любомудры, философия начинается с удивления; можно добавить, что и в нашем случае было бы небесполезно удивиться тому, насколько становящаяся социальность постиндустриального, информационного, сетевого и так далее общества по крайней мере в некоторых отношениях начинает походить на социальность условно и собственно первобытных охотников и собирателей, давно ушедшую, но, кажется, готовую вернуться.

Список литературы

- Артемова О.Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). – Москва : Смысл, 2009. – 560 с.
- Аръес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – 416 с.
- Бауман З. Текущая современность : пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с.

Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? : пер. с англ. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 240 с.

Даймонд Дж. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке / пер. с англ. А. Александровой. – Москва : АСТ, 2016. – 672 с.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц. А.В. Гофмана. – Москва : Канон, 1995. – 352 с.

Иванов Д.В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010 а. – № 2. – С. 21–51.

Иванов Д.В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин (окончание) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010 б. – № 3. – С. 51–65.

Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 8–16.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – Москва : Наука, 1986. – 574 с.

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. – Москва : Наука, 1986. – 304 с.

Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич ; под науч. ред. А.И. Черных. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

Леви-Стросс К. Печальные тропики : пер. с франц. – Львов : Инициатива ; М. : АСТ, 1999. – 576 с.

Ленин В.И. Карл Маркс : Краткий биографический очерк с изложением марксизма // *Ленин В.И.* Избранные произведения : в 3 т. – Москва : Политиздат, 1982. – Т. 1. – 842 с.

Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой ; науч. ред. перевода С. Гавриленко. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2015. – 352 с.

Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. – 2011. – № 8. – С. 28–37.

Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / под ред. и с введением С. Мэсидо ; коммент. Р. Сифорда, Дж. Д. Спенса, К.М. Корсгаард, М. Этвуд ; пер. с англ. Н. Эдельмана. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2017. – 488 с.

Панов Е.Н. Человек – созидатель и разрушитель: эволюция поведения и социальной организации. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2017. – 634 с.

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). – Москва : ФЭРИ-В, 2006. – 640 с.

Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – Москва : КРАСАНД, 2019. – 720 с.

Сивирин Б.С. [Рец.] // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 165–167. – Рец. на кн.: Волков Ю.Г. Социология будущего : социологическое знание и социальный проект. – Москва : Кнорус, 2017. – 178 с.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева ; вступ. статья Н.А. Харламова. – Москва : Праксис, 2012. – 576 с.

Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). – Москва : Наука, 1991. – 184 с.

Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook / пер. с англ. Т.А. Азаркович. – Москва : АСТ, 2017. – 736 с.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. – Москва : Логос, 2005. – 664 с.

Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. – Cologne ; Geneva (Switzerland) : Forum Publishing, 2020. – 280 p. – ISBN 978-2-940631-11-7.

References

Artemova, O. Yu. (2009). *Koleno Isava: Okhotniki, sobirатели, rybolovy (opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)* [The generation of Esau: Hunters, gatherers, fishermen (experience of studying alternative social systems)]. Moscow : Smysl. (In Russ.)

Ariès, Ph. (1999). *Rebenok i semejnaja zhizn' pri Starom porjadke* [Centuries of childhood: A social history of family life] Ya.Yu. Startsev with the participation V.A. Babintsev (transl. from frenc.). Yekaterinburg : Ural University publ. (In Russ.)

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'*. [Liquid modernity] (transl. from eng.). Saint Petersburg : Piter. (In Russ.)

Giddens, A. (2015). *Nespokoinyi i mogushchestvennyi kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and mighty continent. What future for Europe?] (transl. from eng.). Moscow : Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. (In Russ.)

Diamond, J. (2016). *Mir pozavchera. Chemu nas mogu nauchit' ljudi, do sih por zhivushhie v kamennom veke.* [The world until yesterday: What can we learn from traditional societies?] A. Aleksandrova (transl. from eng.); D.V. Tarasova (ed.). Moscow : AST. (In Russ.)

Durkheim, É. (1995). *Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie.* [The rules of sociological method] A.B. Gofman (transl. from frenc.). Moscow : Kanon. (In Russ.)

Ivanov, D.V. (2010 a). Aktual'naya sociologiya: veselaya nauka v poiskah zlyh istin [Current sociology: A fun science in search of the evil truths]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], (2), (pp. 21–51). (In Russ.)

Ivanov, D.V. (2010 b). Aktual'naya sociologiya: veselaya nauka v poiskah zlyh istin (okonchanie) [Current sociology: A fun science in search of the evil truths (ending)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], (3), (pp. 51–65). (In Russ.)

Ivanov, D.V. (2012). K teorii potokovykh struktur [To the theory of flow structures]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (4), (pp. 8–16). (In Russ.)

Bromlej, Ju.V. (ed). (1986). *Istorija pervobytnogo obshhestva. Jepoha pervobytnoj rodovoj obshhiny* [The history of primitive society. The era of the primitive tribal community]. Moscow : Nauka. (In Russ.)

Kabo, V.R. (1986). *Pervobytnaya dozemledel'cheskaya obshchina* [Primitive pre-farming community]. Moscow : Nauka. (In Russ.)

Castells, M. (2016). *Communication Power*. [Russ. ed.: *Vlast' kommunikacii*. Transl. from Eng. by N.M. Tylevich; Ed. by A.I. Chernykh. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory], I. Polonskaya (transl. from eng.); S. Gavrilenko (ed.). Moscow : Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Lévi-Strauss, C. (1999). *Pechal'nye tropiki* [Sad Tropics], (transl. from frenc.). L'vov : Initsiativa ; Moscow : AST. (In Russ.)

Lenin, V.I. (1982). Karl Marks. *Kratkij biograficheskij ocherk s izlozheniem marksizma* [Karl Marx. A brief biographical sketch of marxism]. In Lenin, V.I. *Izbrannye proizvedeniya: v 3-h t. T. 1.* [Selected works: in 3 volumes. Vol. 1.]. Moscow : Politizdat. (In Russ.)

Law, J. (2015). *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka* [After method: mess in social science research], S. Gavrilenko (scientific trans. ed.), A. Pisarev, P. Khanova (transl. from eng.). Moscow : Izd. Instituta Gaydara. (In Russ.)

Mal'ceva, D.V., Romanovskij, N.V. (2011). O sovremennyh setevyh teoriyah v sociologii [Contemporary networks theories in sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (8), (pp. 28–37). (In Russ.)

Morris, I. (2017). *Sobirатели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности* [Foragers, farmers, and fossil fuels. How human values evolve], S. Mesido (ed. & pref.); R. Siford, Dzh.D. Spens, K.M. Korsgaard, M. Etvud (comment.); N. Edel'man (transl. from eng.). Moscow : Izd. Instituta Gaidara. (In Russ.)

Panov, E.N. (2017). *Chelovek – sozidatel' i razrushitel': Evolyutsiya povedeniya i sotsial'noy organizatsii* [Man – creator and destroyer: Evolution of behavior and social organization]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK. (In Russ.)

Porshnev, B.F. (2006). *O nachale chelovecheskoy istorii. (Problemy paleopsikhologii)*. [On the beginning of human history. (Problems of paleopsychology)]. Moscow : FERI-V. (In Russ.)

Semenov, Yu.I. (2019). *Proiskhozhdenie i razvitie ekonomiki: Ot pervobytnogo kommunizma k obshchestvam s chastnoy sobstvennost'yu, klassami i gosudarstvom (drevnevostochnomu, antichnomu i feodal'nomu)* [The origin and development of the economy: From primitive communism to societies with private property, classes and state (ancient oriental, antique and feudal)]. Moscow : KRASAND. (In Russ.)

Sivirinov, B.S. (2018). Book rev.: Volkov Y.G. *Sociologiya budushchego: sociologicheskoe znanie i social'nyj proekt* [Sociology of the future: sociological knowledge and social project]. Moscow : Knorus, 2017. 178 p. In *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (5), (pp. 165–167). (In Russ.)

Urry, J. (2012). *Mobil'nosti* [Mobilities], A.V. Lazarev (transl. from eng.); N.A. Kharlamov (introductory article). Moscow : Praxis. (In Russ.)

Fainberg, L.A. (1991). *Okhotniki Amerikanskogo Severa (indeitsy i eskimosy)*. [Hunters of the American North (indians and eskimos)]. Moscow : Nauka. (In Russ.)

Ferguson, N. (2017). *Ploshchad' i bashnya. Ceti i vlast' ot masonov do Facebook* [Square and tower. Networks and power from freemasons to Facebook], T.A. Azarkovich (transl. from eng.). Moscow : AST. (In Russ.)

Sztompka, P. (2005). *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. The analysis of society], S.M. Chervonnaya (transl. from polish). Moscow : Logos. (In Russ.)

Schwab, K., Malleret, T. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Switzerland, Cologne/Geneva : Forum Publishing. ISBN 978-2-940631-11-7.

КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 911.3

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.11

*Лавренова О.А.**

ФИЛОСОФИЯ ХОЛОДА. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ПО ЦИРКУМПОЛЯРНЫМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Аннотация. 7 декабря 2021 г. состоялся Международный онлайн-семинар циркумполярных социокультурных исследований, организованный одноименной ассоциацией. Тематика семинара варьировалась от теоретических вопросов (концептуализации холода как основы культуры и повседневных практик народов Севера и приполярного Юга, изучения образов циркумполярных регионов и т.п.) до сугубо практических, таких как «освоение» Приполярья и современные социальные проблемы. В рамках семинара было представлено несколько интересных новых изданий.

Ключевые слова: циркумполярные исследования; геокультурные образы; социокультурные проблемы; Арктика; Антарктика.

Поступила: 11.01.2022

Принята к печати: 02.02.2022

* *Лавренова Ольга Александровна* – доктор философских наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор, Национальный исследовательский технологический университет МИСиС, Москва, Россия, e-mail: olgalavr@mail.ru

Lavrenova Olga Aleksandrovna – DSc in Philosophy, PhD in Geography, leading researcher of the Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, professor National Research Technological University Moscow Institute of Steel and Alloys Moscow, Russia, e-mail: olgalavr@mail.ru

Lavrenova O.A.

The Philosophy of the Cold.

International Workshop on Circumpolar Sociocultural Issues

Abstract. An international online workshop of circumpolar socio-cultural issues was held on December 7, 2021, it was organized by the Association of the same name. The topics of the seminar ranged from theoretical issues (conceptualization of cold as the basis of culture and everyday practices of the indigenous peoples of the North and the circumpolar South, the study of images of circumpolar regions, etc.) to purely practical, such as the “exploration” of the circumpolar region and modern social problems. Several interesting new publications were presented during this workshop.

Keywords: circumpolar issues; geocultural images; sociocultural problems; Arctic; Antarctic.

Received: 11.01.2022

Accepted: 02.02.2022

В конце 2021 г. Международная ассоциация циркумполярных социокультурных проблем (IACSI)¹ организовала интереснейший однодневный онлайн-семинар (International online workshop on circumpolar sociocultural issues), который собрал ведущих специалистов в области изучения Арктики и Антарктики, а также заинтересованных в исследованиях высоких широт философов, культурологов, антропологов, географов.

Семинар был организован в основном благодаря творческой энергии президента IACSI Энрике дель Асебо Ибаньеса, профессора Университета Сальвадора и Университета Буэнос-Айреса, Аргентина, доктора социологии Мадридского университета Комплутенсе, приглашенного профессора Университета Исландии, главного редактора международного журнала по циркумполярным социокультурным проблемам «Арктика и Антарктика»².

Семинар открыл известный исследователь традиционных культур Севера Даниэль Шартье, профессор Университета Квебека в

¹ URL: <https://iacsi.hi.is>

² URL: <https://iacsi.hi.is/journal/>

Монреале, Канада, директор Международной лаборатории сравнительного междисциплинарного изучения представлений о Севере, специалист в области геокультурных образов Севера. Он является автором переведенного на многие языки мира (в том числе и на русский) эссе «Что такое “воображение Север”? Этические принципы» [Шартье, 2018], а также многолетнего проекта изданий по социокультурным проблемам Севера¹. В издательстве «Айсберг» за последние годы под его редакцией вышли книги «Границы» [Frontières. Actes ..., 2017] и «Геокультуры. Русские методологии изучения Арктики» [Géocultures. Méthodologies ..., 2020]. Его выступление было посвящено презентации нового сборника «Тьма. Динамика темноты на Севере» [Darkness. The Dynamics ..., 2021]. (Как и предыдущие книги, она находится в открытом доступе и доступна для скачивания².) Тьма может рассматриваться как отсутствие Света или самостоятельная категория Бытия? Ответ на этот вопрос обретает новые измерения, если его рассматривать в конкретных географических и социокультурных условиях высоких широт. Тьма и Белизна являются неотъемлемыми характеристиками Севера. Циркумполярный цикл день – ночь, лето – зима вводит идею неразрывной двойственности ослепительной яркости снега и непроглядной темноты полярной ночи. В представленном сборнике Тьма рассматривается как социокультурный феномен высоких широт, изучаются его восприятие, связанные с ним повседневные практики.

Тема восприятия и репрезентации света и цвета была продолжена в сообщении «Цвета региона Магальянес в Чили», сделанном Вереной М. Шиндлер, сопредседателем Исследовательской группы по экологическому цветовому дизайну Международной ассоциации цвета, историком искусства и архитектуры, профессором Института истории и теории архитектуры, Цюрих, Швейцария. Регион Магальянес в Чили расположен на самом юге страны, в приполярных широтах. Одним из основных видов экономической деятельности региона является туризм, чему способствует разнообразие природных и культурных ландшафтов. Здесь есть луга, заросли кустарников, степи, водно-

¹ URL: <https://nord.uqam.ca/publications/isberg>

² URL: <https://archipel.uqam.ca/14699/>

болотные угодья, леса, а также антарктические пустыни, снега и ледники Анд. Цветовая гамма естественной среды взаимодействует с цветами антропогенных ландшафтов. Цвета зданий в даунтауне центрального города Пунта Арена в основном сероватые, в диапазоне довольно нейтральных тонов, в то время как цвета жилых домов варьируются от ярких цветов до цветов местных строительных материалов, таких как дерево. Колористика листвы и травяного покрова варьируется от светло-зеленого и темно-зеленого до различных оттенков желтого и красного. Здесь есть и цветы, которые появляются весной и летом в небольших количествах, они создают совершенно удивительный контраст с довольно однообразным пейзажем. Палитра оттенков водной поверхности варьируется от серого, голубого до различных оттенков бирюзы. Цвета льда – это не только белый, но также оттенки бирюзы и изумруда. Все это в целом создает колористический портрет региона.

Геокультурные образы – неотъемлемый исследовательский дискурс при изучении Арктики и Антарктики.

Энрике дель Асебо Ибаньес, президент IACSI, сделал доклад «Обитающий на крайнем Юге». Редукционистская концепция окружающей среды как простой экологической системы (энвайронментализм) определяет ответ на вопрос о том, что такое «крайность», «экстремальность». Это системы, отличающиеся условиями, в которых трудно выжить большинству известных форм жизни, северные и южные приполярные регионы являются наглядными примерами. Но «экстремальность» также является результатом диалектики между *homo viator* и *stabilitas loci* с точки зрения интернализации природной среды циркумполярных широт. Это выявляет взаимозависимость и диалектику между предметным и социокультурным мирами. Понятие «экстремальности» связано не только с экологическими, географическими и климатическими особенностями, но также с социокультурными, антропологическими, политическими отношениями и социально-экономическими переменными. Территория Антарктиды и человеческое присутствие там представляют собой целостное и сложное явление: многомерное и взаимосвязанное. Различные способы проживания и работы в Антарктике подразумевают динамичный процесс непрерывного создания новых геокультурных образов, текстов и дис-

курсов. Жизнь и работа в Антарктиде предполагают жизненную стратегию, обусловленную экстремальным холодом, изоляцией и труднодоступностью. Творческая стратегия проживания и работы в Антарктике подразумевает разработку и построение новой траектории экстремальной южной идентичности с точки зрения территории, географических и культурных особенностей. Здесь экстремальный холод является ограничением, но также возможностью и вызовом для примирения традиций, инноваций и творчества. Концепция социальной идентичности Антарктики имеет дело со своего рода эмоциональной географией, создает различные мифы и метафоры. Антарктида предстает как метафора чистоты, дикой природы и девственности, оставаясь до сих пор *Terra Incognita Australis*, своего рода метафизическим святилищем, первозданным пограничьем планеты.

Альбина Лара, профессор Национального университета Куйо, Аргентина, в сообщении «Патагония: территориальные представления о циркумполярном пространстве» представила некоторые размышления о восприятии окружающей среды Патагонии как целостного и уникального пространства. Большая часть созданных образов Патагонии в какой-то мере искажает оригинал, является стереотипной. Регион на самом деле трудно понять, и это вызывает беспокойство, потому что люди предпочитают стабильность и уверенность, которая обеспечивает иллюзию контроля над тем, что они «понимают» или способны классифицировать. Патагония неуловима для взглядов и контроля и сопротивляется категоризации и многим другим ярлыкам. Стереотипные представления обедняют характеристику территории, поскольку, ошибочные они или нет, они не учитывают ключевые территориальные компоненты. Это уникальное пространство ставит перед нами задачу научиться воспринимать что-то отличное от привычных штампов и таким образом подходить к пониманию целостности сложной территории.

«Сибирские и северные российские дороги в YouTube» – тема сообщения Ольги Лавреновой, ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН, профессора МИСИС и ГИТР, почетного члена Российской академии художеств, президента Международной ассоциации семиотики пространства и времени (IASSp+T, Швейцария). На просторах видеохостинга YouTube можно найти различные уровни доку-

ментальной съемки. Это как профессиональные неигровые ленты, так и случайно снятые события. Здесь в разном контексте представлены российские приполярные пейзажи и пейзажи Сибири, в частности, дороги Севера, вернее бездорожье и отсутствие дорог. Это и лихие подвиги водителей большегрузов на размытых грунтовых дорогах и зимниках, и катастрофические экологические последствия провалов грузовиков под лед, о которых путем видеообращений пытаются сигнализировать местные жители. Кроме того, на YouTube есть и профессиональные документальные киноленты о жизни коренных народов Севера, где тема передвижения и покорения пространства также связана и с экологическими проблемами, создаваемыми трубопроводами и разработками месторождений, и с древней культурой кочевничества. Эти две культуры, традиционная и современная, существуют почти параллельно, но иногда пересекаются именно на перекрестьи кочевых путей и рукотворных дорог, создавая точки напряженности [Лавренова, 2020].

Современная художественная литература и травелоги также могут служить культурным маркером пространства циркумполярных широт.

Лаура Перес-Говро, аспирант Университета Квебека в Монреале (UQAM), Канада, на материале своей диссертации сделала сообщение «Природа и индивидуальность в книге Жозефины Бэкон “Танцующая тундра” (2013) и Леонеля Лиенлафа “Проснулась птица моего сердца” (1989)». Оба автора – поэты, представители коренных народов. Жозефина Бэкон – иннуитка из Квебека, а Леонель Лиенлаф – индеец мапуче из Чили. В обоих поэтических сборниках заметна напряженность между природой и индивидуальностью, характерная для языков и культур инну и мапуче. Несмотря на географическую отдаленность эти две культуры оказываются сопоставимыми, и такое сопоставление позволяет глубже понять культуры, населяющие циркумполярные широты Северной и Южной Америк.

Иванна Кныш, сотрудник Университета Париж-Сакле, Франция, рассказала о «Восприятии биоразнообразия в разных частях Арктики в книге Сары Уилер “Магнетический Север” (2009)». Записки первых путешественников включают описание быта и обычаев коренных народов, географических особенностей новых территорий. Впо-

следствии эти заметки стали превращаться в путевые тексты. Путешественники описывали свои эмоции и чувства, подвиги и неудачи, экспедиционный быт и романтику преодоления неизведанных пространств. Эти травелоги являются богатейшим источником информации и для последующей научной рефлексии. Так, текст Сары Уилер «Магнетический Север» (2009) [Wheeler, 2009], описывающий ее маршрут по Северному Ледовитому океану с экипажем российского ледокола, по земле вдоль трансаянского трубопровода или по местам бывших лагерей ГУЛАГа, также может использоваться и анализироваться как источник сведений о биоразнообразии в разных частях Арктики.

Важная концептуальная тема циркуполярных исследований – «холод как ресурс» и «онтология холода».

Старший научный сотрудник Университета Лапландии, Финляндия, координатор Программы изучения Арктики, документалист Анна Штаммлер-Госсманн представила тему «Использование холода в финской Лапландии и Сибири». Для менталитета жителей умеренных широт и юга «тепло» всегда воспринимается положительно, а «холод» – это нечто пугающее и неудобное. Для жителей Арктики холод – это основа повседневных практик. Некоторые секторы экономики в финской Лапландии и в российской Якутии в значительной степени ориентированы на зимний сезон – туризм, строительство зданий и дорог, оленеводство, транспорт, технологии производства снега и льда и многие другие. Холодная среда концептуализируется современными учеными. Холод приобрел новое качество в контексте изменений окружающей среды и воспринимается теперь как ценный символический и экономический ресурс.

Отдельная проблема – история «освоения» приполярных регионов западной цивилизацией.

Ян Борм, профессор и содиректор магистерской программы по арктическим исследованиям Версальского университета, Париж-Сакле, Франция, соредатор коллективной монографии «Холод. Адаптация, производство, эффекты, репрезентации» [Borm, Chartier, 2018], представил доклад «“Поиски бедных овец, блуждающих в стране тьмы”. Ханс Эггеде в текстах на английском, французском и немецком языках с XVIII века по сегодняшний день». В сентябре 2019 г. газета

The Guardian сообщила, что запланированную остановку точной копии корабля капитана Кука в деревне маори на Северном острове Новой Зеландии пришлось отменить из-за возражений со стороны общины коренных народов, которая определила это историческое событие не иначе как вторжение. Наследие Ханса Эгед (1686–1758), руководителя евангелической миссии в Гренландии, проповедовавшего среди эскимосов, сегодня также было пересмотрено в постколониальном контексте [Borm, 2021].

Представитель Версальского университета Сен-Кантен-ан-Ивелин, Франция, Александр Делангль, сделал сообщение «Вильхьялмур Стефанссон и экспансивная защита Арктической Америки». Этнолог, исследователь Арктики и писатель В. Стефанссон (1879–1962) был приглашен в качестве военного советника в тот период Второй мировой войны, когда Соединенные Штаты ожидали японское вторжение на Аляску. Исследователь внес немалый вклад в стратегическую литературу американского Севера, а также он вел активную переписку с высшими военными чинами США, руководствуясь амбициозными представлениями о едином Западном полушарии. В итоге он стал застрельщиком милитаризации Аляски, вложив немало усилий в создание взлетно-посадочных полос и развертывание военных баз на заснеженной земле.

Хельги Гуннлаугссон, профессор социологии Исландского университета, вице-президент IACSI, специалист в области криминологии, представила новую книгу издательства Стокгольмского университета о скандинавском законодательстве в области наркотиков под названием «Отступление или укрепление? Наркополитика в Скандинавских странах на перепутье» под редакцией Хенрика Тэма [Retreat or Entrenchment? ..., 2021]. В исследовании ставится вопрос, будут ли и каким образом страны Северной Европы адаптироваться к ситуации, когда необходимость борьбы с наркотиками ставится под сомнение и многие страны Европы ориентируются в направлении их декриминализации и легализации.

Философия холода, распространенная на социокультурную жизнь приполярных регионов и повседневные практики, порождает

множество исследовательских дискурсов, которые обсуждаются в литературе, на международных семинарах и конференциях. Состоявшийся семинар, с одной стороны, показал очень широкий спектр проблем, связанных с изучением циркумполярных областей обоих полюсов Земли. С другой стороны, познакомил с новыми тенденциями и публикациями, сделанными в этом направлении.

Список литературы

Лавренова О.А. Профессиональное документальное кино и «народное» видео о бездорожье Севера в контексте культурного ландшафта // Наука телевидения. – 2020. – № 16.2. – С. 129–160. – DOI: 10.30628/1994–9529–2020–16.2–129–158.

Шартье Д. *Что такое «воображение Севера»? Этические принципы.* – Montréal et Harstad (Norvège) : Imaginaire Nord et Arctic Arts Summit, coll. «Isberg», 2018. – 157 p.

Borm J. ‘To seek out these poor sheep wandering in a land of darkness’ – Hans Egede in English, French and German texts from the 18 th century until today // Aage Rydstrøm-Poulsen, Gitte Adler Reimer et Annemette Nyborg Lauritsen (sous la direction de), *Tro og samfund i Grønland i 300-året for Hans Egedes ankomst.* – Aarhus : Aarhus Universitetsforlag, 2021. – P. 343–357.

Borm J., Chartier D. *Le froid. Adaptation, production, effets, representations.* – Québec : Presses de l’Université du Québec, 2018. – 372 p.

Darkness. The Dynamics of Darkness in the North / Chartier D., Lund K.A., Jóhannesson G. Th. (eds.). – Montréal ; Reykjavik : Imaginaire Nord and University of Iceland, “Isberg” series, 2021. – 269 p.

Frontières. Actes du colloque québéco-norvégien, Montréal et Bergen (Norvège) / Chartier D., Savoie Ch., Holm H.V., Skagen M.V. – Montréal : Imaginaire Nord et Université de Bergen, coll. “Isberg”, 2017. – 232 p.

Géocultures. Méthodologies russes sur l’Arctique / Chartier D., Zamyatin D., Romanova E., Lavrenova O. – Montréal : Imaginaire Nord, coll. “Isberg”, 2020. – 100 p.

Retreat or Entrenchment? Drug Policies in the Nordic Countries at a Crossroads / Tham H. (ed.). – Stockholm : Stockholm University Press, 2021. – DOI: <https://doi.org/10.16993/bbo>

Wheeler S. *The Magnetic North : Notes From The Arctic Circle.* – Jonathan Cape, 2009. – 368 p.

References

Lavrenova, O.A. (2020). Professional'noe dokumental'noe kino i «narodnoe» video o bezdorozh'e Severa v kontekste kul'turnogo landshafta [Professional documentary films and “folk” videos about the off-road terrain of the North in the context of the cultural

landscape]. In *Nauka televideniya* [Science of Television], (16.2.), (pp. 129–160). DOI: 10.30628/1994–9529–2020–16.2–129–158. (In Russ.)

Chartier, D. (2018) *Chto takoe “voobrajenie Severa”? Eticheskie printsipy*. [What is the “Imagined North”? *Ethical Principles*]. Montréal and Harstad (Norway) : Imaginaire Nord and Arctic Arts Summit, coll. “Isberg”. (In Russ.)

Borm, J. (2021). ‘To seek out these poor sheep wandering in a land of darkness’ – Hans Egede in English, French and German texts from the 18th century until today, in Aage Rydstrøm-Poulsen, Gitte Adler Reimer et Annemette Nyborg Lauritsen (sous la direction de), *Tro og samfund i Grønland i 300-året for Hans Egedes ankomst*, (pp. 343–357). Aarhus : Aarhus Universitetsforlag. (In Norwegian).

Borm, J. & Chartier, D. (2018). *Le froid. Adaptation, production, effets, représentations*. Presses de l’Université du Québec. (In Fran.)

Chartier, D., Lund, K.A. & Jóhannesson, G. Th. (eds.). (2021). *Darkness. The Dynamics of Darkness in the North*. Montréal and Reykjavik : Imaginaire Nord and University of Iceland, “Isberg” series.

Chartier, D., Savoie, Ch., Holm, H.V., Skagen, M.V. (2017). *Frontières. Actes du colloque québéco-norvégien, Montréal et Bergen (Norvège)*. Montréal : Imaginaire Nord et Université de Bergen, coll. “Isberg”. (In Fran.)

Chartier, D., Zamyatin, D., Romanova, E., Lavrenova, O. (2020). *Géocultures. Méthodologies russes sur l’Arctique*. Montréal : Imaginaire Nord, coll. “Isberg”. (In Fran.)

Tham, H. (ed.) (2021). *Retreat or Entrenchment? Drug Policies in the Nordic Countries at a Crossroads*. Stockholm : Stockholm University Press. DOI: <https://doi.org/10.16993/bbo>

Wheeler, S. (2009). *The Magnetic North: Notes From The Arctic Circle*. Jonathan Cape.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Юрченко Т.Г.*

Рецензия на книгу:

***Седакова О.А.* Сергей Сергеевич Аверинцев : Воспоминания. Размышления. Посвящения. – Москва : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. – 328 с.**

Получена: 26.01.2022

Принята к печати: 13.02.2022

Yurchenko T.G.

Book review:

***Sedakova O.A.* Sergei Sergeevich Averintsev: Vospominaniya. Razmyshleniya. Posvyashcheniya [Memoires. Thoughts. Dedications]. – Moscow : Svyato-Filaretovskii Pravoslavno-Christiankii Institut Publ., 2020. – 328 p.**

Received: 26.01.2022

Accepted: 13.02.2022

** Юрченко Татьяна Генриховна – старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: yurchenko2003@mail.ru*

Yurchenko Tatyana G. – Senior Researcher of the Institute of Scientific Information for for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: yurchenko2003@mail.ru

Книга Ольги Александровны Седаковой – поэта, филолога, переводчика – представляет собой собрание работ разных лет и разных жанров, посвященных Сергею Сергеевичу Аверинцеву (1937–2004) – филологу-классику, историку культуры, переводчику, христианскому просветителю и христианскому гуманисту, с которым автора книги связывали долгие годы общения и сотрудничества. Среди представленных работ – первый в России (и единственный) опыт творческой биографии ученого («С.С. Аверинцев. Труды и дни»); исследования, связанные с попыткой определения своеобразия исследовательского метода Аверинцева и его нового рационализма – «Рассуждение о методе» (единственная работа, опубликованная при жизни Аверинцева и получившая его одобрение), «Воспитание разума», «Апология рационального», а также выступления, лекции и воспоминания, касающиеся разных сторон научного наследия и личности ученого (в том числе – о работе Аверинцева, посвященной звукописи К. Брентано; о его дантологических штудиях; о европейской деятельности Аверинцева).

Имя Аверинцева чрезвычайно много значило в 1970–1980-е годы. О. Седакова вспоминает толпы желающих попасть на его лекции независимо от темы, о высоком авторитете его мнения по множеству вопросов, в том числе – духовных. В условиях «подсоветского варварства» (с. 166) взыскующие смысла и смыслов обретали их в том, что говорил и писал Аверинцев на своем особенном, вдохновленном языке; его филологическое слово было подобно слову поэтическому – «возвышающим нас высказыванием» (с. 163).

Действительно, каждая новая работа Аверинцева становилась событием, сборники, в которых он публиковался, мгновенно раскупались – и не только специалистами в той конкретной теме, которой была посвящена его статья, – я тоже это помню. Однако времена изменились. Сейчас в академической гуманитаристике присутствие Аверинцева почти не ощутимо: «интеллектуальный дух времени как будто отвернулся от него» (с. 13). Его мало издают и не переиздают; работ, посвященных анализу его научного наследия, практически нет, если не считать тех немногих, которые были написаны в связи с его

уходом и небольшое время спустя¹. Именно желанием напомнить об Аверинцеве, его значении для отечественной (и не только) культуры, обусловлено появление этой умной, глубокой книги, в которой сделана попытка сказать об Аверинцеве что-то главное – показать многогранность его интересов и определить то, что составляет ядро его научных поисков. И хотя многие составившие ее материалы были написаны относительно давно, собранные вместе они дают счастливую возможность читателю – как знакомому с работами Аверинцева, так и только приступающему к их изучению – представить себе масштаб личности этого «великого дара русской истории и русской культуре» (с. 11).

Размышляя о том, чем необычна была мысль Аверинцева, О. Седакова отмечает, что своеобразие ей придавала христианская вера, но вера не в бытовом смысле как безотчетная убежденность, «а вера как причастность определенной смысловой системе, доктрине, широту, глубину и свободу которой мало кто знал так, как Аверинцев» (с. 26). Труд Аверинцева – «*просвещение Просвещения*» (с. 45), ведь исходно просвещение – «христианская реальность»: «Христианская весть состояла в сообщении Истины, которая несла человеку свет и свободу» (с. 46).

Новым (вернее, забытым со святоотческих времен) у Аверинцева была концентрация не на воле человека, но на его уме: воздвигание ума. «Понимание вещей (не обязательно выраженное отчетливо для самого человека, чаще как раз нет) предшествует не только всякому нашему действию, но и созерцанию. Так что самый “непосредственный личный опыт”, который так ценит Новое время, уже есть следствие определенной культурной установки» (с. 27). Именно *чело-*

¹ См., напр.: Бочаров С. Аверинцев в нашей истории // Вопросы литературы. – 2004. – № 6. – С. 19–24; Кнабе Г. Об Аверинцеве // Там же. – С. 34–37; Махлин В.Л. Возраст речи: подступы к явлению Аверинцева // Махлин В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. – Москва, 2009. – С. 503–545; Квитков Г.Г. Сергей Аверинцев в отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 367. – С. 69–73; Квитков Г.Г. Некоторые методологические аспекты работ С.С. Аверинцева // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 110–113.

веческое понимание Аверинцев считал общим предметом своих занятий; «службой понимания» он называл филологию.

Определяя существо аверинцевского рационализма, О. Седакова отмечает, что Аверинцев обогатил классический рационализм позднего Просвещения опытом первого Просвещения (Иерусалим) и ранней мудрости (Афины). Это – «познавательная ценность *сердца* и *совести*, о которых забыл, точнее, от которых отвлек себя “естественный разум” Просвещения: “ум с сердцем не в ладу”»; это – «та установка ума, которая всегда понимание поместит прежде *истолкования*» (с. 52). Он напомнил о «положительном уме, об *ordosapientiae*, об уме, который погружен в полноту человеческой реальности, соединен с *сердцем* и с *чувством*, сотрудничает с *совестью* и *волей* и связан с восприятием Целого, мудро и таинственно устроенного» (с. 202). Именно в этой позиции, «понимая умом сердца, умом совести, умом воли (на библейском языке – умом утробы), мы можем позволить себе уверенность, мы можем довериться себе и не сомневаться, различая правое и левое, истинное и ложное» (с. 228). Сочетание аналитического рассмотрения предмета и его созерцания как целого, одновременная работа понятийного и образного мышления как отличительная особенность метода Аверинцева не только проясняли предмет, но и очерчивали ту область, которая должна была оставаться неясной и темной.

Рациональность Аверинцева противостоит и дурному иррационализму, и дурному рационализму. У него «в сложном взвешивании собственных умственных движений и в *собеседовании* с предметом вырабатывается *sophrosyne*, *prudentia*, здравомыслие, целомудрие. Та установка ума, которая всегда предпочитает *понимание* – *истолкованию*. Но также и “вживанию”. Истолкованию – как незаконному отстранению от смысла и “вживанию” – как иллюзорному отождествлению с ним» (с. 217).

Уникальность положения Аверинцева в отечественной культуре, по мнению О. Седаковой, в том, что он – творец культуры и одновременно человек церкви. В церковь он принес дары своей учености, укорененность же в христианской мысли определила новизну его герменевтики. «Это была новизна *уверенного различения* – в окружении

мысли, которая утратила способность различать самые существенные вещи, утратила основания для такого различения» (с. 221).

В современных условиях, когда неспособность различать подлинное и поддельное, оригинал и копию как результат догматизма, авторитаризма, идеологичности XX в. породила страх перед уверенностью, когда неуверенность и агностицизм стали новой идеологией, этот урок Аверинцева особенно важен.

Центральное место в книге занимает «Рассуждение о методе» – название, отсылающее к знаменитому трактату Р. Декарта 1637 г., который обозначил собой начало Нового времени. Метод Аверинцева, считает О. Седакова, ознаменовал исторический поворот, связанный с концом Нового времени и началом новой эпохи – освобожденной от просвещенческих и постпросвещенческих ограниченностей. Именно в методе – «уникальность Аверинцева, его совершенно особая позиция и среди отечественной, и среди мировой гуманитарной мысли современности» (с. 147).

Его метод дедуктивен: «спуск к конкретному начинается с высоты очень больших смыслов, какими обычно предметный филолог не располагает – или не привлекает их к конкретной профессиональной работе с данным автором или данным сочинением, оставляя их в области собственной частной читательской жизни» (с. 150). Ни названия, ни терминологического инструментария, ни формализованной процедуры работы с текстом, которой можно было бы обучить, ни особых ключевых слов этот метод не имеет. Но *«у него есть язык»* (с. 159).

В самом деле, язык работ Аверинцева – то, что удивляло и завораживало с первых слов: так не писал никто. Это язык – «богатейший и просмотренный до этимологических корней, ясный и ответственный, несущий в себе память множества употреблений, стилистически точный, украшенный учеными варваризмами и неожиданными вспышками “последних слов”, выводящих за язык, как это может делать только слово поэтов или вдохновенных проповедников... Кроме того, язык, не слепой к себе, успевающий подхватить и обсудить собственные употребления» (с. 160). Характерно замечание О. Седаковой, что тексты Аверинцева «создавали своего читателя»: до их понимания

еще нужно было дорасти, «узнать множество упомянутых в них вещей и слов» (с. 155).

Особенностью работ Аверинцева была их изначальная обращенность к аудитории, когда «возможная реакция собеседника учитывается прежде, его возможные возражения или недоумения принимаются во внимание» (с. 162). Это было необычно, это был «перелом инерции, который можно вполне оценить только на фоне всеобщего состояния гуманитарного творчества. Вероятно, холод советской бесчеловечности способствовал этой странной, ненаучной находке: находке *себя как себя для другого*» (с. 167).

В своих рассуждениях Аверинцев, замечает О. Седакова, погружался в такую глубину, где отсутствуют простейшие бинарные оппозиции, но есть игра сопряженных и не сливающихся полярных начал. Эта «золотая середина» эстетики Аристотеля становится познавательным методом Аверинцева, методом здравомыслия (греч. *sophrosyne*): «Золото этой середины – динамическая неисчерпаемость значения. Такой неисчерпаемости отвечает понимание, а не толкование» (с. 173). И в этом Аверинцев практически не имел предшественников в отечественной традиции.

Работы Аверинцева, пишет О. Седакова, «помогают не умирать заживо» (с. 272), они дают мысли новое измерение, без которого «мы продолжали бы надеяться на темные интуиции в позднеромантическом духе, на иррациональную глубину – а затем, когда она свои возможности с полной очевидностью исчерпала (а случилось бы это очень быстро), и с этим покончить в духе постмодернистской деструкции, оставшись с поверхностями, симулякрами и пустыми оболочками. Иначе говоря, мы продолжали бы идти в тупик прямого продолжения того зона, знаком конца которого был Аверинцев» (с. 194).

Последствий просветительского подвига Аверинцева, однако, очень мало. Его слово, пробуждавшее советского человека «от глухого невежества – не только умственного, но и сердечного невежества», оказалось невостребованным человеком постсоветским «в его окамененном цинизме» (с. 291). И дело, видимо, не только в том, что последние свои годы Аверинцев жил и работал вне России. «В каком-то смысле, – полагает О. Седакова, – время Аверинцева просто еще и не

пришло» (с. 316). Было бы хорошо, если бы данная книга это время как-то приблизила.

В 2022 г. С.С. Аверинцеву исполнилось бы 85 лет...

ПЕРЕВОДЫ

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.12

Вацлав Кубацкий
Пластический и поэтический образ Медного всадника
(перевод с польского К.В. Душенко*)

Vaclav Kubacki
Plastic and poetic image of the Bronze Horseman
(translated from Polish by K.V. Dushenko)

От переводчика

Поводом к публикации данного перевода стала реставрация монумента Петру Великому работы Фальконе, начавшаяся в октябре 2021 г. Помещенные в прессе фотографии Медного всадника, сделанные с очень близкого расстояния и с самых различных ракурсов, как оказалось, сильно меняют стереотипное восприятие памятника. Это восприятие в значительной степени задано пушкинской поэмой, автор которой, в свою очередь, отталкивался от изображения монумента в стихотворении А. Мицкевича «Памятник Петру Великому» (1832). Несоответствие пластического и поэтического образа Медного всадника – одна из тем статьи выдающегося польского филолога Вацлава

** Душенко Константин Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: kdushenko@nl.n.ru*

Dushenko Konstantin – PhD in Historical science, senior researcher of the Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: kdushenko@nl.n.ru

Кубацкого (1907–1992) «Пальмира и Вавилон» (1952)¹. Этот фрагмент мы и предлагаем вниманию читателя; заглавие публикации принадлежит нам.

К.В. Душенко

...Монумент Петру Великому может разочаровать зрителя, который увидит его, держа перед глазами замечательное описание Мицкевича или Пушкина. Большинство мицкевичеведов монумента не видели. Пушкинисты знали его, но и для них важнее всего были тексты, источники, идеологическая проблематика. <...>

На самом деле памятник Петру Великому куда менее динамичен, чем в изображении обоих поэтов. Наиболее динамично он выглядит спереди, если смотреть наискосок с левого бока коня. Любопытно, что именно с этой стороны его чаще всего запечатлевали граверы и живописцы, а теперь «оживляют» фотографии, стараясь перешеголять наших поэтов. Увиденный с других сторон, памятник не предполагает образов движения, а сбоку, со стороны правой руки всадника, кажется почти спокойным; в этом ракурсе он весьма напоминает статую Марка Аврелия², которой противопоставляет его Мицкевич.

Памятник не изображает движения. Всадник сидит выпрямившись и голову держит величественно; тога³ спокойно свисает сзади. Конь не обхвачен коленями и не стиснут пятками. Ноги царя без стремян вытянуты вперед; между тем в беге или прыжке их отбрасывало бы назад. Его правая рука спокойно воздета в приветственном жесте. Изображенный в таком виде правитель ни на миг не удержался бы на коне, если бы тот мчался или совершал прыжок.

Приглядимся поближе к коню. Скакун словно бы не бежит, не скачет и не взбирается вверх, как у Мицкевича; он попирает передним копытом гада – обычный символ побежденных препятствий, повер-

¹ *Kubacki W. Palmira i Babilon // Pamiętnik Literacki. – Wrocław, 1950. – № 1. – S. 47–89.* (Все примечания принадлежат переводчику.)

² Этот монумент, установленный на Капитолийском холме в Риме, считался образцом конной статуи правителя.

³ В «тогу римлянина» всадник одет у Мицкевича; в действительности на нем некое условное одеяние, которое можно принять и за тунику, и за длинную древнерусскую рубашу.

женных врагов и суеверий. Техническую трудность изображения этой позы Фальконе преодолел тем, что тяжесть вздыбленного коня перенес на могучий хвост змеи. Пушкинский образ коня, стиснутого железной уздой, не согласуется с тем, что уздечка лишь слегка натянута левой рукой, а голова коня наклонена вправо, что было бы невозможно, если бы он изготовился для прыжка.

Прежние комментаторы объясняли, что Мицкевич пустил петровского скакуна в галоп в историософских целях: дескать, царь стремглав мчится вслепую вместе с Россией! Не отрицая историософской цели, замечу, что идеологическое объяснение оставляет в стороне механизм трансформации образа, а между тем он достоин внимания.

Тогда за глыбой финского гранита
В чужой предел царица шлет баржи,
И вот скала, покорствуя царице,
Идет, переплывает рубежи
И упадет в северной столице¹.

Так перефразирует поэт стихи Рубана² и переходит к установке монумента:

Тут скакуну в веселье шпоры дал
Венчанный кнутодержец в римской тоге,
И вихрем конь взлетел на пьедестал
И прынул ввысь, над бездной вскинув ноги.

Динамизация достигается обычным способом поэтического описания, т.е. разложением статичного образа скульптуры на отдельные фазы движения, протекающего во времени, согласно господствующему в то время закону, открытому и кодифицированному в «Лаокооне» Лессинга:

Царь Петр коня не укротил уздой³.
Во весь опор летит скакун литой,

¹ Здесь и далее «Памятник Петру Великому» цитируется в переводе В. Левика.

² «Нерукотворная здесь росская гора, / Вняв гласу Божию из уст Екатерины, / Прешла во град Петров, чрез Невские пучины / И пала под стопы Великого Петра» (Рубан В. Колосс Родосский, свой смири прегордый вид... 1770).

³ В оригинале: «Петр им не правит» (букв. «...его не держит»).

Топча людей, куда-то буйно рвется,
Сметает все, не зная, где предел.
Одним прыжком на край скалы взлетел,
Вот-вот он рухнет вниз и разобьется.

Прием «поэтического описания», долженствующий оживить и представить в движении неодушевленные предметы, помог Мицкевичу придать статуе Петра Великого больше динамики. Это повлекло за собой не только искажение замысла Фальконе, но и обнажило противоречие между верно переданными деталями, свидетельствующими о статичности всадника («Царь его не держит») и принципом «движения», который побуждает коня вскакивать на край скалы, грызть удила¹ (хотя Петр их не затягивает), грозит низвержением и гибелью.

Иначе в «Медном всаднике» Пушкина:

...Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой. <...>
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Пушкин, похоже, менее привержен лессинговскому канону. Повинуясь реалистическому чутью, он сосредоточил весь «импульс движения» в коне, который, как уже говорилось, может внушать впечатление некоторой динамики. Всадника он оставил неподвижным, в монументальном величии и покое, «с думой на челе». У читателя не остается сомнений в том, что прыжок, смиренный уздой, символичен: ведь это не конь стиснут мощной дланью, а поднятая на дыбы Россия! Медный всадник мчится по вымершим улицам Петербурга только в кошмарных видениях бедного Евгения.

¹ В оригинале: «Конь грызет удила».

IN MEMORIAM

Пьер Пеллегрини (1947–2022).

Памяти друга и попутчика¹

Pierre Pellegrino (1947–2022).

In memory of a friend and fellow traveler

25 января 2022 г. покинул этот мир профессор Пьер Пеллегрини (Лозанна, Швейцария), специалист в области семиотики и теории архитектуры, талантливый ученый и организатор. Список его регалий очень внушительный. Выпускник Женевского университета, Пьер Пеллегрини получил степень доктора гуманитарных наук в Университете Тулузы под руководством Раймонда Ледрута. Он был профессором Женевского университета и Национального института прикладных наук в Страсбурге, почетным президентом основанного им в Женеве Центра исследований архитектуры и архитектуроведения (CRAAL) и Международного совета по архитектурным исследованиям (ICAR). Его приглашали преподавать в Португалию, Мексику, Россию. Он имел статус официального эксперта в Швейцарии и за рубежом. Несколько лет являлся членом редакционного совета журнала *Espaceset Sociétés*² и главным редактором международного журнала *Environment, Land, Society, Architectonics (ELSA)*³, директором сборников *Economica / Anthropos* (Париж).

Пьер Пеллегрини был знаком с Умберто Эко и любил вспоминать их оживленные дискуссии. Его главные наставники и вдохновители – Мартин Крампен и Луис Прието. Мартин Крампен (1928–2015), специалист по визуальной семиотике, работал над теорией информации о промышленном дизайне и был известен исследованиями в области фитосемиотики и биосемиотики. В начале 1980-х годов вместе с

¹ Перевод с французского О.А. Лавреновой.

² URL: <http://www.espacesetsocietes.msh-paris.fr>

³ URL: <http://icar-elsa.ch/>

Томасом Себеоком способствовал введению биологии в семиотику. Луис Прието (1926–1996) – аргентинский лингвист и семиолог, ученик Андре Мартине и Эрика Буйссенса. Его основная книга «Актуальность и практика» (1975) глубоко и надолго впечатлила Пьера, в частности соображения автора об эпистемологии и теории познания. Между ними установилась крепкая дружба, и Пьер посвятил кончине Луиса Прието специальный выпуск журнала *Semiotica* (Vol. 122/1998). Также немалое влияние на ученого оказал Филипп Будон, стоявший у истоков архитектурной науки с точки зрения дизайна. Он противопоставлял фундаментальные и прикладные архитектурные исследования. Используя термин «архитектуроведение», профессор Пеллегрини вкладывал в него более эпистемологический и междисциплинарный смысл. Эпистемологические размышления о теории архитектуры занимали большое место в его исследованиях. Он также сотрудничал с математиками в разработке программ САПР (CAD) и для решения задач компьютерного проектирования вместе с Даниэлем Корай издал книгу «Архитектура и информатика»¹ (2000).

Его организаторский талант наиболее ярко проявился в работе Международной ассоциации семиотики пространства (AISE/IASSp), которая была создана в 1974 г. в Урбино по инициативе профессора Пайони. Ее первым президентом стал Мартин Крампен. Первая конференция Ассоциации была проведена в Урбино в 1981 г., потом такие встречи стали регулярными. В 2018 г. ежегодная встреча IASSp состоялась в Москве по приглашению Российской академии художеств при участии ИНИОН РАН и РГГУ и была посвящена гетеротопии и семиотике культурных ландшафтов. Материалы этой встречи опубликованы в журнале ИНИОН РАН «Человек: образ и сущность» (№ 1, 2020).

В 2019 г. организация переименована в Международную ассоциацию семиотики пространства и времени (AISE+T/IASSp+T). Пьер Пеллегрини написал ее историю² – это подлинная память об интеллектуальном приключении, эволюции научного направления семиотики

¹ URL: <https://www.goodreads.com/book/show/7237348-arquitectura-e-informatica>

² URL: <https://www.ias-st.com/history>

пространства, череде интереснейших встреч и симпозиумов, не утративших актуальность до сих пор.

Профессор Пеллегриньо внес значительный вклад в организацию исследований и составление сборников в области семиотики пространства и городской семиотики. Один из самых известных его проектов в издательстве Economica / Anthropos – сборник «Смысл пространства» (*Le sens de l'espace*) в 4 томах: «Время и место» (2000), «Городская динамика» (2000), «Грамматики и фигуры протяженности» (2003), «Архитектурный проект» (2007). Наиболее читаемая его статья (более 3 тыс. скачиваний в популярной научной социальной сети ResearchGate) – «Семиотика архитектуры»¹ (2006). Его последняя работа – энциклопедия «Архитектура смысла» (*L'Architecture du sens*), три тома доступны на сайте IASSp+T² и на его странице в ResearchGate, четвертый так и остался незавершенным.

Заглядывая в будущее, Пьер хотел завещать своим последователям направления и перспективы дальнейшей работы: открытость для всех течений семиотики без исключения, открытость всем дисциплинам, заинтересованным в изучении пространства в его различных проявлениях, междисциплинарность и способность к обсуждению – принципы, которые всегда определяли его собственную работу.

Намеченная им программа научных изысканий по мере ее выполнения будет лучшим памятником талантливому ученому, энтузиасту, который горел идеей постижения закономерностей Бытия пространства и времени и зажигал других.

Альбер Леви

архитектор-урбанист, экс-сотрудник Национального центра научных исследований, Париж, Франция
alblevy@club-internet.fr

Albert Levy

architect urbanist, ex-researcher of the National Centre of Scientific Research, Paris, France, alblevy@club-internet.fr

¹ URL: https://www.researchgate.net/publication/293026837_Semiotics_of_Architecture

² URL: <https://www.ias-st.com/prof-pellegrino-ft>

Информация для авторов

Научный журнал «Вестник культурологии» – рецензируемое научное издание ИНИОН РАН.

Журнал учрежден в 1992 г. Выходит с периодичностью четыре номера в год.

Журнал индексируется в РИНЦ.

Полнотекстовый архив журнала с 2000 г. размещен на платформе Научной электронной библиотеки: <http://inion.ru/publishing/journals/vestnik-kulturologii/>

Рукописи направляются в адрес редакции посредством системы подачи рукописей на сайте журнала по адресу: <http://inion.ru/publishing/journals/vestnik-kulturologii/>

– или на электронный адрес редакции журнала: gtn156@mail.ru в электронном виде в формате *. doc, *. docx или *. rtf.

К рассмотрению принимаются *ранее не опубликованные (и не находящиеся на рассмотрении* в других журналах и сборниках) научные статьи и аналитические обзоры.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование по модели «двойное слепое рецензирование». О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Все поступившие в редакцию журнала научные статьи и аналитические обзоры проверяются на наличие плагиата.

Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку рукописи.

Право принятия решения о соответствии / несоответствии поступивших в редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала принадлежит главному редактору и ответственному редактору (редактору-составителю текущего номера).

Об очередности опубликования статей, получивших положительные отзывы рецензентов, принимает решение редколлегия.

Научные статьи и аналитические обзоры в журнале публикуются бесплатно.

Общий объем текста одной статьи / обзора не должен превышать 1 печатный лист.

Подробное описание процедуры работы над статьей, требования, предъявляемые к рукописям, тематика журнала, состав редколлегии и редакционного совета представлены на странице журнала на официальном сайте ИНИОН РАН по адресу: <http://inion.ru/publishing/iournals/vestnik-kulturologii/>

В соответствии с договором оферты автор статьи / обзора предоставляет Издательству ИНИОН РАН на безвозмездной основе на срок действия авторского права, предусмотренного законодательством РФ, неисключительную лицензию на использование созданной автором статьи / обзора для опубликования в журнале.

В подтверждение своего согласия на публикацию в журнале автор направляет на электронный адрес редакции журнала: gtn156@mail.ru скан подписанного акцепта в формате PDF.

ВЕСТНИК КУЛЬТУРОЛОГИИ

научный журнал

2022 № 2 (101)

Адрес редакции и издания: 117997, г. Москва,

Нахимовский проспект 51/21

ИНИОН РАН. Отдел культурологии

Дизайн А.А. Демочкина

Корректурa, компьютерная верстка М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99. от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 3/V 2022. Формат 60 х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. 15,0 л. Уч.-изд. 12,75 л.

Тираж 350 экз. (1–100 – 1-й завод). Заказ № 18

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–74023

Институт научной информации

по общественным наукам РАН,

Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997,

Отдел маркетинга и распространения

информационных изданий

Тел. : (925) 517-36-91

E-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов

ул. Чернышевского, д. 88, литера У